

ISSN 2227-1538

PolitBook

politbook.online

Татьяна Рябова, Илья Туркин, Александр Коротышев
КИТАЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
СКВОЗЬ ПРИЗМУ СИМВОЛОВ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Эдуард Галимуллин, Юрий Матвеев, Максим Майоров
НАТО В АРКТИКЕ: ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИКИ
СЕВЕРОАТЛАНТИЧЕСКОГО АЛЬЯНСА В РЕГИОНЕ
И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ БЕЗОПАСНОСТИ

Александр Шинкаренко
В ОБЪЯТИЯХ ЗАВИСИМОСТИ?
ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЕ ПЕРИПЕТИИ
«ПЕКИНСКОГО КОНСЕНСУСА»

Екатерина Шевченко
ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА США В ОТНОШЕНИИ СТРАН
ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ:
ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ ИЛИ СИСТЕМНЫЙ КРИЗИС?

1
2025

ГЛОБАЛЬНАЯ НЕСТАБИЛЬНОСТЬ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Т.Б. Рябова, И.А. Туркин, А.П. Коротышев
КИТАЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
СКВОЗЬ ПРИЗМУ СИМВОЛОВ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Э.З. Галимуллин, Ю.И. Матвеев, М.Г. Майоров
НАТО В АРКТИКЕ: ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИКИ
СЕВЕРОАТЛАНТИЧЕСКОГО АЛЬЯНСА В РЕГИОНЕ
И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ БЕЗОПАСНОСТИ

А.А. Шинкаренко
В ОБЪЯТИЯХ ЗАВИСИМОСТИ?
ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЕ ПЕРИПЕТИИ
«ПЕКИНСКОГО КОНСЕНСУСА»

Е.С. Шевченко
ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА США В ОТНОШЕНИИ СТРАН
ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Главный редактор ШУМИЛОВ Андрей Владимирович кандидат политических наук, доцент Соредактор СКОВИКОВ Алексей Константинович кандидат политических наук, доцент Ответственный секретарь НИКИФОРОВА Ирина Владимировна Перевод ОРЛОВА Елена Геннадьевна Учредитель / Издатель НИИ общественных и политических наук	Научная редакция 16+ АЛЕКСЕЕВ Сергей Валерьевич кандидат политических наук, доцент АРУТЮНОВ Антон Георгиевич научный сотрудник БУРДА Михаил Александрович кандидат политических наук, доцент ЕФРЕМОВ Олег Юрьевич кандидат философских наук, доцент КАСИМОВ Евгений Витальевич кандидат исторических наук, доцент ШЕВЧЕНКО Екатерина Сергеевна кандидат политических наук
Председатель Редколлегии номера ХОРИНА Галина Петровна доктор философских наук, профессор Редакционная коллегия АВЦИНОВА Г.И. – доктор философских наук, профессор (Москва) БОЛЬШАКОВ А.Г. – доктор политических наук, профессор (Казань) БОРЩЕВСКИЙ Г.А. – доктор политических наук, профессор (Москва) БРОННИКОВ И.А. – кандидат политических наук, доцент (Москва) ВАТЫЛЬ В.Н. – доктор политических наук, профессор (Гродно) ГРИШИН О.Е. – кандидат политических наук, доцент (Москва) ГУСЕЛЕТОВ Б.П. – доктор политических наук, доцент (Москва). ИЛЬМЯРВ М. – доктор истории, PhD (Таллин) КАПИЦЫН В.М. – доктор политических наук, профессор (Москва) КЕРЯН Г.М. – доктор политических наук, профессор (Ереван) КОЗЛОВА Н.Н. – доктор политических наук, профессор (Тверь) КОРЯКОВЦЕВА О.А. – доктор политических наук, профессор (Ярославль) КУРИЛЛА И.И. – доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург) ЛЕДЯЕВ В.Г. – доктор философских наук, профессор (Москва), доктор политики, PhD (Манчестер)	ЛЕОНТЬЕВА О.В. – кандидат политических наук, доцент (Тирасполь) МИНЕЕВА Е.К. – доктор исторических наук, профессор (Чебоксары) НАСИМОВА Г.О. – доктор политических наук, профессор (Алматы) ОМЕЛЬЧЕНКО Н.А. – доктор исторических наук, профессор (Москва) ПАСТУХОВА Л.С. – доктор педагогических наук, кандидат политических наук, доцент (Москва) ПРОРОК В. – доктор философии, PhD (Прага) РЯБОВА Т.Б. – доктор социологических наук, профессор (Санкт-Петербург) САМАРКИНА И.В. – доктор политических наук, профессор (Краснодар) СЕРГЕВНИН В.А. – PhD, доктор юриспруденции (Макомб) СОКОЛОВ А.В. – доктор политических наук, доцент (Ярославль) ТУРОВСКИЙ Р.Ф. – доктор политических наук, профессор (Москва) ХОРИНА Г.П. – доктор философских наук, профессор (Москва) ЧЕРНЫШОВ Ю.Г. – доктор исторических наук, профессор (Барнаул) ШИРОКОВ О.Н. – доктор исторических наук, профессор (Чебоксары) ЮРЧЕНКО С.В. – доктор политических наук, профессор, (Симферополь)

Editor in Chief SHUMILOV Andrei Executive Secretary NIKIFOROVA Irina Translate ORLOVA Elena Design PAVLUNIN Dmitriy Publisher Institute of Social and Political Sciences	Co-Editor SKOVIKOV Alexey Editors ALEKSEEV Sergey ARUTYUNOV Anton BURDA Mihail EFREMOV Oleg KASIMOV Evgeniy SHEVCHENKO Ekaterina
Chairman of the Editorial board HORINA Galina Prof. Editorial Board AVTSINOVA Galina Prof. (Moscow) BOLSHAKOV Andrey Prof. (Kazan) BORSHCHEVSKY Georgiy Prof. (Moscow) BRONNIKOV Ivan Assoc. Prof. (Moscow) VATYL Viktor Prof. (Grodno) GRISHIN Oleg Assoc. Prof. (Moscow) GUSELETOV Boris Assoc. Prof. (Moscow) ILMJARV Magnus PhD (Tallinn) HORINA Galina Prof. (Moscow) KAPITSYN Vladimir Prof. (Moscow) KERYAN Garik Prof. (Yerevan) KORYAKOV TSEVA Olga Prof. (Yaroslavl) KOZLOVA Natalia Prof. (Tver) KURILLA Ivan Prof. (Saint-Petersburg) LEONTEVA Olga Assoc. Prof. (Tiraspol)	LEDYAEV Valeriy Ph.D. (Manchester), Prof. (Moscow) MINEEVA Elena Prof. (Cheboksary) NASIMOVA Gulnar Prof. (Almaty) OMELCHENKO Nikolay Prof. (Moscow) PASTUHOVA Larisa Assoc. Prof. (Moscow) PROROK Vladimir. PhD (Prague) RIABOVA Tatiana Prof. (Saint Petersburg) SERGEVNIN Vladimir Prof. (Macomb) SHIROKOV Oleg Prof. (Cheboksary) SAMARKINA Irina Prof. (Krasnodar) SOKOLOV Aleksander Assoc. Prof. (Yaroslavl) TUROVSKY Rostislav Prof. (Moscow) CHERNYSHOV Yriy Prof. (Barnaul) YURCHENKO Sergey Prof. (Simferopol)

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛОБАЛЬНАЯ НЕСТАБИЛЬНОСТЬ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Т.Б. Рябова, И.А. Туркин, А.П. Коротышев

КИТАЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ СИМВОЛОВ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ: ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ СМИ США МЕТОДАМИ АНАЛИЗА БОЛЬШИХ ДАННЫХ **5**

Е.С. Шевченко

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА США В ОТНОШЕНИИ СТРАН ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ ИЛИ СИСТЕМНЫЙ КРИЗИС? **22**

Э.З. Галимуллин, Ю.И. Матвеев, М.Г. Майоров

НАТО В АРКТИКЕ: ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИКИ СЕВЕРОАТЛАНТИЧЕСКОГО АЛЬЯНСА В РЕГИОНЕ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ БЕЗОПАСНОСТИ **41**

Б.П. Гуселетов

ИТОГИ ЕВРОПЕЙСКИХ И ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРОВ В АВСТРИИ 2024: РОСТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ И УСИЛЕНИЕ ПОЗИЦИЙ ПРАВЫХ РАДИКАЛОВ **60**

А.А. Шинкаренко

В ОБЪЯТИЯХ ЗАВИСИМОСТИ?
ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЕ ПЕРИПЕТИИ «ПЕКИНСКОГО КОНСЕНСУСА» **78**

Т.З. Мансуров

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ АРМЯНО-АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО КОНФЛИКТА: ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ **98**

СТАТЬИ

О.В. Попова

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КЛАСС В СОВРЕМЕННОМ ГОСУДАРСТВЕ: ОЦЕНКИ ЭКСПЕРТОВ **129**

О.Б. Януш

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ПРЕДМЕТНОМ ПОЛЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ **145**

Ю.В. Баталова

ЦЕННОСТИ РОССИЙСКИХ НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ **173**

Наши авторы

197

The contents

В журнале отражены личные взгляды авторов, которые могут не совпадать с позицией редакции журнала «PolitBook».

ТЕМА НОМЕРА

**Т.Б. Рябова,
И.А. Туркин,
А.П. Коротышев**

**T. Riabova,
I. Turkin,
A. Korotyshev**

КИТАЙСКО- АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ СИМВОЛОВ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ: ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ СМИ США МЕТОДАМИ АНАЛИЗА БОЛЬШИХ ДАННЫХ *

CHINESE-AMERICAN RELATIONS THROUGH THE PRISM OF COLD WAR SYMBOLS: EXPERIENCE OF STUDYING US MEDIA USING BIG DATA ANALYSIS

Аннотация

В статье с помощью методов анализа больших массивов информации исследуется, как современные американские СМИ используют символы Холодной войны в репрезентациях китайско-американских отношений. Материалами послужили публикации в ведущих СМИ США различной политической направленности; хронологическими рамками исследования стали 2021- 2024 гг.

Авторы отмечают, что использование символов Холодной войны современными СМИ призвано, во-первых, предложить аудитории понятную объяснительную модель; во-вторых, обосновать неизбежность победы Соединенных Штатов: подобно тому, как Америка одержала верх над СССР, она победит и КНР, используя опыт Холодной войны для сдерживания нового соперника.

Авторы констатируют активное использование символов Холодной войны американскими СМИ для объяснения текущих международных отношений. Помимо российско-американских отношений, эти символы привлекаются для репрезентаций отношений США с Китаем, который рассматривается в качестве потенциального соперника, способного бросить вызов гегемонии США. Анализ эмпирических

Abstract

The article uses methods of analyzing large amounts of information to examine how contemporary American media use Cold War symbols in the representation of Sino-American relations. The materials include publications in leading US media of various political orientations; the chronological framework of the study is 2021-2024.

The authors believe that the use of Cold War symbols by modern media is intended, first, to offer the audience an understandable explanatory model; second, to justify the inevitability of the United States' victory: just as America defeated the USSR, it will defeat the China, using the Cold War experience to contain a new rival.

The authors note the active use of Cold War symbols by the U.S. media to explain current international relations. In addition to U.S.-Russian relations, these symbols are used to represent U.S. relations with China, which is seen as a potential rival capable of challenging U.S. hegemony. An analysis of empirical data shows that «communism» has become the most sought-after marker of modern China in the thematic contexts of the Cold War. At the same time, as shown in the article,

данных показывает, что наиболее востребованным маркером современного Китая в тематических контекстах Холодной войны стал «коммунизм». При этом, как показано в статье, СМИ США ассоциируют с коммунизмом, прежде всего, нынешний Китай, а их аудитория все еще увязывает данный термин с нынешней Россией. Отождествление КНР с коммунизмом происходит с помощью проведения аналогий между Китаем и СССР; между политиками Китая и деятелями советской истории, а также через акцентирование названия крупнейшей партии страны – Коммунистической партии Китая. Среди других популярных символов, используемых в контексте Холодной войны в отношении Китая, – «экспансионизм», «ядерное оружие», «Империя Зла».

the US media associates communism, first of all, with present-day China, their audience still links this term with present-day Russia. China is identified with communism by drawing analogies between China and the USSR; between Chinese politicians and figures of Soviet history, by emphasizing the name of the country's largest party - the Chinese Communist Party. Among other popular symbols used in the context of the Cold War in relation to China are «expansionism», «nuclear weapons», the «Evil Empire».

Ключевые слова:

Холодная война, «Новая Холодная война», китайско-американские отношения, российско-американские отношения, СМИ США, большие данные, политический символ, имагология Холодной войны.

Key words:

Cold War, the «New Cold War», China-USA relations, Russia-USA relations, US mass media, big data in politics, political symbol, imagology of the Cold War.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2025-1-5-21>

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00305, <https://rscf.ru/project/22-18-00305/>.

Сегодня отношения России и США находятся на низшей точке со времён Холодной войны, что является угрозой безопасности для всего мира. Понимание закономерностей этой конфронтации, ее сути, причин и последствий еще не наступило. Именно в такие моменты актуализируются резервуары значений, которые отсылают к уже состоявшимся событиям истории, получившим устойчивую интерпретацию. Символы Холодной войны являются одним из тех ресурсов символической политики, которые предоставляют возможность использовать аналогии из прошлого конфликта для объяснения настоящего. Возвращение дискурса Холодной войны нередко связывают с Мюнхенской речью В. Путина, после которой стал набирать популярность термин «Новая Холодная война» (Lucas, 2009); еще более заметным оно стало с началом конфликта на Украине в 2014 году. К опыту Холодной войны для интерпретации современной ситуации обращаются лидеры государств и высокопоставленные политики, представляющие державы, которые находятся по разные стороны баррикад: В. Путин, С. Лавров, Дж. Байден,

Д. Трамп, Э. Блинкен, Си Цзиньпин, Э. Макрон, О. Шольц (Farbøl, 2017; Ковалев, 2022; Амиров, Глебович, 2023; Рябова, Туркин, 2024). Поэтому для понимания того, под влиянием каких когнитивных схем, каких нарративов принимаются решения на международной арене, следует обратить внимание на имагологию Холодной войны и на использование символов советско-американской глобальной конфронтации в современном политическом противостоянии держав, отраженное, прежде всего, в массмедиа. Среди основных вопросов, ответ на которые должно дать экспертное сообщество, отметим следующие. Насколько активно СМИ используют эти символы для репрезентаций сегодняшних международных отношений? Какое содержание вкладывают сегодня СМИ в эти символы и каковы тематические контексты их употребления? Что из символического наследия Холодной войны является наиболее востребованным при этом? Для характеристики преимущественно каких стран эти символы используются?

Мы уже обращались к данной проблематике, основываясь на результатах проведенного нами исследования российских СМИ методами анализа больших массивов информации; в частности, рассматривалось использование символов Холодной войны применительно к российско-американским отношениям (Рябова, Туркин, 2024). Цель данной статьи – проанализировать, каким образом символы Холодной войны используются в СМИ современных США для репрезентаций китайско-американских отношений.

Методология и методы исследования

Теоретической рамкой исследования выступает конструктивистская методология, согласно которой знание является не объективной данностью, но результатом работы по сборке социальной реальности (Berger, Luckman, 1992). Когда мы используем определённые методы описания реальности, мы не только характеризуем эту реальность, но и в известной мере производим её (Ло, 2015). Например, если мы описываем наш мир как находящийся в состоянии Холодной войны, то мы уже предлагаем определённую оптику восприятия окружающего нас мира, тем самым способствуя «разжиганию» новой Холодной войны. Наиболее полно этот феномен описали Дж. Лакофф и М. Джонсон, показавшие, как с помощью использования агрессивной и алармистской риторики конструировался образ врага, который затем становился в американском массовом дискурсе объективной данностью (Лакофф, 2004).

Одной из важнейших причин реактуализации риторики Холодной войны была потеря Соединенными Штатами Америки геополитического соперника; И. Нойманн подчеркнул, что коммунистическое государство было воплощением абсолютного Другого, который цементировал общество внутри страны (Нойманн, 2004; о роли СССР в идентичности США см. также: Campbell, 1992; Sharp, 2000; Рябов и др., 2023). С исчезновением «врага номер один» ушла в небытие и абсолютная уверенность американского государства в правильности своих действий и своих целей. Поэтому период после Холодной войны был временем поиска новых ориентиров, попытками создания нового врага из ислама, Китая, а также возвращения темы России.

Сегодня именно КНР является основным внешнеполитическим вызовом для США – даже несмотря на то, что инициативы Китая, как правило, оцениваются как не представляющие угрозы фундаментальной целостности международной системы (Mazarr, Heath, Cevallos, 2018; Christensen, 2020; Roach, 2022; Leoni, 2024). Например, во Временном стратегическом руководстве по национальной безопасности США от 3 марта 2021 года было зафиксировано, что Китай является главным стратегическим вызовом, превосходящим даже Россию¹. Неудивительно, что тематика Холодной войны включается теперь в антикитайскую риторику.

Образы и символы Холодной войны можно интерпретировать в качестве ресурса символической политики, то есть, производства различных способов интерпретации социальной реальности и борьбу за их доминирование в публичном пространстве (Малинова, 2015). Среди ключевых свойств политического символа выделяют такие, как способность вызывать сильную эмоциональную реакцию; способность быть включенными в создание символических границ между «своими» и «чужими»; пластичность и многозначность (Рябов и др., 2023). Символ облегчает, помимо прочего, передачу опыта от одного поколения к другому (DeZalia, Moeschberger, 2014); отметим, что для США – это опыт предыдущего противостояния с СССР.

В ходе нашего исследования мы проверяли те символы, которые потенциально могли привлекаться в СМИ США для интерпретации текущей ситуации. Каждый из символов мы определяли как отдельное тематическое направление анализа сетевой активности. Всего было выбрано 15 символов,

¹ Interim National Security Strategic Guidance (2021). The White House. <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/03/03/interim-national-security-strategic-guidance/>

объединенных в три группы. Мониторинг включал различные контексты их применения и словоформы.

Первая группа, «нарративные символы», объединяла образы Холодной войны с наиболее широким семантическим значением; они широко применялись как в нарративе СМИ, так и в общественном нарративе (New Cold War, Nuclear weapon, KGB, Communism). Их можно встретить в выступлениях официальных лиц, в журналистских публикациях, в интернет-постинге. Широкое использование этих символов говорит о наличии укоренившихся в обществе стереотипов, устойчивых образов и особенностях общественного восприятия, на которые опираются и которые транслируют ведущие СМИ.

Вторая группа символов, «исторические», обозначают значимые события, явления или процессы, имевшие место в эпоху Холодной войны (Cuban missile crisis, Berlin wall, Fulda gap, Iron Curtain, Marshall Plan). СМИ, как правило, используют их в аналитических публикациях, ориентированных на относительно образованного читателя. Распространенность данных символов позволяет судить не только о современной риторике, но также о социальных представлениях об исторических событиях.

Третья группа символов, «культурные», отражает распространённость в информационном пространстве образов Холодной войны, укорененных в массовой культуре (James Bond, Ivan Drago, Russian bear, Russian spies, Evil Empire). В XXI веке они продолжают оставаться частью общественного сознания и нередко используются СМИ с целью вызвать у потребителей медиа-контента нужные ассоциации. В отдельных случаях, когда необходимо было работать с многозначными понятиями или несколькими формулировками со сходным семантическим значением, мониторинг для одного символа проводился по нескольким формулировкам.

Материалами послужили данные американских СМИ, имеющих интернет-версию. Всего было отобрано 12 ведущих СМИ (The American Conservative, Breitbart, CNN, Fox News, Foreign Affairs, Politico, Wall Street Journal, Washington Post и др.). Критериями для отбора стали, во-первых, популярность издания, во-вторых, представленность основных политических ориентаций в американском социуме¹.

¹ Мы следуем типологии Pew Research Center, согласно которой CNN, Politico или Washington Post маркируются как «последовательно более либеральные» (consistently more liberal), а Fox News или Breitbart – как «последовательно более консервативные» (consistently more conservative). (Political Polarization & Media Habits, 2014).

Хронологические рамки исследования ограничены периодом с 1 января 2021 по 1 августа 2024 гг. Это объясняется, прежде всего, тем, что именно с 2021 г. нарастает конфликтогенность миропорядка, сопровождающаяся «распаковкой» межгосударственных конфликтов. Согласно данным по вооружённым конфликтам UCDP, 2022 год стал самым конфликтным со времён Холодной войны¹. Мы исходим из того, что нарастание конфликтов должно было сопровождаться появлением убедительных объяснительных схем этих конфликтов, что, в свою очередь, предполагает привлечение образов и символов; поскольку же главными акторами противостояния стали США и Россия, то резонно предположить, что среди них важное место займут образы и символы советско-американской конфронтации.

Сбор информации осуществлялся с помощью сетевой онлайн платформы «Пресс индекс», предназначенной для анализа данных СМИ и социальных сетей. Полученные количественные данные об использовании символов Холодной войны в анализируемых изданиях дополнительно проверялись поиском контекста употребления этих символов.

Результаты исследования

Анализ массива числовых данных, полученных в ходе мониторинга отобранных масс медиа, позволил сделать несколько заключений. Прежде всего, отметим очевидную востребованность символа Холодной войны в нарративах ведущих американских СМИ исследуемого периода; он используется и в историческом контексте, и применительно к современной ситуации (Рябова, Туркин, 2024).

Другой значимый вывод – символ «Холодная война» устойчиво употребляется для характеристики не только России, но и Китая, причем в последнем случае востребованность значительно выше (рис. 1). Заметим, что приведенные массивы данных могут быть и пересекающимися – в одной статье могут одновременно фигурировать термины «Cold War», «China» и «Russia».

¹ Uppsala Conflict Data Program. USDP. <https://ucdp.uu.se/encyclopedia>.

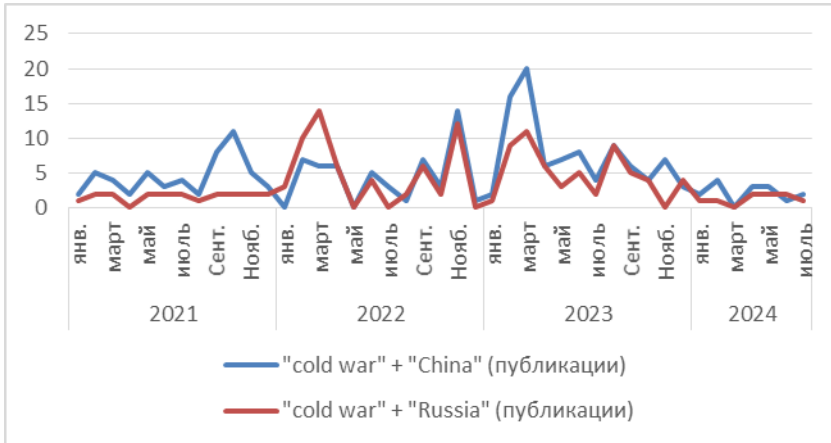

Рисунок 1 – Динамика публикаций, содержащих лексемы «Cold War+China», а также «Cold War+Russia» (янв. 2021 г. – июль 2024 г.)

Динамика публикационной активности СМИ достаточно четко следует международно-политической конъюнктуре. Так, резкий всплеск использования символов Холодной войны в отношении России произошел после начала СВО; в марте 2022 года охват аудитории публикаций, в которых Россия упоминается в контексте Холодной войны, превысил 63 млн. Что касается Китая, то пики употребления исследуемых символов приходились на обсуждение энергетического кризиса в Поднебесной, испытание гиперзвуковой ракеты, способной нести ядерный заряд, и – в максимальной степени – на ход дискуссий о визитах китайского лидера Си Цзиньпина в Москву в ноябре 2022 года и марте 2023 года; эти визиты дали заметный импульс использованию символов Холодной войны по отношению к России, однако в отношении самого Китая этот эффект оказался почти в 2 раза сильнее. Наконец, еще одним поводом стало европейское турне Си Цзиньпина весной 2024 года, в период которого журналисты обсуждали заявления китайского лидера о недопустимости начала новой Холодной войны.

Отвечая на вопрос, какие символы Холодной войны стали наиболее и наименее востребованными в американских СМИ, отметим, что те из них, которые мы определили как «символы массовой культуры» (Джеймс Бонд, Иван Драго и т.д.), в анализируемых изданиях за исследуемый период почти не появлялись. Не стали частотными в употреблении масс медиа и такие популярные символы Холодной войны, как «железный занавес» и «Берлинская стена», хотя международная обстановка к этому, казалось бы, располагала.

Значительно более популярными оказались символы, которые имеют отношение к идеологическому противостоянию. Интересно, что наиболее частотным в контексте тематики Холодной войны стал «коммунизм» («communism»). Вероятно, это связано с тем, что данный символ удобен как для стигматизации своих оппонентов внутри страны, так и для конструирования внешнеполитического врага. Для США создание образа нового «значимого Другого», который был утерян после распада Советского Союза, было необходимо; символ коммунизма, «империи Зла» оказался востребованным у американской аудитории и после ухода СССР с исторической арены.

На рис. 2 можно видеть, что с началом СВО использование лексемы «коммунизм» ведущими американскими СМИ по отношению к России выросло в пять раз. Регулярно термин «communism» употребляется и по отношению к КНР. Динамика соответствующего нарратива подвержена колебаниям, которые были связаны с любыми заметными событиями в Китае: от наводнения в провинции Хэнань до переизбрания Си Цзиньпина на пост генерального секретаря ЦК КПК. Сопоставив абсолютные цифры охвата аудиторией публикаций о «российском» и «китайском» коммунизме, можно сделать вывод, что публикации о «коммунистической» России (хотя в количественном отношении они уступают публикациям о «коммунистическом» Китае) вызывают, как правило, больший общественный интерес, достигая в пике 228,6 млн человек. Исходя из полученных эмпирических данных, можно предположить, что СМИ США уверенно ассоциируют современный Китай с коммунизмом, «коммунизм» – с Китаем, в то время как их аудитория все еще увязывает данный термин с Россией.

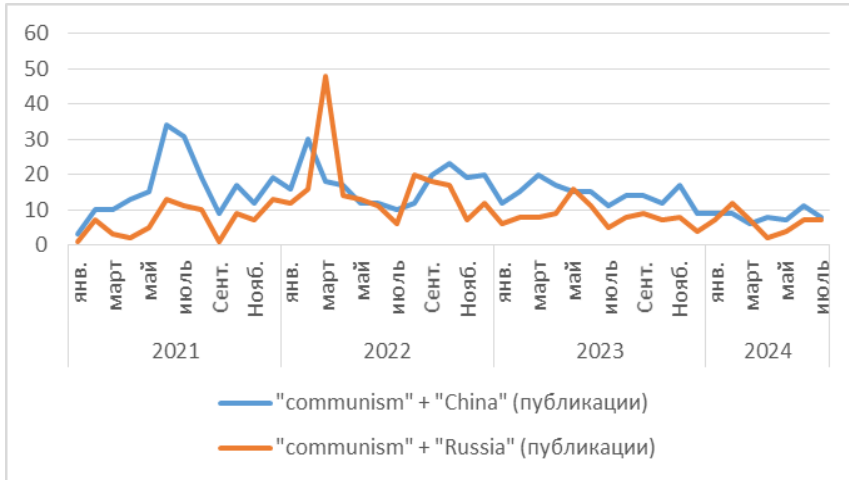

Рисунок 2 – Число публикаций, содержащих лексемы «communism + China» и «communism + Russia» в ведущих СМИ США (янв. 2021 г. – июль 2024 г.)

Отдельно необходимо отметить, что консервативные СМИ чаще описывают политику современного Китая с помощью символа «коммунизм». Так, публикаций о «коммунистическом Китае» за анализируемый период в Breitbart было почти в тринадцать раз больше, чем в The New York Times (349 и 28 соответственно), в восемь раз больше, чем в Politico и в четыре раза больше, чем в Washington Post. Нередко использовал характеристику «коммунистический» в отношении КНР и Fox News (98). Такая ситуация является отражением позиции консервативных политиков, которые используют историческую память о противостоянии Холодной войны, в которой коммунисты представляли в качестве абсолютного зла, для мобилизации усилий американского государства на борьбу с растущей силой КНР и для достижения в этом новом противостоянии двухпартийного консенсуса.

Как происходит отождествление КНР с коммунизмом? Прежде всего, с помощью проведения аналогий между Китаем и СССР; при этом КНР репрезентируется в качестве гораздо более опасного соперника¹. Аналогии проводятся и между политиками Китая и историческими личностями. Х. Брэндс и Дж. Л. Гэддис в статье «Новая Холодная война. Америка, Китай и эхо истории» пишут, что политика Си в рамках проекта «Один пояс и один путь» аналогична политике Сталина и Гитлера и направлена на создание инфра-

¹ This is how we win a new Cold War with China. Fox News. (2023). <https://www.foxnews.com/opinion/how-we-win-new-cold-war-china>

структуры для захвата США¹. Эти аналогии, помимо прочего, выполняют функции предсказания победы – подобно тому как, США одержали верх над СССР, они победят и КНР.

Коммунистическая суть КНР нередко подчеркивается путем акцентирования названия главной партии Китая – «Коммунистическая партия Китая»; уже это должно пробуждать у аудитории ощущение опасности. Например, спикер Палаты представителей США К. Маккарти заявил, что влияние КПК давно вышло за конвенциональные рамки влияния на другие страны. Более того, предупредил он, сегодня для нанесения ущерба национальной безопасности США Китай проник в систему американского высшего образования². Представительница умеренного крыла Республиканской партии Н. Хейли, аргументируя свою позицию о необходимости сокращения финансирования Китая американских университетов, призывает дать понять «коммунистам серьёзность позиции Вашингтона»³. «Коммунистический Китай» становится аргументом в тайваньском вопросе, актуализируя образ коммунизма как абсолютного зла, силой распространяющего свое влияние в период Холодной войны. М. Поттингер характеризует Китай как пример обновлённого «ленинского тоталитаризма», который вывел на новый уровень механизмы информационной слежки как за собственными гражданами, так и за иностранцами с целью влияния на них, запугивания и шантажа⁴.

Далее, для объяснения сущности китайского противника берутся на вооружение и популярные символы Холодной войны, имеющие ценностное измерение, таким символом стал символ «Империя Зла». Это определение Р. Рейгана в отношении СССР было одним из самых популярных маркеров советского государства; анализ частотности употребления этого символа в американских СМИ показывает интересную динамику в течение исследуемого периода. В 2021 г. этим термином чаще всего характеризовали Китай

¹ Brands, H., Gaddis, J.L. (2021). The New Cold War. America, China, and The Echoes of History. *Foreign Affairs*. 100 (6), 10-22. <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2021-10-19/new-cold-war>

² China and the US are locked in a cold war. We must win it. Here's how we will. *Fox News*. (2022). <https://www.foxnews.com/opinion/america-locked-china-cold-war-win>.

³ Exclusive – Nikki Haley: If I Was President, China Never Would Have Sent a Spy Balloon / BREITBART. (2023). Exclusive - Nikki Haley: 'If I Was President, China Never Would Have Sent a Spy Balloon' ([breitbart.com](https://www.breitbart.com)).

⁴ Pottinger, M. (2021). Beijing's American Hustle. How Chinese Grand Strategy Exploits U.S. Power. *Foreign Affairs*. 100 (5), 102-115. <https://www.foreignaffairs.com/articles/asia/2021-08-23/beijings-american-hustle>.

(37% от всех упоминаний символа; следом шли Россия (14%) и Иран (6%))¹. СВО изменила картину использования символа; в 2022 году в половине случаев определение «Империя Зла» было адресовано России (50%); Китай маркировался подобным образом значительно реже (16 %). Однако в следующем году символ в отношении Китая использовали с той же частотой (17%), но в отношении России – значительно реже (26%).

Примечательно, что определение «коммунистический» по отношению к Китаю используется и в контексте, казалось бы, очень далекой от идеологии тематики – тематики инновативного развития. «Новая Холодная война» с КНР сегодня включает такую арену противостояния, как киберпространство. Это связано с резко усилившейся конфронтацией в области инновационной конкуренции; именно тематика технологического развития Китая стала для США одной из ключевых. В 2021–2023 гг. охват публикаций с лексемами «technology» и «China» уверенно достигал 1,5 млрд, затем, в 2024 г. снизился более чем вдвое. Впрочем, такой эффект заметен и в публикациях, посвященных России: падение охвата аудитории с 1 млрд. пользователей в 2022-2023 гг. до около 0,5 млрд в начале лета 2024 года (рис. 3). Американские комментаторы утверждают, что если СССР не мог соперничать с США в области технологий, то коммунистический Китай сегодня представляет гораздо более опасного противника². При этом Пекин репрезентируется в качестве враждебного государства, которое, «позаимствовав» западные технологии, применяет их не для демократических преобразований в стране, а для слежки за собственным народом³. Утверждается, что Китай создаёт новую экзистенциальную арену противостояния – цифровое пространство, и задача США состоит в том, чтобы использовать опыт Холодной войны для победы уже над новым врагом⁴.

¹ Заметим, что в значение «Китай» мы включали и упоминания собственно Китая, и упоминания Пекина.

² Darby, C., Sewall, S. (2021). The Innovation. Wars America's Eroding Technological Advantage. Foreign affairs. <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2021-02-10/technology-innovation-wars>.

³ Pottinger, M. (2021). Beijing's American Hustle. How Chinese Grand Strategy Exploits U.S. Power. Foreign affairs. <https://www.foreignaffairs.com/articles/asia/2021-08-23/beijings-american-hustle>

⁴ Schmidt, E. (2021). Innovation Power. Why Technology Will Define the Future of Geopolitics. Foreign affairs. <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2021-02-10/technology-innovation-wars>.

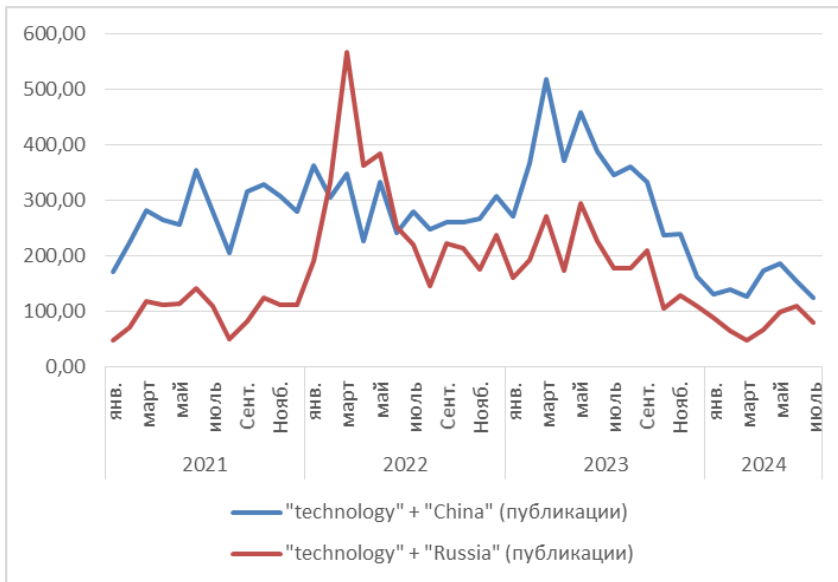

Рисунок 3 – Число публикаций, содержащих лексемы «technology + China» и «technology + Russia» в ведущих СМИ США (янв. 2021 г. - июль 2024 г).

Данная арена противостояния является ключевой, подобно тому, как угроза применения ядерного оружия была основной во время Холодной войны. Дж. Най в статье «Конец кибер-анархии? Как создать новый цифровой порядок» пишет, что, несмотря на ограниченность международного права, стороны всё равно должны договариваться о регулировании киберпространства. Он считает, что с помощью формальных и неформальных институтов стороны смогут ограничить своё поведение, чтобы само противостояние приобрело чёткие институциональные рамки. В пример он приводит обращение со шпионами во время Холодной войны, когда доминировала неформальная норма депортации, но не казни¹.

Еще одним популярным символом Холодной войны, который используется в отношении Китая, является символ экспансии – экспорта экономического, политического, культурно-идеологического влияния в третьи страны (а сегодня экспансию связывают еще и с экспортом цифровых технологий).

¹ Nye, J. S. Jr. (2021). The End of Cyber-Anarchy? How to Build a New Digital Order. Foreign Affairs. 101 (1), 32-44.

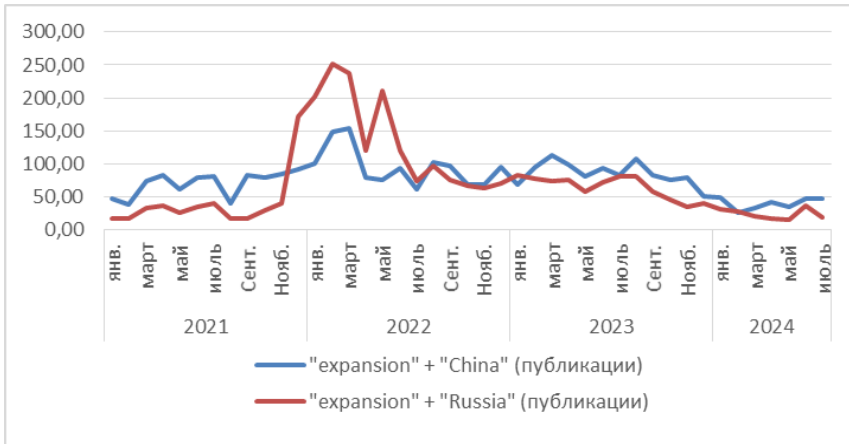

Рисунок 4 – Число публикаций, содержащих лексемы «expansion + China» и «expansion + Russia» в ведущих СМИ США (янв. 2021 г. - июль 2024 г.)

В отношении России подобная динамика выглядит вполне объяснимо: резкий подъем совпал с началом конфликта на Украине. К 2024 г. уровень интереса американских СМИ к «российской экспансии» снижается, возвращаясь к своему обычному уровню. Тема «китайской экспансии» присутствует в нарративе американских СМИ на постоянной основе. Число публикаций, содержащих лексемы «expansion» и «China» в 2022-2023 гг. устойчиво держится выше 70 в месяц, образуя при этом охват аудитории более 400 млн, что является очень значимым показателем (рис. 4). При этом можно зафиксировать и случаи, когда охват аудитории продолжает расти после падения числа публикаций, что позволяет предполагать устойчивый интерес общества к теме.

Наконец, заслуживает отдельного упоминания следующее обстоятельство, которое проявляло себя в большинстве направлений анализа. Пик использования тематики Холодной войны в отношении России приходится на время начала СВО, когда западные СМИ обращались к символике противостояния второй половины XX века для формирования антироссийской информационной повестки. Однако аналогичный пик активности заметен и в публикациях, посвященных Китаю. Это свидетельствует о том, что политика РФ и КНР, образы России и КНР зачастую рассматриваются американскими СМИ в тесной взаимосвязи.

Заслуживают внимания и тематические контексты употребления образов и символов Холодной войны в российских и американских СМИ. Во-

первых, Холодную войну вспоминали и обсуждали в контексте не столько идеологического, сколько военного противостояния. Наиболее часто российские СМИ обращались к теме ядерного оружия (рис. 5); причем использование лексем «ядерное оружие», «угроза применения ядерного оружия» демонстрирует рост после начала СВО. Как показывает (рис. 5), американские СМИ обращались к использованию символа «Nuclear weapon» в пять раз реже; иногда разрыв становится десятикратным. Одним из объяснений причин такого разрыва является широкое обсуждение шестидесятилетия Карибского кризиса в России; в США это событие, очевидно, вызвало меньший интерес.

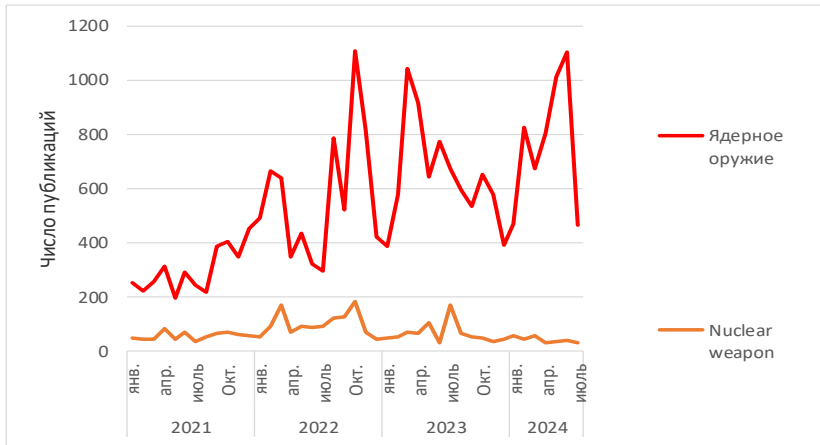

Рисунок 5 – Символы ядерной угрозы и ядерного оружия в ведущих СМИ России и США (янв. 2021 г. – июль 2024 г.)

При этом хотя Россия и КНР воспринимаются как источник опасности, связанной с применением ядерного оружия, все же чаще этот символ – один из ключевых для массовой культуры Холодной войны – используется в контексте обсуждения ядерной угрозы со стороны Ирана. В 2021 году 8 000 публикаций о ядерной угрозе упоминали Иран, в то время как Россию – 1 173, а Китай – 1 369. В год начала СВО количество упоминаний в таком контексте России стало значительно больше, но их число все равно уступало численности предостережений об иранской угрозе (8 556 и 9 352 соответственно). Таким образом, американские СМИ были больше обеспокоены проблематикой распространения

ядерного оружия на Ближнем Востоке, чем перспективой его применения в Европе или наращиванием ядерного арсенала Китая¹.

Подведем итоги. Во-первых, сегодня символика Холодной войны в США используется для характеристики не только России как правопреемницы СССР, но Китая (а также Ирана).

Во-вторых, через призму использования символики Холодной войны американскими СМИ заметна возрастающая роль Китая. Сегодня именно Поднебесная предстаёт в качестве потенциального «врага номер один», способного бросить вызов гегемонии США.

В-третьих, несмотря на стремительный рост интереса к России после начала СВО, можно фиксировать возвращение показателей публикационной активности на уровень до февраля 2022 года. Это может быть расценено как свидетельство того, что европейское направление не является первостепенным для США, а Российская Федерация репрезентируется больше в качестве временного вызова.

В-четвертых, для репрезентаций сущности китайского соперника берут на вооружение и те символы Холодной войны, содержание которых связано с аксиологической составляющей конфронтации; таким символом, прежде всего, стал символ «Империя Зла».

Литература

Berger, P. L. & Luckman, T. (1966). *The social construction of reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*.

Campbell, D. (1998) *Writing security: United States foreign policy and the politics of identity*.

Christensen, Th. J. (2020). *No New Cold War: Why US-China Strategic Competition will not be like the US-Soviet Cold War*. Asan Report. Asan Institute for Policy Studies. <https://www.jstor.org/stable/resrep26078>.

DeZalia, R. A. P. & Moeschberger, S. L. (2014). *The Function of Symbols that Bind and Divide*. In R.A.P. DeZalia, S.L. Moeschberger (Ed.), *Symbols that bind, symbols that divide: the semiotics of peace and conflict*.

Farbøl, R. (2017). *Commemorating a War That Never Came: The Cold War as Counter-factual War Memory*. In Törnquist-Plewa, B & Sindbaek Andersen, T (Eds) *The Twentieth Century in European Memory: Transcultural Mediation and Reception*.

Leoni, Z. (2024). *A New Cold War: US-China Relations in the 21st Century*.

Lucas, A. (2008). *The new cold war: Putin's Russia and the threat to the West*. Palgrave Macmillan.

¹ Sadjadpour, K. (2022). Iran's Hollow Victory. The High Price of Regional Dominance. Foreign affairs. <https://www.foreignaffairs.com/articles/iran/2022-02-16/irans-hollow-victory>.

Mazarr, M. J., Heath, T. R. & Cevallos, A. S. (2018). *China and the International Order*. RAND Corporation. Santa Monica.

Roach, S. (2022). *Accidental Conflict: America, China, and the Clash of False Narratives*.

Sharp, J. P. (2000). *Condensing the Cold War*. Reader's Digest and American Identity. 2000.

Амиров, В. М., Глебович, Т. А. (2023). Идеологема «холодная война»: аспекты функционирования в историческом и современном медиапространствах. *Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки*. 25(1), 80–95. DOI 10.15826/izv2.2023.25.1.005.

Ковалев, Н. А. (2022). Концепт New Cold War на фоне вызовов современности (на материалах англоязычной прессы). *Филологические науки в МГИМО*. 8(2), 18–28. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-2-31-18-28>.

Лакофф, Дж., Джонсон, М. (2004). *Метафоры, которыми мы живём*. Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова.

Ло, Дж. (2015). *После метода: беспорядок и социальная наука* / Пер. с англ. С. Гавриленко, А. Писарева и П. Хановой. Науч. ред. перевода С. Гавриленко.

Малинова, О. Ю. (2015). *Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности*.

Нойманн, И. (2004). *Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейской идентичности*.

Рябова, Т. Б., Туркин, И. А. (2024). Символы холодной войны в современной политической риторике: опыт изучения СМИ России и США методами анализа больших объемов информации. Имагология Холодной войны: «Свои» и «чужие» в массовой культуре СССР и США.

Рябов, О. В., Белов, С. И., Давыдова, О. С., Кубышкин, А. И., Рябов, Д. О., Рябова, Т. Б., Смирнов, Д. Г., Спутницкая, Н. Ю., Юдин, К. А. (2023). «Враг номер один» в символической политике кинематографий СССР и США периода холодной войны.

References

Amirov, V. M. & Glebovich, T. A. (2023). Ideologema «kholodnaya voina»: aspekty funktsionirovaniya v istoricheskom i sovremennom mediaprostranstvakh. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki*. 25(1), 80–95. <https://doi.org/10.15826/izv2.2023.25.1.005>. (In Russ.)

Berger, P. L. & Luckman, T. (1966). *The social construction of reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*.

Campbell, D. (1998). *Writing security: United States foreign policy and the politics of identity*.

Christensen, Th. J. (2020). *No New Cold War: Why US-China Strategic Competition will not be like the US-Soviet Cold War*. Asan Report. Asan Institute for Policy Studies. <https://www.jstor.org/stable/resrep26078>.

DeZalia, R. A. P. & Moeschberger, S. L. (2014). *The Function of Symbols that Bind and Divide*. In R.A.P. DeZalia, S.L. Moeschberger (Ed.), *Symbols that bind, symbols that divide: the semiotics of peace and conflict*.

Farbøl, R. (2017). *Commemorating a War That Never Came: The Cold War as Counter-factual War Memory*. In Törnquist-Plewa, B & Sindbaek Andersen, T (Eds) *The Twentieth Century in European Memory: Transcultural Mediation and Reception*.

Kovalev, N. A. (2022). Kontsept New Cold War na fone vyzovov sovremennosti (na materialakh angloyazychnoi pressy). *Filologicheskie nauki v MGIMO*. 8(2), 18–28. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-2-31-18-28>. (In Russ.)

Lakoff, Dzh. & Dzhonson, M. (2004). *Metafora, kotorymi my zhivem*. Per. s angl. A. N. Baranov. (In Russ.)

Leoni, Z. (2024). *A New Cold War: US–China Relations in the 21st Century*.

Lo, Dzh. (2015). *Posle metoda: besporyadok i sotsial'naya nauka*. (In Russ.)

Lucas, A. (2008). *The new cold war: Putin's Russia and the threat to the West*.

Malinova, O. Yu. (2015). *Aktual'noe proshloe: Simvolicheskaya politika vlastvuyushchei elity i dilemmy rossiiskoi identichnosti*. (In Russ.)

Mazarr, M. J., Heath, T. R. & Cevallos, A. S. (2018). *China and the International Order*. RAND Corporation. Santa Monica.

Noimann, I. (2004). *Ispol'zovanie «Drugogo»: Obrazy Vostoka v formirovanii evropeiskoi identichnosti*. (In Russ.)

Riabova, T. B. & Turkin, I. A. (2024). *Simvoly kholodnoi voyny v sovremennoi politicheskoi ritorike: opyt izucheniya SMI Rossii i SShA metodami analiza bol'shikh obemov informatsii*. Imagologiya Kholodnoi voyny: «Svoi» i «chuzhie» v massovoi kul'ture SSSR i SShA. (In Russ.)

Riabov, O. V., Belov, S. I., Davydova, O. S., Kubyshkin, A. I., Riabov, D. O., Riabova, T. B., Smirnov, D. G., Sputnitskaya, N. Yu. & Yudin, K. A. (2023). «Vrag nomer odin» v simvolicheskoi politike kinematografii SSSR i SShA perioda kholodnoi voyny. (In Russ.)

Roach, S. (2022) *Accidental Conflict: America, China, and the Clash of False Narratives*.

Sharp, J. P. (2000). *Condensing the Cold War*. Reader's Digest and American Identity.

Для цитирования: Рябова, Т. Б. Китайско-американские отношения сквозь призму символов Холодной войны: опыт изучения СМИ США методами анализа больших данных / Т. Б. Рябова, И. А. Туркин, А. П. Коротышев // PolitBook. – 2025. – № 1. – С. 5-21. – DOI 10.24412/2227-1538-2025-1-5-21

Е.С. Шевченко**E. Shevchenko****ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА
США В ОТНОШЕНИИ
СТРАН ЕВРОПЕЙСКОГО
СОЮЗА НА
СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ:
ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ
ИЛИ СИСТЕМНЫЙ
КРИЗИС?****THE US FOREIGN POLICY
IN RELATION TO THE
EUROPEAN UNION
COUNTRIES AT THE
PRESENT STAGE:
POLITICAL DIALOGUE OR
SYSTEM CRISIS?****Аннотация**

Современная политическая деятельность США в отношении государств Европы обуславливается, во-первых, спецификой американской политикопартийной системы, во-вторых, динамикой внутривнутриполитических процессов в европейских странах. В данной связи актуализируется научно-исследовательское проблемное поле внешней политики США в странах Европейского союза на современном этапе в правовом, политическом, экономическом и энергетическом аспектах.

Основной целью данной работы является выявление некоторых особенностей межгосударственного взаимодействия США и стран Европейского союза в рамках правовой, политической, экономической и энергетической проблематики. Автором использована следующая группа методов: системный анализ, сравнительный анализ, политико-правовой мониторинг, дискурс-анализ.

В результате определены нормативно-правовые основы политического взаимодействия США и Европейского союза на основе анализа источников действующего международного и национально-го законодательства. Сформулированы позитивные и негативные особенности политических отношений США и Европейского союза с учетом президентства Д. Трампа и Дж. Байдена. Представлены общие и отличительные характеристики торгово-экономического сотрудничества США и Европейского союза. Обозначены совместные и частные энергетиче-

Abstract

Modern political activity of the United States in relation to European countries is determined, firstly, by the specific of American political and party system, secondly, by the dynamic of internal political processes in European countries. In this regard, scientific and research problematic field of the US foreign policy in the European Union countries at the present stage in legal, political, economic and energy aspects is actualized.

The main purpose of this work is to reveal some features of interstate cooperation between the United States and the European Union countries in the framework of legal, political, economic and energy problems.

The author used the next group of methods: system analysis, comparative analysis, political and legal monitoring, discourse analysis.

As a result, legal and normative bases of political interaction between the United States and the European Union based on an analysis of the sources of active international and national legislation are identified. Positive and negative features of political relations between the United States and the European Union with regard to the presidency of D. Trump and J. Biden are formulated. General and distinctive characteristics of trade and economic cooperation between the United States and the European Union are presented. Joint and private energy initiatives of the United States and the European Union are denoted.

ские инициативы США и Европейского союза.

Автор приходит к выводу о том, что успешная реализация внешней политики США в странах Европейского союза на современном этапе зависит от конкретных объективных и субъективных политических факторов и обстоятельств. Это преимущественно связывается с необходимостью сочетания американской политической элитой, с одной стороны, некоторых принципиальных позиций в рамках национальной безопасности США, с другой стороны, оптимальных переговорных механизмов.

Ключевые слова:

США, Европейский союз, евроинтеграция, трансатлантическое партнерство, межгосударственное взаимодействие, национальная безопасность, Д. Трамп, Дж. Байден.

The author comes to the conclusion that successful realization of the US foreign policy in the European Union countries at the present stage depends on concrete objective and subjective political factors and circumstances. It is mainly connected with the need by American political elite to combine, on the one hand, some principle positions in the framework of the US national security, on the other hand, optimal negotiation mechanisms.

Key words:

United States, European Union, eurointegration, transatlantic partnership, interstate interaction, national security, D. Trump, J. Biden.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2025-1-22-40>

Политические отношения США и большинства европейских государств в исторической ретроспективе крайне сложны и противоречивы, что обусловлено множеством объективных и субъективных политических факторов и условий: государственные притязания, прежде всего, Великобритании и Франции в рамках колониальных приобретений вплоть до принятия Декларации независимости США в 1776 году, споры по поводу территориально-политического устройства Германии после Второй мировой войны, личные симпатии представителей политической элиты на рубеже XX-XXI вв. и др. В любом случае обеспечение переговорного процесса и политическое партнерство США в отношении стран, находящихся по другую сторону Атлантического океана, – задачи довольно трудоемкие и ресурсозатратные, требующие определенных уступок и предложений от каждой из сторон.

Актуализируемые сегодня внутри- и внешнеполитические риски и угрозы переформируют понимание контекста и динамики формулирования политической повестки современных государств (разумеется, ни США, ни Европа не являются исключением). Действительно, возникновение геополитических конфликтов, дестабилизация мировой валюты, неравномерное распределение энергетических ресурсов, использование цифровых инструментов в условиях кибершпионажа и слежения определяют современный контур межгосударственного взаимодействия США и государств Европы. Масштаб и интенсивность воздействия наблюдаемых глобальных политических собы-

тий, а также география и скорость соответствующего политического реагирования, безусловно, заставляют говорить о новом этапе политических отношений США и стран Европейского союза. Представляется необходимым исследовать современную проблематику двусторонних отношений США и европейских государств и определить, какой формат свойственен внешней политике США в отношении стран Европейского союза на современном этапе – конструирование политического диалога в направлении обеспечения сбалансированного глобального и надгосударственного регулирования или углубление кризисных проявлений в рамках защиты национальных интересов и сосредоточения на решении внутривнутриполитических проблем.

Методологической основой данной работы является следующая группа методов: системный анализ (в части определения ключевых характеристик политических систем США и стран Европейского союза), сравнительный анализ (в части соотнесения выбранных аспектов политических отношений США и европейских государств – правового, политического, экономического, энергетического), политико-правовой мониторинг (в части работы с источниками действующего международного и национального законодательства, программными документами), дискурс-анализ (в части выявления феноменологической специфики рассматриваемых политических явлений и процессов).

На сегодняшний день специфика внешней политики США в отношении стран Европейского союза, как и специфика многосторонних и двусторонних отношений США и европейских государств в целом, характеризуется полицентричностью и мультипликативностью. С целью оптимизации полученных результатов исследуемый материал группируется в рамках следующих ключевых блоков: правовой блок, политический блок, экономический блок, энергетический блок.

Правовой блок

Несмотря на то, что само по себе право Европейского союза является неким конструктом, возникшим на стыке требований наднационального правопорядка и нормативно-правовых предписаний в рамках национальных юрисдикций его государств-членов, объективно действует приоритет европейского законодательства над внутригосударственным законодательством, что предусмотрено учредительными документами Европейского союза и соответствующей правоприменительной практикой (прежде всего, официальной позицией Европейского суда. Другими словами, проблемное норматив-

но-правовое пространство политических отношений США и стран Европейского союза составляют, с одной стороны, источники действующего федерального законодательства США, с другой стороны, актуальные нормативно-правовые акты Европейского союза, некоторые из которых имеют признанный во всей полноте правовой статус источников действующего международного законодательства.

В данном контексте необходимо особо подчеркнуть то обстоятельство, что общие принципы и правила, регламентирующие правовую природу политического взаимодействия США и европейских государств, составляют так называемое первичное право Европейского союза, представленное, помимо Договора о Европейском союзе и Договора о функционировании Европейского союза с соответствующими профильными протоколами к ним (регулируют отдельные по большей части процессуально-технические особенности денежно-валютного регулирования, институциональной структуризации, развития внутреннего рынка и т.д.), другими не менее важными документами. В частности, это Лаакенская декларация 2001 года, утверждающая перспективность политического сотрудничества европейского сообщества с США в рамках современных геополитических реалий – «Along With North America And Japan, The Union Forms One Of The Three Most Prosperous Parts Of The World», а также Совместная декларация о главных европейских приоритетах 2001 года, расширяющая совместные военно-стратегические инициативы в рамках Североатлантического альянса – «The North Atlantic Alliance Remains The Basis For Collective Defense Of Its Member States».

Целесообразно также отдельно обозначить Брюссельский пакт 1948 года, Североатлантический договор 1949 года, Конвенцию об учреждении Организации экономического сотрудничества и развития 1960 года (принята, в свою очередь, на идейной основе плана Маршалла в контексте планирования послевоенного восстановления европейской экономики с помощью США), Римскую декларацию 2002 года в качестве основополагающих нормативно-правовых актов, регулирующих глобальную специфику коллективного стратегического и политического развития западных и европейских стран. В частности, это вопросы и проблемы реагирования на возникающие геополитические вызовы, предотвращения политических и иных конфликтов, использования военных и экономических ресурсов, осуществления международного контроля над военными разработками, координации межправительственных действий в рамках защиты от вредных веществ (биологических,

химических, ядерных и иных), обмена соответствующей информацией относительно природных и техногенных катастроф, расширения научно-технического партнерства, совместной работы с опорой на имеющуюся институциональную архитектуру (прежде всего, по линии НАТО).

При этом частные случаи нормативно-правового регулирования какой-либо предметной области межгосударственных отношений США и стран Европы определяют феномен вторичного права Европейского союза, нормирующего узкоспецифическую проблематику конкретных практических кейсов. По большому счету, это различные регламенты, директивы, заключения, рекомендации, принимаемые, как правило, организационными структурами Европейского союза, дополняющие или уточняющие принятые международные договоры и соглашения.

Справедливо отметить также некоторые общие характеристики в рамках американской и европейской правовой традиции, связанные в основном с кодификацией и стандартизацией нормативно-правовых актов в зависимости от отраслевой специфики и функционального назначения (процессуальное право). Это является исторически обусловленной особенностью англосаксонской системы права, что в принципе сводит к минимуму спектр дискуссионных прецедентов применительно к тезаурусу и логике аргументации на этапе переговоров и последующей подготовки соответствующих документов. Вместе с тем актуализируются некоторые проблемные плоскости правоприменительной практики в контексте различных идейно-ценностных и интерпретационных систем и схем американских и европейских судов, склонных к проявлению субъективизма и политической ангажированности (Nemacheck, 2021). Несмотря на это, в целом сохраняется предиктивная феноменология источников действующего международного законодательства.

Далее необходимо проанализировать конкретные источники действующего федерального законодательства США, регламентирующие политические отношения американской стороны и европейского сообщества по вопросам и проблемам регулирования и сотрудничества в политической, экономической, военно-технической, научно-исследовательской областях. Соответственно, актуальную законодательную основу внешнеполитической деятельности США в отношении стран Европейского союза составляют следующие нормативно-правовые акты, принятые Конгрессом США за последний 5-летний период:

1. Глобальная политическая повестка (в частности, разделы «международные отношения» и «финансы»): введение санкционного режима в отношении некоторых иностранных физических и юридических лиц, обмен информацией относительно совершаемых военных преступлений и преступлений против человечества, активизация совместных усилий по борьбе с голодом с опорой на двусторонние и многосторонние правительственные и неправительственные контакты, предъявление требований к раскрытию информации со стороны иностранных эмитентов ценных бумаг с учетом сертификации аудиторской деятельности¹.

2. Европейское политическое пространство: взаимодействие в рамках обеспечения национальной безопасности, проведение совместных военных учений, составление отчетности об интегрированном потенциале противовоздушной и противоракетной обороны, страновое распределение военнотехнического потенциала в региональном контексте, оптимизация работы Хельсинкской комиссии Конгресса США, регулирование экспортно-импортной политики, уточнение некоторых технических вопросов дислоцирования в Европе американских военных баз в контексте реструктуризации европейских военно-морских сил, финансирование программ военной подготовки в Европе, предоставление государствам-партнерам по НАТО военнотехнической помощи, льготное кредитование присоединившихся к Североатлантическому альянсу после 1 марта 1999 года стран, стабилизация межправительственных связей и контактов, конструирование политического партнерства по ОБСЕ, решение вопросов с поставками в Европу американских военных самолетов, запрет на изменение правового статуса военных объектов в Европе, содействие развитию единой энергетической инфраструктуры, формализация электронного документооборота².

¹ S. 1294 – Protecting American Intellectual Property Act Of 2022. Congress.Gov. <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/senate-bill/1294/>; H.R. 4250 – War Crimes Rewards Expansion Act. Congress.Gov. <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/4250/>; H.R. 4693 – Global Malnutrition Prevention And Treatment Act Of 2021. Congress.Gov. <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/4693/>; S. 945 – Holding Foreign Companies Accountable Act. Congress.Gov. <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-bill/945/>

² H.R. 2670 – National Defense Authorization Act For Fiscal Year 2024. Congress.Gov. <https://www.congress.gov/bill/118th-congress/house-bill/2670/>; H.R. 2617 – Consolidated Appropriations Act 2023. Congress.Gov. <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/2617/>; S. 1605 – National Defense Authorization Act For Fiscal Year 2022. Congress.Gov. <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/senate-bill/1605/>; H.R. 2444 – Eastern European Security Act. Congress.Gov. <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/2444/>

Политический блок

В политическом ракурсе межгосударственное взаимодействие США и Европейского союза, пожалуй, предполагает намного больше по сравнению с другими областями нерешенных вопросов, причем как в концептуальном смысле, так и в функциональном смысле (особая проблемность приобретает в контексте работы американских научно-исследовательских и аналитических центров (Самуйлов, 2020, с. 25). Это свидетельствует в пользу довольно тонкой и вместе с тем хрупкой природы политических отношений по линии США-Европейский союз (Арбатов, 2020, с. 1005; Рогов, 2020, с. 279; Goodman, 2023; Meissner & Schoeller, 2019).

Вместе с тем если дело касается обнаружения общих геополитических рисков и угроз (прежде всего, в лице Российской Федерации и КНР), внешняя политика США способна переориентироваться в сторону «наведения мостов» и гармонизации двусторонних связей с государствами, имеющими наибольшее политическое влияние в конкретном регионе или в глобальном управлении в целом. Безусловно, Европейский союз как наднациональная организация и активный участник современной системы международных отношений располагает собственной сетью оптимальных политических коммуникаций и политико-инфлуентальным потенциалом (Young, 2019; Young, 2019b).

Тем не менее, стабилизированно и в принципе успешно американо-европейское политическое взаимодействие в рамках международных организаций и межгосударственных объединений (в частности, на площадках ОБСЕ, G7, G20, Арктического совета). В ноябре 2020 года в Европейской комиссии заявили о возобновлении двусторонних переговоров на тему Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (Transatlantic Trade And Investment Partnership, TTIP), по которому были расхождения, в частности, по вопросам защиты цифровых экосистем и передачи персональных данных, а уже 7 декабря 2020 года Советом Европейского союза представлялась результирующая позиция по обновлению трансатлантической повестки. О перезагрузке политических отношений США и Европейского союза свидетельствуют многочисленные рабочие встречи на высоком уровне – официальный визит американской стороны в Брюссель в марте 2021 года, поездка Дж. Байдена в Германию в феврале 2022 года, поездка Дж. Байдена в Польшу в феврале 2023 года, поездка государственного секретаря США Э. Блинкена в Париж в апреле 2024 года. Помимо этого, необходимо также отметить участие США в саммите Европейского союза 25-26

марта 2021 года в онлайн-формате и совместном саммите США и Европейского союза 15 июня 2021 года и 20 октября 2023 года, а также ежегодное участие США в Мюнхенской конференции по безопасности.

Однако общая направленность и инструментарий реализации внешней политики США в отношении европейского сообщества на современном этапе серьезно зависят от внутривнутриполитической повестки США, а именно от политикопартийной принадлежности действующего главы государства и его межинституционального компромисса с американскими конгрессменами, о чем свидетельствует актуальная американская политическая практика начиная с 2016 года. В данном отношении внешнеполитический курс Д. Трампа применительно к государствам-членам Европейского союза характеризовался политической конфликтностью и торговыми войнами, внешнеполитический курс Дж. Байдена – политическим конформизмом и экономическими переговорами.

Справедливости ради необходимо подчеркнуть, что если Д. Трамп проявлял самобытность и независимость в принятии политических решений относительно европейского вектора реализуемого внешнеполитического курса США, то для Дж. Байдена куда более важными критериями признавались поддержка собственной политической команды и оперирование согласовательными механизмами и процедурами в общении с европейскими коллегами. Соответственно, в ситуации с Д. Трампом актуализировались субъективизация переговорного процесса в двустороннем формате, недопущение суверенизации официальной позиции другой стороны, «выравнивание» военных расходов по НАТО и т.д. – в пользу американо-европейских финансовых диспропорций свидетельствуют данные Кильского института мировой экономики, в соответствии с которыми с января 2022 года по январь 2024 года США предоставили военную помощь Украине в размере \$73 млрд, а страны Европейского союза – в размере \$93 млрд¹. Кроме того, политическая риторика Д. Трампа, призывавшего к переформатированию принятых моделей политических отношений в привязке к терминологии национальной конкурентоспособности и экономической выгоды, была абсолютно не понятна для европейского сообщества и в итоге им отвергнута². По этой простой причине президентство Дж. Байдена воспринималось как воссоздание доб-

¹ Ukraine Support Tracker (2024). Kiel Institute For The World Economy. <https://www.ifw-kiel.de/topics/war-against-ukraine/ukraine-support-tracker/>

² Из нежных американских объятий Евросоюзу уже не вырваться (2020). РСМД. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/iz-nezhnykh-amerikanskikh-obyatiy-evrosoyuzu-uzhe-ne-vyrvatsya/>

ропорядочных американо-европейских отношений, ориентированных на активное участие в деятельности многосторонних институтов (в рамках Североатлантического альянса, ВТО, ВОЗ, МВФ) и поддержание гарантированно-доверительного трансатлантического партнерства.

Однако это большое заблуждение как со стороны политических лидеров европейских государств, так и со стороны руководящего состава Европейской комиссии. Их упование на благонадежность и осознанную ответственность 46-го президента США в результате являлось проявлением грубой политической неадекватности и доминированием устаревших формулировок в политической лексике. Более того, в пользу данного утверждения свидетельствует хотя бы тот факт, что в соответствии с некоторыми экспертными оценками западных коллег современная американская дипломатия в духе неолиберальной и мультикультурной парадигмы продолжает стагнировать и обуславливать кризисное состояние в том числе Государственного департамента США. В качестве основной аргументации со стороны представителей главным образом республиканского крыла приводятся обновление концептуальной основы внешнеполитических действий в сторону отказа от фильтрации и создания новых каналов кадрового рекрутирования (Diversity, Equity, Inclusion, Accessibility), поддержание этногеографического разнообразия, оперирование концептом Underserved Communities и др.

В отличие от Дж. Байдена, Д. Трамп предлагал надежные механизмы и схемы переоценки действующей идейно-ценностной системы глобального политического управления, основанной на фактически эфемерной политической корректности и игнорирующем национальные приоритеты уважении глобализационных институтов (Шевченко & Бурда, 2021). Кроме того, реальная заслуга Д. Трампа состоит в непосредственном толковании политической ситуации в мире и «назывании вещей своими именами» – в действительности он считал представителей европейской политической элиты непрофессиональными и некомпетентными управленцами, в чем можно сегодня неоднократно убедиться («The European Union Rips Us Almost As Bad As China, But They Do It With A Smile»)¹.

Несистемность и скачкообразность современной внешней политики США в отношении государств-членов Европейского союза обусловлены до-

¹ CNBC Transcript: Former President Of The United States Donald Trump Speaks With CNBC's «Squawk Box» Today (2024). CNBC. <https://www.cnbc.com/2024/03/11/cnbc-transcript-former-president-of-the-united-states-donald-trump-speaks-with-cnbc-squawk-box-today-.html/>

вольно конкретными и в целом понятными факторами и обстоятельствами (Horwitz, 2021). Здесь целесообразно обратиться к являющейся в целом классической формуле рассмотрения внутренней политики и внешней политики как составляющих государственной политики вообще (Зазнаев, 2020). В первом случае дело касается дестабилизирующих сегодня политическую систему США внутриэлитных противоречий и неотрегулированных процессуально-инструменталистских тонкостей, во втором случае – объективно продиктованных особенностей актуальной глобальной политической номенклатуры (невозможность прогнозирования политических событий в мире, обусловленность недоверия к ключевым субъектам мирового политического процесса, распространение практик отказа от имеющихся политических договоренностей и др.). Конечно же, в данном проблемном ключе нельзя забывать о негативных последствиях внутривнутриполитических процессов в Европе, обусловленных по большей части непредусмотренными ошибками и просчетами относительно концептов евроинтеграции, а также усилением политической полемики по миграционной и экологической повестке (Orenstein, 2023).

Экономический блок

Межгосударственное партнерство США и Европейского союза в экономической сфере также предполагает некоторые разногласия и взаимные претензии, связанные по большей части с обеспечением стабильности внутреннего рынка и защитой национальной продукции, – на это указывают показатели роста ВВП обеих сторон по конкретным временным разверткам (Супян, 2023, с. 5). В данном контексте можно также говорить о конкретных экономических кейсах, предполагающих формулирование практик американо-европейского экономического партнерства как в позитивном, так и в негативном ключе.

В частности, наибольшую известность получил многолетний экономический спор Boeing/Airbus, который обошелся американской и европейской сторонам суммарно около \$11,5 млрд¹. Проблемные рамки данного вопроса заключались во взаимных обвинениях каждой из сторон – в первом случае речь шла о получении Airbus крайне низких по стоимости государственных займов, во втором случае – о получении Boeing выгодных оборонных заказов с парал-

¹ США и ЕС договорились о прекращении многолетнего торгового спора вокруг Boeing и Airbus (2021). Forbes. <https://www.forbes.ru/newsroom/biznes/432247-ssha-i-es-dogovorilis-o-prekrashchenii-mnogoletnego-torgovogo-spora-vokrug/>

лельным предоставлением существенных налоговых льгот. Сложившаяся ситуация усугублялась введением в отношении каждой из сторон торгово-экономического конфликта соответствующих ограничений – американцы ввели экспортные пошлины в отношении европейских товаров на \$7,5 млрд, а европейцы, в свою очередь, предусмотрели собственные тарифы на импорт автомобильной и сельскохозяйственной продукции США на \$4 млрд. Только в 2021 году США и Брюсселю удалось заключить тарифное соглашение сроком на 5 лет, отменяющее ранее вводимые торговые пошлины и предполагающее совместную государственную поддержку авиапроизводителей.

Далее необходимо вспомнить взаимный обмен мероприятиями по повышению импортных пошлин отдельных категорий продукции из США и Европы – в частности, в 2018 году американская сторона ввела 25% на сталь и 10% на алюминий, импортируемые из европейских стран¹. Со своей стороны, Европейский союз предусмотрел повышенные на 25% тарифные ставки для американских товаров (прежде всего, для металлопрокатной продукции, виски Jack Daniel's, мотоциклов Harley-Davidson и др.)². Вместе с тем подобная ситуация наблюдается в рамках деловых партнерских коммуникаций с другими участниками современной системы международных отношений. В частности, это можно проследить в контексте развития торгово-экономических связей США за последние несколько лет с государствами постсоветского пространства (в первую очередь, в отношении Российской Федерации, Республики Беларусь, Республики Казахстан и др.).

Камнем преткновения в экономических отношениях США и Европейского союза до сих пор является несогласие европейского бизнес-сообщества с реализуемой политикой крупных американских корпораций, не соответствующей требованиям открытой конкуренции и свободной торговли (в частности, в рамках судебного дела №C-465/20 Р топ-менеджмент Apple обвиняется в получении незаконных налоговых льгот на сумму \$14 млрд). Аналогичные претензии по теме нарушения действующего европейского антимонопольного законодательства со стороны Европейского комиссара по вопросам конкуренции также выдвигались в адрес Google.

¹ It's The EU And US Against The Rest Of The World In New Steel Club (2023). Politico. <https://www.politico.eu/article/steel-aluminum-tariffs-european-union-united-states-china-imports-trade/>

² Whiskey Sour: U.S. Distillers Bitter Over 25% Tariffs Set To Double In June (2021). The Wall Street Journal. <https://www.wsj.com/articles/whiskey-sour-u-s-distillers-bitter-over-25-tariffs-set-to-double-in-june-11616319002/>

В целом необходимо отметить, что скачкообразное развитие торгово-экономических отношений США и Европейского союза, не подкрепленное долгосрочными сделками и контрактами, отрицательно влияет на их национальные экономики – центральные позиции в структуре американо-европейского экспорта и импорта составляют такие стратегически важные экономические отрасли, как приборостроение и химическая промышленность. Более того, резонансные прецеденты требуют оперативного регулирования с использованием арбитражных процедур, что является крайне затратным для коммерческого сектора обеих сторон. Соответственно, поддержание добропорядочных и взаимоуважительных торгово-экономических отношений работает в обе стороны и предполагает выполнение встречных договорных обязательств как от США, так и от европейских бизнес-субъектов (Smith, 2023). Это можно проследить в контексте относительно недавнего американо-европейского «автомобильного спора», когда американские автомобили импортировались в Европу с 10-процентной пошлинной ставкой, при этом пошлинные ограничения для европейских автомобильных концернов при экспорте в США составляли только 2% (прийти к консенсусному решению удалось в рамках встречи наиболее известных производителей европейского автопрома с послом США в Берлине Р. Гренелла в 2018 году).

Вместе с тем солидарности и созвучности американо-европейскому союзу по современной экономической повестке удастся достигать в направлении введения экстерриториальных торгово-экономических санкций в адрес российской и китайской сторон (Тимофеев, 2022). В частности, по состоянию на начало 2024 года под санкционные ограничения США и Европейского союза попали российские физические (субъекты исполнительной и законодательной власти) и юридические (коммерческие организации – представители военно-промышленного, финансового, технологического и логистического секторов) лица, а также некоторые китайские бизнес-субъекты (Guangzhou Ausay Technology Co Limited, Shenzhen Biguang Trading Co Limited, Yilufa Electronics Limited и др.).

Кроме того, на правительственном уровне обоих политических игроков достигнуто согласие по поводу стратегического развития высокотехнологичных и безопасных связей в области цифровой экономики, образования, здравоохранения и др. – в 2021 году по совместной инициативе США и Европейского союза создан Совет по торговле и технологиям, являющийся координирующей политической структурой, ответственной за стимулирование прямых

инвестиций в данном сегменте. Со стороны США запланирована бюджетная поддержка научных исследований и научно-исследовательских разработок в области микроэлектроники и искусственного интеллекта в размере \$52 млрд, а со стороны стран Европейского союза – в размере \$150 млрд.

В современных условиях наблюдается усиление взаимозависимости американской и европейской экономических систем, что в принципе является логичным с учетом интенсификации совершаемых торгово-экономических транзакций. В частности, в 2023 году экспортно-импортная структура обеих сторон представлена следующим образом: доля экспорта США в Европейский союз составляет 13,4% (\$366 млрд), доля экспорта Европейского союза в США составляет 19,4% (\$535 млрд)¹. При этом ключевыми позициями американо-европейской торговли являются сырьевые ресурсы (минеральное топливо, нефть), транспортные средства, технологическое оборудование, лекарственные препараты. Однако по отдельным макроэкономическим показателям США и европейских стран существуют некоторые расхождения – в частности, в 2022 году инфляция в европейском секторе составила 9,2% в соответствии со статистическими данными Евростата, а инфляция в США – около 3%. Что касается роста национальных экономик США и стран Европейского союза, то показатели составляли в первом случае 2,5%, во втором случае – всего 0,5% в 2023 году по оценкам Fitch Ratings². Это свидетельствует о том, что с целью конструирования равноправного торгово-экономического партнерства необходимо преодоление имеющихся разбалансирующих и деструктурирующих факторов (несмотря на заявленную в начале 2024 года на Всемирном экономическом форуме в Давосе совершенную «мягкую посадку» американской и европейской экономик).

Энергетический блок

Поддержания конструктивного и взаимовыгодного американо-европейского сотрудничества в рамках актуальной энергетической повестки объективно вряд ли удастся достигнуть в ближайшей перспективе по ряду причин как минимум в политической и экономической плоскостях. Прежде всего, дело касается имеющихся концептуальных расхождений на прави-

¹ Annual International Trade Statistics By Country (HS) (2023). TrendEconomy. <https://trendeconomy.com/data/h2/EuropeanUnion/TOTAL/>

² US And European GDP Growth Paths Diverged Markedly In 2023 (2024). Fitch Ratings. <https://www.fitchratings.com/research/sovereigns/us-european-gdp-growth-paths-diverged-markedly-in-2023-27-02-2024/>

тельствственном уровне, связанных с пересечением национальных приоритетов США и Европейского союза, а также реальных последствий открытой конкуренции американских и европейских энергопроизводителей государственного и коммерческого секторов.

Тем не менее, необходимо акцентировать внимание на некоторых проблемных вопросах реформирования энергетической отрасли в современных условиях общего и частного характера, по которым американской и европейской сторонам удалось разработать более-менее солидаризированную принципиальную позицию. В этом смысле ключевую стратегическую роль играет политическое руководство США и Европейского союза (Шевченко, 2022).

Во-первых, это объединение политических усилий американской и европейской сторон в рамках ОПЕК с целью снижения российских экспортных поставок нефти и газа, а также получения дополнительных объемов нефтегазового сырья (примерно около 4,5-5 млн баррелей в сутки сырой нефти и около 2-2,5 баррелей в сутки нефтепродуктов). Более того, США и Европейским союзом совместно адресованы предложения странам Ближнего Востока (прежде всего, Саудовской Аравии и Ираку) по поиску и обсуждению возможных альтернативных вариантов разработки и освоения нефтяных месторождений.

Во-вторых, это развитие «зеленой экономики» на основе использования «чистых технологических решений» и минимизации негативного воздействия на окружающую среду. Американским и европейским политическим руководством предусмотрены конкретные практические мероприятия в привязке к цифровым индикаторам и прогнозным показателям (в первом случае – предоставление субсидирования покупки автомобилей на электрических батареях с государственной поддержкой размером \$7,5 тыс., государственное инвестирование в защиту окружающей среды объемом \$370 млрд, во втором случае – сокращение чистых выбросов парниковых газов на 55% к 2030 году, достижение климатической нейтральности к 2050 году). В данном направлении, в частности, весной 2023 года организованы переговоры по подготовке и подписанию соответствующей документации о критически важных полезных ископаемых в рамках производства аккумуляторов на электрической энергии, а также проведены консультации по стимулированию перехода к экологически чистой энергетике. Другой вопрос, что цены на энергоносители в европейских государствах продолжают расти.

Серьезный повод для критики США в адрес Европейского союза по энергетической проблематике – комплексная зависимость от поставок российского газа, доля которого в европейском ресурсном секторе достигала 40% в 2021 году. Конечно, американцы видят в этом угрозу собственным геополитическим интересам и представляют заинтересованность в нарушении российской газовой монополии на европейском рынке как минимум по следующим четырем параметрам: во-первых, наращивание производственных мощностей по добыче и транспортировке сжиженного природного газа (СПГ), во-вторых, сохранение политического контроля относительно ценовой политики на нефть и газ в Европе, в-третьих, сочетание концептов по актуализации значения возобновляемых источников энергии (ВИЭ) и концептов по использованию традиционных энергетических ресурсов, в-четвертых, привязка технологических и ресурсных сбоев в рамках Nord Stream 1 и Nord Stream 2 к укреплению собственных политических позиций. Собственно, в феврале 2022 года на фоне инициирования российской стороной специальной военной операции на территории Украины Дж. Байден заявил о намерении уничтожить оба газопровода, которые оказались серьезно повреждены в результате организованных военных диверсий в конце сентября 2022 года. В том числе по этой причине доля российского газового экспорта в европейском энергетическом сегменте в 2023 г. сократилась до 13% по оценкам S&P Global Commodity Insights, а импорт газа из США в Европейский союз увеличился почти втрое по сравнению с 2021 годом.

Европейское политическое пространство – не единственное в контексте реализации энергетической повестки с целью экспорта наиболее влиятельными политическими акторами собственных геополитических и геостратегических интересов (Гуселетов, 2023). В данном смысле необходимо также указать на ресурсный потенциал Арктического региона, где США и страны Европейского союза реализуют национальные политические проекты (Жильцов, 2022). Арктическая зона в целом серьезно встраивается в систему интенсификации глобальных энергетических поставок и реализации масштабных гибридных энергетических проектов. Помимо размещения крупнейших предприятий нефтегазового и горнопромышленного секторов (более 400 наземных месторождений нефти и газа), в Арктике активно производится добыча драгоценных металлов, алмазов, кобальта, меди, никеля и оптического сырья.

Таким образом, представленная актуальная проблематика межгосударственного взаимодействия США и стран Европы в рамках соответствующих концептуальных и функциональных кейсов обуславливается конкретными трендами и тенденциями в правовой, политической, экономической и энергетической плоскостях, формирующих собственно предметную область их современных переговорных и договорных отношений. При этом речь идет как о конструктивном политическом опыте, так и о деструктивном политическом опыте американско-европейского партнерства.

Объективными основаниями реализуемой сегодня внешней политики США в отношении государств-членов Европейского союза являются, прежде всего, специфика реализуемой исполнительной и законодательной власти США (более конкретно это межинституциональное взаимодействие президента США и Конгресса США), а также особенности принимаемых внутриполитических решений наиболее влиятельными европейскими игроками на государственном и надгосударственном уровнях сквозь призму современной проблематики обеспечения политической стабильности (Давыдов, Иванова & Амиантова, 2023). Более того, динамика политических отношений США и европейского сообщества испытывает серьезное воздействие политической повестки других государств, заявляющих собственные национальные притязания на евразийском континенте (Титор, 2023).

Американская внутриполитическая проблематика существенно трансформирует направления и сценарии реализации современной внешней политики США в отношении европейских государств – в частности, наиболее рельефно это наблюдалось при Д. Трампе, обозначившем выход американской стороны из стратегически неперспективных и экономически нецелесообразных европейских политических проектов, стабилизацию союзнических политических отношений со странами Восточной Европы с целью политического сдерживания центральноевропейских государств, создание сдерживающих механизмов относительно геополитического расширения Европейского союза на Балканском полуострове и т.д. В свою очередь, Дж. Байден старался «затушевывать» потенциально и фактически проблемные аспекты не только в рамках трансатлантического взаимодействия, но и в рамках глобального политического развития, отдавая предпочтение командной игре в противовес изоляционизму и отступничеству.

Вместе с тем позитивность и практическая успешность политического общения с европейскими партнерами для США предусмотрена в ключе фор-

мулирования своего рода «золотой середины» – с одной стороны, с учетом сохранения приоритетности национальных директив, с другой стороны, с учетом отказа от введенных политико-идеологическим «трампизмом» институциональной автономии и безальтернативного и зачастую даже агрессивно-го технологического сопровождения. Однако на сегодняшний день это труднодостижимая задача как по внешнеполитическим, так и по внутривнутриполитическим причинам.

Литература

Goodman, S. W. (2023). Between stability and crisis: Everyday uncertainty in the European Union. *Journal of European Public Policy*, 30(10), 2054–2062. <https://doi.org/10.1080/13501763.2023.2247430>

Horwitz, R. B. (2021). Trump and the “deep state”. *Policy Studies*, 42(5-6), 473–490. <https://doi.org/10.1080/01442872.2021.1953460>

Meissner, K. L., & Schoeller, M. G. (2019). Rising despite the polycrisis? The European Parliament’s strategies of self-empowerment after Lisbon. *Journal of European Public Policy*, 26(7), 1075–1093. <https://doi.org/10.1080/13501763.2019.1619187>

Nemacheck, Ch. L. (2021). Trump’s lasting impact on the federal judiciary. *Policy Studies*, 42(5-6), 544–562. <https://doi.org/10.1080/01442872.2021.1976744>

Orenstein, M. A. (2023). The European Union’s transformation after Russia’s attack on Ukraine. *Journal of European Integration*, 45(3), 333–342. <https://doi.org/10.1080/07036337.2023.2183393>

Smith, H. I. (2023). The geopolitics of cyberspace and the European Union’s changing identity. *Journal of European Integration*, 45(8), 1219–1234. <https://doi.org/10.1080/07036337.2023.2277329>

Young, A. R. (2019). Two wrongs make a right? The politicization of trade policy and European trade strategy. *Journal of European Public Policy*, 26(12), 1883–1899. <https://doi.org/10.1080/13501763.2019.1678055>

Young, A. R. (2019b). Where’s the demand? Explaining the EU’s surprisingly constructive response to adverse WTO rulings. *Journal of European Integration*, 41(1), 9–27. <https://doi.org/10.1080/07036337.2018.1544250>

Арбатов, А. Г. (2020). Вооружения и дипломатия. *Вестник Российской академии наук*, 90(11), 1005–1018. <https://doi.org/10.15211/vestnikieran12023716>

Гуселетов, Б. П. (2023). Будущее Европейского политического сообщества: приоритет идеологии или геополитики? *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*, 1(31), 7–16. <https://doi.org/10.15211/vestnikieran12023716>

Давыдов, В. Н., Иванова, Е. А., & Амиантова, И. С. (ред.). (2023). *Политическая стабильность: факторы, проблемы, риски*. Москва: Русайнс.

Жильцов, С. С. (2022). Арктический вектор политики ЕС. *Современная Европа*, 3(110), 49–61. <https://doi.org/10.15211/vestnikieran12023716>

Зазнаев, О. И. (2020). Институт президентства в условиях политической турбулентности: общемировые тенденции. *Казанский социально-гуманитарный вестник*, 2(43), 19–25. <https://doi.org/10.15211/vestnikieran12023716>

Рогов, С. М. (2020). Новая холодная война: последствия для российского общества. *Вестник Российской академии наук*, 90(3), 279–292. <https://doi.org/10.15211/vestnikieran12023716>

Самуйлов, С. М. (2020). Антиглобализм Д. Трампа и подходы «мозговых центров» США. *США и Канада: экономика, политика, культура*, 50(3), 25–43. <https://doi.org/10.15211/vestnikieran12023716>

Супян, В. Б. (2023). Третий год президентства Дж. Байдена: состояние экономики. *США и Канада: экономика, политика, культура*, 4, 5–15. <https://doi.org/10.15211/vestnikieran12023716>

Тимофеев, И. Н. (2022). Политика санкций США на уровне исполнительной власти. *Мировая экономика и международные отношения*, 66(3), 23–32. <https://doi.org/10.15211/vestnikieran12023716>

Титор, С. Е. (ред.). (2023). *Правовое регулирование реализации государственной политики сохранения гражданского единства и межнационального согласия народов*. Москва: Русайнс.

Шевченко, А. В. (2022). Атональность международно-политического дискурса: «дурная парессия» в парадоксальной коммуникации. *Право и современные государства*, 4, 48–58. <https://doi.org/10.14420/ru.2022.4.2>

Шевченко, Е. С., Бурда, М. А. (2021). Некоторые истоки и сценарии развития внутривнутриполитического кризиса в США: конфликтность президентства Дж. Байдена. *Конфликтология*, 16(2), 72–80. <https://doi.org/10.31312/2310-6085-2021-16-2-72-80>

References

Arbatov, A. G. (2020). Vooruzheniya i diplomatiya. *Vestnik Rossijskoj akademii nauk*, 90(11), 1005–1018. <https://doi.org/10.15211/vestnikieran12023716>. (In Russ.)

Davydov, V. N., Ivanova, E.A. & Amiantova, I.S. (2023). *Politicheskaya stabil'nost': faktory, problemy, riski*. (In Russ.)

Goodman, S. W. (2023). Between stability and crisis: everyday uncertainty in the European Union. *Journal Of European Public Policy*, 30(10), 2054–2062. <https://doi.org/10.1080/13501763.2023.2247430>.

Guseletov, B. P. (2023). Budushchee evropejskogo politicheskogo soobshchestva: prioritet ideologii ili geopolitiki? *Nauchno-analiticheskij vestnik Instituta Evropy RAN*, 1(31), 7–16. <https://doi.org/10.15211/vestnikieran12023716>. (In Russ.)

Horwitz, R. B. (2021). Trump and the “Deep State”. *Policy Studies*, 42(5-6), 473–490. <https://doi.org/10.1080/01442872.2021.1953460>.

Meissner, K. L. & Schoeller, M. G. (2019). Rising despite the polycrisis? The European Parliament’s strategies of self-empowerment after lisbon. *Journal Of European Public Policy*, 26(7), 1075–1093. <https://doi.org/10.1080/13501763.2019.1619187>.

Nemacheck, Ch. L. (2021). Trump’s Lasting Impact On The Federal Judiciary. *Policy Studies*, 42(5-6), 544–562. <https://doi.org/10.1080/01442872.2021.1976744>.

Orenstein, M. A. (2023). The European Union's transformation after Russia's attack Ukraine. *Journal Of European Integration*, 45(3), 333-342. <https://doi.org/10.1080/07036337.2023.2183393>.

Rogov, S. M. (2020). Novaya holodnaya vojna: posledstviya dlya rossijskogo obshchestva. *Vestnik Rossijskoj akademii nauk*, 90(3), 279-292. <https://doi.org/10.15211/vestnikieran12023716>. (In Russ.)

Samujlov, S. M. (2020). Antiglobalizm D. Trampa i podhody «mozgovyh centrov» SSHA. *SSHA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*, 50(3), 25-43. <https://doi.org/10.15211/vestnikieran12023716>. (In Russ.)

Shevchenko, A. V. (2022). Atonal'nost' mezhdunarodno-politicheskogo diskursa: «durnaya paressiya» v paradoksal'noj kommunikacii. *Pravo i sovremennye gosudarstva*, (4), 48-58. <https://doi.org/10.14420/ru.2022.4.2>. (In Russ.)

Shevchenko, E. S. & Burda, M. A. (2021) Some origins and scenarios of development of domestic political crisis in the USA: the conflictogenicity of J. Biden's presidency. *Conflictologia*. 16 (2), 72-80. <https://doi.org/10.31312/2310-6085-2021-16-2-72-80>.

Smith, H. I. (2023). The geopolitics of cyberspace and the European Union's changing identity. *Journal Of European Integration*, 45(8), 1219-1234. <https://doi.org/10.1080/07036337.2023.2277329>.

Supyan, V. B. (2023). Tretij god prezidentstva Dzh. Bajdena: sostoyanie ekonomiki. *SSHA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*, (4), 5-15. <https://doi.org/10.15211/vestnikieran12023716>.

Timofeev, I. N. (2022). Politika sankcij SSHA na urovne ispolnitel'noj vlasti. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 66(3), 23-32. <https://doi.org/10.15211/vestnikieran12023716>. (In Russ.)

Titor, S. E. (2023). *Pravovoe regulirovanie realizacii gosudarstvennoj politiki sohraneniya grazhdanskogo edinstva i mezhnacional'nogo soglasiya narodov*. (In Russ.)

Young, A. R. (2019). Two wrongs make a right? The politicization of trade policy and european trade strategy. *Journal Of European Public Policy*, 26(12), 1883-1899. <https://doi.org/10.1080/13501763.2019.1678055>.

Young, A. R. (2019b). Where's the demand? Explaining the EU's surprisingly constructive response to adverse WTO rulings. *Journal Of European Integration*, 41(1), 9-27. <https://doi.org/10.1080/07036337.2018.1544250>.

Zaznaev, O. I. (2020). Institut prezidentstva v usloviyah politicheskoy turbulentnosti: obshchemirovyje tendencii. *Kazanskij social'no-gumanitarnyj vestnik*, 2(43), 19-25. <https://doi.org/10.15211/vestnikieran12023716>. (In Russ.)

Zhil'cov, S. S. (2022). Arkticheskij vektor politiki ES. *Sovremennaya Evropa*, 3(110), 49-61. <https://doi.org/10.15211/vestnikieran12023716>. (In Russ.)

Для цитирования: Шевченко, Е. С. Внешняя политика США в отношении стран европейского союза на современном этапе: политический диалог или системный кризис? / Е. С. Шевченко // PolitBook. – 2025. – № 1. – С. 22-40. – DOI 10.24412/2227-1538-2025-1-22-40

**Э.З. Галимуллин,
Ю.И. Матвеенко,
М.Г. Майоров**

**E. Galimullin,
Y. Matveenko,
M. Maiorov**

НАТО В АРКТИКЕ: ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИКИ СЕВЕРОАТЛАНТИЧЕСКОГО АЛЬЯНСА В РЕГИОНЕ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ БЕЗОПАСНОСТИ

NATO IN THE ARCTIC: EVOLUTION OF THE ALLIANCE'S POLICY IN THE REGION AND NEW SECURITY CHALLENGES

Аннотация

Анализируются стремительные изменения геополитического ландшафта в Арктическом регионе, вызванные вступлением Финляндии и Швеции в НАТО и представляющие угрозу как для региональной безопасности, так и для национальной безопасности России.

Цель статьи заключается в комплексном рассмотрении эволюции военно-политической обстановки в Арктике с акцентом на расширении активности Североатлантического Альянса в регионе и вызовах для России, связанных с вступлением в организацию Швеции и Финляндии. Относительно бесконфликтный на протяжении последних десятилетий регион вновь становится ареной стратегического противостояния. Авторами рассмотрена эволюция расширения присутствия НАТО в Арктике в контексте общей военно-политической обстановки в регионе.

В качестве методологии исследования выступает традиционное понимание безопасности ("hard security") в рамках реализма. Методология написания статьи также основана на комплексном системном анализе, нормативно-правовом анализе официальных документов НАТО. Применяется также качественный и количественный контент-анализ.

В статье выделены и обоснованы основные этапы, названы причины и движущие силы роста активности Альянса на североευропейском направлении. В фокусе внимания авторов статьи также присутствует история сотрудничества и логика сближения Финляндии и Швеции с НАТО. Утверждается,

Abstract

The authors analyze the rapid transformation of the geopolitical landscape in the Arctic region, caused by the accession of Finland and Sweden to NATO and poses a threat to both regional security and Russian national security.

The study aims to provide a comprehensive review of the evolution of the military and political situation in the Arctic with a focus on the expansion of the North Atlantic Alliance's activity in the region and the challenges for Russia associated with the accession of Sweden and Finland to the organization. The region, which has been relatively conflict-free over the past decades, is once again becoming an arena of strategic confrontation. This article examines the evolution of NATO's expanding presence in the Arctic in the context of the overall politico-military situation in the region.

The traditional understanding of security ("hard security") within the framework of realism serves as the methodology of the research. The methodology of the article is also based on a comprehensive system analysis, normative and legal analysis of official NATO documents. The article uses qualitative and quantitative content analysis.

Results: The article identifies and justifies the main stages, reasons and driving forces behind the growth of the Alliance's activity in the North European area. The authors also focus on the history of cooperation and the logic of Fin-

что процессы милитаризации в Арктике в целом соответствовали общемировой тенденции на обострение соперничества между Россией и западными странами. Обозначены основные вызовы национальной безопасности России.

Сделан вывод о неокончательном характере расширения НАТО и существующих возможностях для увеличения присутствия Альянса в Арктике. По мнению авторов, сохранение основных элементов управления (governance) в регионе и осознание общих угроз от потенциального конфликта позволяют в краткосрочной перспективе предположить фиксацию текущего распределения сил и отсутствие серьезных обострений военно-политической ситуации в Арктике.

land's and Sweden's rapprochement with NATO. It is argued that the processes of militarization in the Arctic were generally in line with the global trend of intensifying rivalry between Russia and Western countries. The main challenges to Russia's national security are outlined.

The article concludes that NATO enlargement is inconclusive and that there is room for growth of the Alliance's capabilities in the Arctic. At the same time, according to the authors, the preservation of the main elements of governance in the region and the awareness of common threats from a potential conflict allow in the short term to assume the fixation of the current distribution of forces and the absence of serious aggravations of the military and political situation in the Arctic.

Ключевые слова:

НАТО, Финляндия, Швеция, безопасность, Арктика, Россия, Альянс.

Key words:

NATO, Finland, Sweden, security, Arctic, Russia, Alliance.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2025-1-41-59>

Среди основных причин стремительно растущего на протяжении последних десятилетий интереса к Арктическому региону исследователями чаще всего упоминаются климатические изменения (Hossain, 2023), крупные запасы природных ископаемых (Pietikäinen, 2024), а также потенциальное круглогодичное судоходство по маршрутам, в перспективе являющихся альтернативой традиционным (Min et al., 2022). Долгое время Арктику приводили в качестве примера сотрудничества государств (Depledge & Dodds, 2017; Heininen, 2019) и образца мирного урегулирования конфликтов в рамках норм международного права (Bertelsen, 2019).

Однако также существовало мнение, что возможности для экономического, научного, гуманитарного и иных видов сотрудничества, связанные с этими факторами, могут стать основой для потенциальной конкуренции и соперничества (Barry, 2010). Вопросы, касающиеся военной безопасности, были изначально полностью и намеренно исключены из обсуждений в рамках Арктического Совета - крупнейшего межправительственного форума, созданного в 1996 году с целью укрепления международной кооперации в Арктике. Широко продвигаемый нарратив «зоны мира и сотрудничества» как

в публичной политике, так и в научных исследованиях, отодвинул на второй план рассуждения о возможном обострении между многочисленными акторами управления (governance) Арктикой.

Реальная практика скорее подтверждала тезис об отсутствии серьезной напряженности в регионе. Кризис в отношениях между Россией и странами Запада в 2014 году, вопреки многочисленным опасениям в СМИ¹, не оказал значительного влияния на процессы сотрудничества (Rahbek-Clemmensen, 2017). Вместе с тем в работах исследователей все более заметными становились акценты на потенциальную военную напряженность, рассуждения о возврате к временам холодной войны и милитаризации региона, осуждение действий России и характеристика ее как непредсказуемой и реваншистской державы, подрывающей стабильность в регионе.

Вступление Финляндии и Швеции в НАТО порождает уникальную ситуацию в сфере безопасности, когда семь из восьми арктических государств (Россия, США, Канада, Исландия, Швеция, Норвегия, Дания, Финляндия) принадлежат к единому военно-политическому блоку. Данное обстоятельство кардинально меняет геополитический ландшафт в регионе, порождает ряд вызовов национальной безопасности России, что, в свою очередь, требует выработки адекватных мер реагирования.

Цель статьи заключается в комплексном рассмотрении эволюции военно-политической обстановки в Арктике с акцентом на расширении активности Североатлантического Альянса в регионе и вызовах для России, связанных с вступлением в организацию Швеции и Финляндии. Под Арктическим регионом в контексте исследования и с учетом объекта анализа мы понимаем сухопутные территории, территориальные воды и воздушное пространство так называемых «арктических государств» (США, Канада, Россия, Швеция, Финляндия, Дания, Норвегия, Исландия).

Исследование также основывается на обзоре широкого круга работ зарубежных и отечественных специалистов, касающихся анализа процессов милитаризации в Арктике. Отмечается рост числа публикаций о последствиях расширения НАТО в связи с растущей актуальностью данной темы (Arzhanov, 2021; Bezhina, 2023; Zhuravel, 2020; Wilhelmsen & Hjermann, 2022).

¹ Mandraud, I. (2014). Russia prepares for an ice-cold war with a show of military force in the Arctic. The Guardian. <https://www.theguardian.com/world/2014/oct/21/russia-arctic-military-oil-gas-putin>

Несмотря на распространенное в научной среде применительно к Арктике обширное понимание безопасности, в частности, в рамках теории комплексов региональной безопасности (Lanteigne, 2020), а также концептов «human security» (Parlow, 2022) и «soft security» (Steinveg & Rottem, 2024), в своем исследовании мы ориентируемся в большей степени на традиционное понимание безопасности («hard security») в рамках реализма (Stackhouse, 2023). В качестве дополнения общего вывода о расширении реального, а не декларативного присутствия организации в регионе выступают результаты проведенного контент-анализа и нормативно-правового анализа. Источниковую базу исследования составляют официальные документы НАТО (декларации по итогам саммитов, ежегодные отчеты генерального секретаря). В качестве вторичных источников были использованы новостные публикации, освещающие военно-политическую активность в арктическом регионе как с позиции РФ, так и с позиции стран-партнеров и стран-участников НАТО, а также сайт-трекер военной активности CSIS и базы данных The SIPRI Military Expenditure Database и Global Firepower. В качестве ключевых слов для проведения контент-анализа авторами были выбраны релевантные задачам исследования термины, в частности - названия государств («Sweden», «Finland»), и наименование региона («Arctic»). Подсчет упоминаний производился автоматизировано.

Военно-политическая обстановка в Арктике до 2014 года

Одним из первых значительных событий военно-политического характера в регионе стало заключение в 1920 году Договора о Шпицбергене. Однако на долгие десятилетия этот пример остался исключением. Сперва Вторая Мировая война, а затем стратегическое противостояние двух сверхдержав приостановили процессы сотрудничества в регионе.

Арктика времен холодной войны - полигон, в котором сверхдержавы размещали свои военные базы, осуществляли активное подводное и воздушное патрулирование, проводили военно-тактические учения, тем самым серьезно ограничив возможности для сотрудничества. Это привело к увеличению американского военного присутствия на Аляске, созданию американо-канадской системы раннего предупреждения – будущей NORAD, появлению британо-норвежско-исландского формата противолодочной инфраструктуры GIUK (Kikkert & Lackenbauer, 2020) и т.д. Тем не менее, именно в этот период сформировалась стратегическая культура формаль-

ного нейтралитета Швеции и Финляндии, выраженная в стремлении воздерживаться от вступления в военные блоки ради сохранения связей с СССР. Более того, несмотря на участие в НАТО, Норвегия поддерживала приемлемый диалог с Москвой.

Не обошла Арктику стороной и гонка вооружений. Так, в ответ на полет советского спутника в 1957 году США в целях ответной демонстрации собственных военных возможностей, отправили к Северному полюсу две атомные субмарины¹. Большим противоречием между СССР и США в Арктике был вопрос о статусе отдельных участков Северного морского пути (СМП) и некоторые другие территориальные споры. Например, в 1965 году американцами было отказано в признании некоторых проливов СМП в качестве исторических вод СССР, а в 1979 году между странами обнаружилось противоречие относительно принадлежности ряда шельфовых участков в Чукотском и Беринговом морях (Фененко, 2011).

Однако постепенно традиционные проблемы безопасности стали уступать акцентам на экологию и устойчивое развитие. В период политики «перестройки» и последующей десекуритизации в отношениях между СССР и США произошли значительные изменения в сотрудничестве двух стран в Арктике. Появилась возможность для реального сотрудничества, прежде всего, научного и гуманитарного. Вследствие этих изменений совершенствовались международные институциональные механизмы в Арктике, сфокусированные на содействии научному сотрудничеству и охране окружающей среды. Советский лидер М. Горбачев в своей речи в городе Мурманске в 1987 году призвал к демилитаризации в Арктике и предложил организовать конференцию в целях обсуждения создания «Арктического исследовательского совета»².

В результате прекратились полеты американских самолетов-разведчиков, резко снизилась активность стратегической авиации, были свернуты полеты в режиме боевого патрулирования, а в 1992 году впервые за долгое время военные корабли США прибыли в Мурманск (Мартынов, 2015). Также было положено начало реализации ряда программ в области

¹ Byrne, M. (2015). Happy Birthday to the Cold War's Most Eerie Technology, the 'Atom Sub:' The Ghosts That Haunt Earth's Last Remaining Hiding Places. VICE. https://motherboard.vice.com/en_us/article/9akgwe/happy-birthday-to-the-cold-wars-most-eerie-technology-the-nuclear-submarine

² «Генсек ошибаться не может» Горбачев хотел изменить мир. Почему он начал с Арктики и что из этого получилось? (2022). Lenta.ru. <https://lenta.ru/articles/2022/09/03/gorby/>

экологии – это программы оценки ядерных отходов в Арктике (ANWAP) и программы военного экологического сотрудничества в Арктике (АМЕС).

С окончанием противостояния в начале 1990-х гг. двух военно-политических блоков, олицетворявших соперничество между СССР и США, деятельность НАТО в Арктике можно анализировать в качестве отдельного предмета рассмотрения. НАТО (англ. North Atlantic Treaty Organization) была создана в 1949 году. Ключевыми задачами организации являются коллективная оборона, предупреждение и предотвращение кризисов, укрепление сотрудничества в Североатлантическом регионе. Ключевым институциональным механизмом является 5-я статья действующего Договора, согласно которой объявление войны одной из стран-участниц объединения может быть приравнено к объявлению войны всему блоку. В настоящий момент к НАТО присоединилось 32 государства, последней в состав альянса вошла Швеция.

Арктика в повестке НАТО в основном присутствовала в контексте вопросов изменения климата, в частности таяния льдов Северного Ледовитого океана и потенциальных экономических, политических и гуманитарных вызовов. В целом страны Альянса рассматривают изменения климата в качестве потенциальной угрозы безопасности с 1970-х гг., однако официально климатические изменения как угроза были обозначены лишь в Стратегической концепции 2010 года. Обсуждения с упоминанием Арктики проводились в ходе финансируемых НАТО воркшопов по энергетическим и экологическим рискам¹. Арктическая тематика неоднократно затрагивалась в рамках обсуждений и встреч представителей созданного в 2002 году Совета Россия-НАТО².

Взаимодействие между НАТО и ее арктическими членами - Исландией, Данией и Норвегией - осуществлялось по линии развития сотрудничества береговых охран в Арктике и поддержки самолетов, выполняющих задачи по воздушному наблюдению³, а также вопросов безопасности в целом⁴. С 2007 года в Норвегии функционирует Центр передового опыта НАТО по операци-

¹ NATO workshop focuses on energy and environmental risks facing the Alliance. (2012). NATO. https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_90184.htm?selectedLocale=en

² О подписании соглашения о создании нового совета Россия-НАТО. (2002). МИД России. https://mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1641582/

³ Iceland, a pragmatic approach to interoperability and cooperation. (2013). NATO. https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_103373.htm?selectedLocale=en

⁴ North Atlantic Council wraps up visit to Norway. (2013). NATO. https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_100335.htm?selectedLocale=en

ям в условиях холодного климата. В публичной среде представители альянса неоднократно отмечали, что в отношении Арктики не обсуждается какая-либо конкретная угроза, задача – лучшее понимание происходящих в регионе изменений и подготовка коллективного ответа на них¹.

Важным эпизодом в истории расширения присутствия НАТО в Арктике является появление в 2009 году оборонного формата NORDEFCO (Nordic Defence Cooperation), объединившего Финляндию, Швецию и уже являвшихся странами НАТО Данию и Норвегию. Хотя исследователи отмечают его слабо институционализированный характер (Bezghina, 2023), а также высокую вероятность стагнации формата в случае расширения НАТО (с вступлением и Финляндии, и Швеции), стоит признать факт значительного совпадения оценок странами NORDEFCO действий РФ после 2014 г. в военно-политической повестке НАТО, что, в свою очередь, повлияло на «дрейф» Швеции и Финляндии в сторону Альянса.

Несмотря на актуализацию вопроса о вступлении Финляндии и Швеции в НАТО после событий 2014 года, обе страны располагают достаточно продолжительной историей сотрудничества с Альянсом. В период холодной войны оба государства придерживались стратегического нейтралитета, не вступая в НАТО. Ни соседство с СССР – страной-лидером ОВД, ни соседство с Норвегией – одной из стран основательниц Североатлантического альянса, не повлияло на данный внешнеполитический курс. Исторически политика стратегического нейтралитета Швеции была связана с властью социал-демократических сил в парламенте. Несмотря на такую ассоциацию, во второй половине 2010-х гг. для шведских правых также был характерен скептицизм в отношении вступления в НАТО, хотя возражений в отношении партнерства с альянсом не наблюдалось (Громыко & Плевако, 2015, с. 14). Однако если в случае со Швецией политика неприсоединения скорее связана с вопросами идентичности и национального выбора, то финский нейтралитет был основан на учете геополитических реалий².

С 1994 года обе страны сотрудничают с НАТО в рамках программы «Партнерство ради мира» (Partnership for Peace). В своем статусе внеблоковых партнеров Финляндия и Швеция принимали участие во многих мис-

¹ NATO discusses security prospects in the High North. Official Website of NATO. (2009). https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_49745.htm?selectedLocale=en

² Domisse, A. (2016). Enlargement to the North?: Sweden, Finland and NATO. Konrad Adenauer Stiftung. <https://www.kas.de/en/analysen-und-argumente/detail/-/content/erweiterung-gen-norden-schweden-finnland-und-die-nato>

сиях НАТО, проводившихся после окончания холодной войны: SFOR в Боснии и Герцеговине, KFOR в Косово, ISAF в Афганистане¹. Еще одной вехой стало получение статуса партнеров по расширенным возможностям (Enhanced Opportunities Partners). Швеция и Финляндия пользовались этим статусом с 2014 года и использовали его для активизации партнерства с НАТО, особенно в регионе Балтийского моря (Depledge, 2020). В 2014 году финский, а затем и шведский (2016 г.) парламенты ратифицировали «Соглашение о поддержке принимающей страны» (Host Nation Support Agreement), позволяющее получать военную поддержку от НАТО в случае кризиса или войны². В 2016 году представители Швеции и Финляндии впервые приняли участие во встречах министров иностранных дел и министров обороны стран НАТО. Финляндия и Швеция неоднократно проводили совместные учения морских и военно-воздушных сил, расширяя оборонное сотрудничество со странами Северной Европы.

В числе преимуществ для НАТО от вступления двух стран эксперты называли пополнение Альянса пусть и небольшими, но высокоразвитыми и, что немаловажно, приспособленными для ведения боевых действий в условиях Крайнего Севера армиями (Depledge, 2020). В числе прочего предполагалось, что Финляндия сможет предоставить ценную информацию об активности России в регионе³. Отмечались и преимущества «мягкой силы» двух североευропейских государств для улучшения имиджа НАТО, поскольку и Швеция, и Финляндия «пользуются солидной репутацией на международной арене как прогрессивные государства»⁴. Среди вызовов вступления Швеции и Финляндии в Альянс назывались необходимость защиты протяженной финской границы, разрастание организации и связанные с этим процессом трудности в достижении консенсуса, отсутствие убедительной общественной поддержки, а также возможную реакцию Москвы (Wolff, 2015).

¹ Michel, L.-G. (2011). Finland, Sweden and NATO: From "Virtual" to Formal Allies? // Strategic Forum №265, National Defense University, Washington, DC. . <https://ndupress.ndu.edu/Portals/68/Documents/stratforum/SF-265.pdf>

² Finland and Sweden to strengthen ties with NATO (2014). The Guardian. <https://www.theguardian.com/world/2014/aug/27/finland-sweden-strengthen-ties-nato>

³ Domisse, A. (2016). Enlargement to the North?: Sweden, Finland and NATO. Konrad Adenauer Stiftung. <https://www.kas.de/en/analysen-und-argumente/detail/-/content/erweiterung-gen-norden-schweden-finnland-und-die-nato>

⁴ Chivvis, C. (2017). Sweden, Finland, and NATO. German Marshall Fund of the United States. <https://www.gmfus.org/sites/default/files/Sweden%252C%2520Finland%252C%2520NATO%2520edited.pdf>

Интересным представляется мнение отдельных экспертов, согласно которому расширение сотрудничества на региональном уровне через упомянутый NORDEFSCO обусловлено также экономическими соображениями, а именно - сокращением европейскими странами своих расходов на оборону (Dahl & Järvenpää, 2013). В подтверждение примата экономики над политикой можно привести следующий аргумент: интенсивное сотрудничество, осуществляемое Финляндией и Швецией на практическом уровне с Альянсом, не привело к широкому распространению требований о переходе отношений с НАТО на следующий, формализованный, уровень. Также необходимо отметить, что активизация НАТО в Арктике за последнее десятилетие была связана также и с растущим вниманием к региону Китая.

В качестве дополнительного фактора укреплению интересов НАТО в Арктике до 2014 года можно рассматривать формализацию арктического направления внешней политики США, представленную в документе «Директива по национальной безопасности» (NSPD-66) 2009 года¹. В нём впервые Арктика рассматривается как отдельный стратегический регион. Вооруженные силы США также начали уделять больше внимания Арктике при планировании своей деятельности. Отдельные министерства и их департаменты настоящее время выпускают и регулярно обновляют свои собственные документы по арктической политике. В их числе: Министерство обороны (DoD), Военно-морские силы США (U.S. Navy), Военно-воздушные силы США (USAF), Береговая охрана (U.S. Coast Guard).

Вместе с тем стоит отметить, что расширение присутствия НАТО в рассматриваемый период в Арктике сталкивалось с определенным противодействием самих членов Альянса. Исследователи отмечали, что, например, Дания скептически относилась к допуску в регион сторонних организаций по причине, в том числе, опасений возможной эскалации конфликта с Россией (Rahbek-Clemmensen, 2011).

Военно-политическая активность НАТО в Арктике после 2014 года

В течение многих лет открытым оставался вопрос о том, как и в какой мере региональные процессы межгосударственного сотрудничества в Арктике могут быть подвержены влиянию глобальной повестки. Инцидент с уста-

¹ National Security Presidential Directive and Homeland Security Presidential Directive NSPD-66. HSPD-25. (2009). Federation of American Scientists. <https://irp.fas.org/offdocs/nspd/nspd-66.htm>

новкой российского флага на дне Северного Ледовитого океана в 2007 году в основном вызвал только спекуляции в СМИ относительно будущего соперничества в регионе¹. Среди экспертного сообщества было распространено мнение, что дальнейшее усиление милитаризации Арктики маловероятно по причине наличия ряда факторов, например, оперативно-тактических сложностей, многообразия конкурирующих интересов и игроков в политической системе Соединенных Штатов, что «не позволяет сформулировать чёткую внешнеполитическую позицию» (Konyshyev & Sergunin, 2014).

Однако в ходе украинского конфликта в марте 2014 года и последовавшего резкого обострения отношений США и западных стран с Россией, все чаще стали появляться мнения о наращивании военной активности на Крайнем Севере и уязвимости арктического сотрудничества перед лицом событий, происходящих за пределами региона (Zagorsky, 2016). Прежде всего, кризис 2014 года повлиял на сложившуюся практику сотрудничества в области безопасности в Арктике. Были отменены военно-морские учения «Северный орел» с участием Норвегии, России и США, прекращена практика ежегодных встреч начальников генеральных штабов вооруженных сил арктических государств, а мероприятия Круглого стола арктических сил безопасности (Arctic Security Forces Roundtable) стали проходить без участия России. Однако стоит отметить, что в 2015 году на ежегодной основе начал работу Арктический форум береговой охраны, созданный для того, чтобы сосредоточиться на оперативных вопросах, представляющих общий интерес в Арктике: таких как поиск и спасение, реагирование на чрезвычайные ситуации и ледокольная проводка².

С 2014 года Североатлантический Альянс приступил к усилению своей активности в регионе. Самым красноречивым образом об этом свидетельствует количество проводимых учений на территориях арктических государств Европы. Так, до вышеобозначенного периода с 2006 года в Норвегии на регулярной проводились учения стран-членов НАТО под названием «Cold Response»³. По итогам саммита в Уэльсе (2014) альянс принял решение о проведении в ближайшие годы нескольких крупных во-

¹ Parfitt, T. (2007). Russia plants a flag on North Pole seabed. The Guardian. <https://www.theguardian.com/world/2007/aug/02/russia.arctic>

² Sevunts, L. (2015). Arctic nations agree on coast guard cooperation. Anchorage Daily News. <https://www.adn.com/arctic/article/arctic-nations-sign-historic-coast-guard-agreement/2015/10/29/>

³ С 2024 года переименованы в Nordic Response, что отражает вступление Финляндии и Швеции в НАТО.

енных учений, в том числе и в Арктике. Одними из них стали Trident Juncture 2018 – крупнейшие международные учения в Арктике со времён распада СССР, для участия в которых авианосец ВМС США «Гарри Трумэн» специально прибыл из Персидского залива (Parlow, 2022). Примерно с этого времени различные учения НАТО в Арктике стали проводиться ежегодно (с отменой некоторых в период пандемии), а с 2022 года – по несколько учений в год. Согласно данным Центра стратегических и международных исследований (CSIS), в период с ноября 2020 по декабрь 2023 года в арктическом регионе было проведено 77 войсковых учений, из них учений стран НАТО и их партнёров – 52, учений стран НАТО и их партнёров в европейской Арктике – 38¹.

В 2017 году Парламентской ассамблеей НАТО был опубликован доклад «НАТО и безопасность в Арктике», в котором подчеркивалось, что регион вновь приобретает огромное значение для Альянса². В 2018 году было принято решение об организации Атлантического командования НАТО в Норфолке с целью защиты морских путей через Северную Атлантику, что демонстрирует внимание, которое НАТО уделяет Арктике с военной точки зрения. С 2020 года ВМС США сохраняют постоянное присутствие на Крайнем Севере в соответствии с новой стратегией «Голубая Арктика».

В марте 2023 года было анонсировано создание объединённого командования ПВО скандинавских стран. Согласно заявлениям представителей ВВС Швеции, Финляндии, Норвегии и Дании, целью объединения является защита воздушного пространства государств от «русской угрозы». Ожидается, что в состав группировки войдёт более 200 реактивных боевых самолетов, в том числе произведенные в США истребители пятого поколения F-35. Принимая во внимание участие ВВС Финляндии в учениях данного рода войск НАТО (Air Defender 2023), ставших крупнейшими в истории, можно отметить заметное повышение внимания Альянса к арктическому региону в наши дни. Данный интерес можно проследить и через обращение к официальным документам (табл. 1).

¹ Arctic Military Activity Tracker. Center for Strategic and International Studies. <https://arcticmilitarytracker.csis.org/>

² NATO and security in the Arctic. (2017). NATO Parliamentary Assembly. <https://www.nato-pa.int/download-file.pdf>

Таблица 1. Упоминания ключевых слов в докладах генерального секретаря НАТО

Год	Sweden	Finland	Arctic
2011	2	1	0
2012	2	2	0
2013	3	2	0
2014	1	1	0
2015	14	14	1
2016	15	15	0
2017	9	16	0
2018	18	17	0
2019	9	11	1
2020	17	19	3
2021	19	17	8
2022	65	64	2

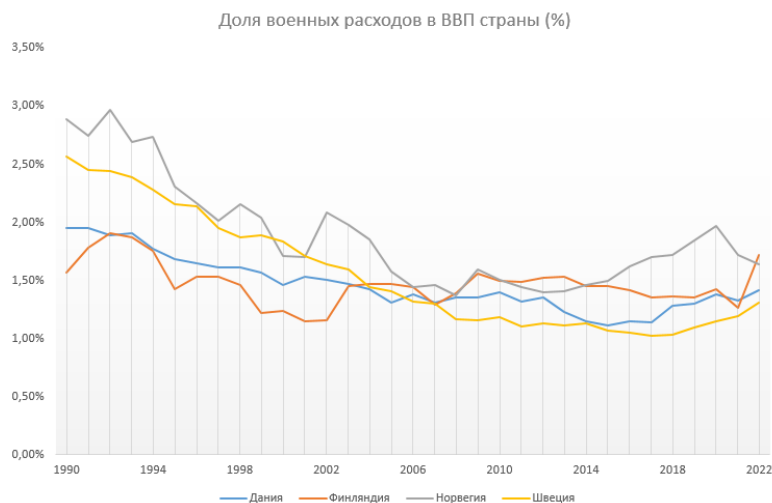
Аналогичную ситуацию можно наблюдать в ситуации с официальными декларациями по итогам саммитов НАТО (табл. 2). Несмотря на эпизод с погружением российского флага в 2007, какого-либо значительного отражения в документах тема Арктики тогда не получила. Однако с 2014 регулярными становятся упоминания Швеции и Финляндии. Арктика впервые упоминается по итогам саммита НАТО в Вильнюсе в контексте - отмечается поддержание Россией «значительного военного потенциала в Арктике», а ее способность «помешать подкреплениям союзников и ограничить свободу судоходства в Северной Атлантике» провозглашается стратегическим вызовом для Альянса¹.

¹ Vilnius Summit Communiqué (2023). Official Website of NATO. https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_217320.htm

Таблица 2. Упоминания ключевых слов в материалах саммитов НАТО

Документ	Год	Sweden	Finland	Arctic
Bucharest Summit Declaration	2008	0	0	0
Strasbourg / Kehl Summit Declaration	2009	0	0	0
Lisbon Summit Declaration	2010	0	0	0
Chicago Summit Declaration	2012	1	1	0
Wales Summit Declaration	2014	2	2	0
Warsaw Summit Communiqué	2016	2	2	0
Brussels Summit Declaration	2018	3	3	0
Madrid Summit Declaration	2022	5	5	0
Vilnius Summit Communiqué	2023	2	4	1

Военные расходы арктических государств Европы в процентном соотношении к ВВП с окончанием холодной войны стремительно сокращались и стабилизировались в период 2006-2014 гг. (рис. 1). Начиная с 2014 г. можно отметить тенденцию к планомерному росту показателей. Швеция, например, в 2022 году выделила на соответствующую статью бюджета 7,3 млрд долларов, что эквивалентно примерно 1,45% ВВП - самый высокий показатель с 2005 года.

Рисунок 1 – Доля военных расходов в ВВП страны (%)

Вместе с тем нельзя не отметить и тот факт, что, несмотря как на обострение риторики, так и на объективные военно-политические факторы, взаимодействие между военными в Арктике присутствовало. Так, двустороннее сотрудничество в Беринговом проливе привело к совместной разработке Россией и США в 2017 году системы маршрутов. Также несмотря на растущую напряженность в отношениях между странами в начале 2021 года был подписан обновленный Совместный план по борьбе с загрязнением в Беринговом и Чукотском морях – документ подразумевает проведение двусторонних полномасштабных учений по ликвидации нефтеразливов.

Вступление в НАТО Финляндии и Швеции значительно усугубляет военно-политическую обстановку в регионе главным образом посредством усиления арктического потенциала Альянса. Например, если в евроатлантическом регионе НАТО зависит преимущественно от американского потенциала, то в арктическом регионе США полагаются на ледоколы своих европейских союзников¹. Также в июле 2024 года было подписано двухстороннее соглашение между Хельсинки и Вашингтоном, предусматривающее доступ вооружённых сил США к 15 военным объектам на территории Финляндии. Подобное соглашение заключили с США и в Стокгольме. Важно заметить, что вступление обеих стран в альянс с учётом их географической близости, общей истории и схожей как в прошлом (нейтралитет), так и в настоящем (восприятие России как «угрозы первого уровня в регионе», зафиксированное в ряде официальных документов) позволяет также увеличить операционную эффективность различных группировок НАТО, расположенных в финно-скандинавском регионе.

Помимо сотрудничества в области создания единой системы ПВО, стоит упомянуть создание базы НАТО в Лапландии². По имеющимся данным, предполагается расквартирование на территории объекта до 50 офицеров, что может означать появление новой региональной группировки НАТО численностью до нескольких десятков тысяч военнослужащих, а в соответствии с позицией Хельсинки по присутствию иностранного контингента на территории страны – кратно больше. Отметим, что для Финляндии характерно рассматривать Арктику, Баренцево и Балтийское моря как единый регион – это характерно и для входящих в НАТО прибалтийских республик, которые

¹ Paul, M. (2023). U.S. Arctic Security Policy North American Arctic strategies, Russian hubris and Chinese ambitions. SWP Comment. <https://doi.org/10.18449/2023C40>

² SvD узнала, кто возглавит военную базу НАТО в Лапландии (2024). РБК. <https://www.rbc.ru/politics/16/09/2024/66e7cae89a7947a7cb79a51e>

также в последние годы стремятся подключиться к арктическим процессам. В рамках программы NATO Forward Land Forces проводятся регулярные консультации и тренировки стран Прибалтики и Польши под руководством таких арктических государств, как Швеция и Канада. Опыт взаимодействия арктических и балтийских подразделении НАТО в условиях гомогенизации пространства безопасности увеличивает риски для России в новых условиях.

К уже существующим угрозам национальной безопасности России в Арктике добавляются новые. Помимо количественного усиления военного присутствия западных государств и активности со стороны их спецслужб, рост боевых возможностей НАТО потребует особого внимания к обеспечению безопасности протяженной границы с Финляндией. Кольский полуостров является местом базирования Северного флота России, включающего в себя атомные подводные лодки. Условно «материковую» часть страны с ним связывает железнодорожный маршрут из Санкт-Петербурга - единственная крупная транспортная артерия, пригодная для оперативной переброски крупногабаритной военной техники и составных частей в случае конфликта. Также очевидно повышение угрозы безопасности для порта Мурманск. Мурманская область находится в непосредственной близости от границы с Финляндией и Норвегией. С учётом провокаций со стороны Швеции и Финляндии – особенно с использованием ВВС и беспилотных летательных аппаратов – повышается шанс получения противником всё более полных разведданных, необходимых для организации враждебных действий с применением прокси или регулярных вооружённых сил.

Активное присутствие КНР, а также России в киберсреде, в том числе в оборонном сегменте, вызывает опасения у стран НАТО, что приводит к интенсификации их сотрудничества в сфере кибербезопасности и радиоразведки. Существующие программы НАТО по кибербезопасности включали сотрудничество со Швецией и Финляндией задолго до их формального вступления в Альянс. Стоит также отметить, что в Финляндии в настоящий момент проводятся испытания технологий, связанных с применением высокоскоростной связи 6-го поколения и квантовых компьютеров. Эксперименты в данной области, вероятно, способны повысить скорость получения разведданных и координации действий на ключевых объектах гражданской и военной инфраструктуры.

Ещё один вызов для обеспечения безопасности России в заполярных регионах – тренд на крайне интенсивное применение БПЛА в современных конфликтах. Военная техника такого класса может угрожать сохранности

ключевых инфраструктурных объектов в европейской части АЗРФ. Гипотетической целью атаки могут стать и объекты гражданской инфраструктуры – упомянутый порт Мурманск, АЭС в европейской части АЗРФ, гражданские танкеры, газовозы и ледоколы, имеющие ключевое значение для развития Северного морского пути. Вдобавок испытываемые в Финляндии при поддержке других западных стран технологии передачи военной информации, а также общая доктрина применения ВВС скандинавских государств и разведывательная сеть стран НАТО могут ограничивать операционные возможности российских арктических группировок.

На потенциальные угрозы национальной безопасности в Арктике Россия отвечала симметричными мерами. Так, в декабре 2014 года была проведена реформа, результатами которой стал вывод Северного флота из-под юрисдикции Западного военного округа с последующим включением в арктическую группировку ВС РФ «Север», в целях повышения эффективности процесса боевого управления, повышения качества разведки в российском участке Арктики и противостоянию давлению со стороны стран НАТО¹. В 2015 году завершено строительство базы «Арктический трилистник», в 2016 была построена база «Северный клевер» - в общей сложности восстановлены и отремонтированы более 50 военных баз советской эпохи². Можно привести в пример масштабные учения «Океан-2024», в рамках которых группировка Северного флота отражала авианалёт крупного соединения условного противника с применением высокоскоростных ракет. В нынешних условиях повышается и боевая готовность стратегических сил РФ, дислоцированных в Арктике - в частности, это предполагает возможное проведение новых испытаний ядерного оружия.

Одним из приоритетов оборонной промышленности страны в последние годы является разработка техники, пригодной к использованию в Заполярье (Arzhanov, 2021). Так, например, истребители-перехватчики, носители гиперзвуковых ракет «Кинжал» МиГ-31, были модифицированы для использования в арктических условиях. Регулярно проводятся учения как в целях проверки боевого потенциала, так и для отработки предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций по линии МЧС.

¹ Петров, И. (2014). Северный флот перейдет в ведение Арктического командования. Российская Газета. <https://rg.ru/2014/11/26/flot-site.html>

² Conley, H. et al. (2020). The Ice Curtain: Russia's Arctic Military Presence. Center for Strategic and International Studies. <https://clck.ru/3Fh7Ww>

Важно отметить, что для НАТО принятие в свой состав новых северо-европейских членов не является конечным шагом в расширении своего присутствия в регионе. Среди возможных дальнейших действий Альянса по данному направлению эксперты называют формулирование четкого регионального видения. В «Стратегии 2030» говорится, что НАТО должно повысить уровень ситуационной осведомленности на Крайнем Севере и в Арктике, а также должно разработать стратегию, учитывающую более широкие планы сдерживания и обороны¹. Помимо этого, существуют предложения по созданию в структуре военно-политического блока отдельного, Арктического командования (ARCCOM), которое будет играть роль центрального форума для обсуждения арктических проблем в рамках всего альянса.

Если процессы милитаризации Арктики, степень их развития и динамика вплоть до 2022 года оставались предметом для научных дискуссий, то сегодня совершенно очевидно качественное обострение военно-политической ситуации в регионе. Вступление в Североатлантический альянс Финляндии и Швеции формирует такую геополитическую ситуацию, какой не существовало даже во времена противостояния СССР и США в период холодной войны.

Спустя три десятилетия после распада СССР безопасность в Арктике в своем традиционном, реалистическом понимании вновь выходит на первый план. Усиление присутствия НАТО на арктическом направлении происходило в контексте общих изменений военно-политической обстановки в регионе, находившихся в частичной взаимосвязи с глобальными тенденциями в отношениях России и Запада. Несмотря на значительное усиление активности Альянса с началом украинского конфликта в 2014 году вплоть до начала СВО, в Арктике сохранялись препятствия для качественного расширения вовлеченности военных блоков в сложную структуру управления регионом, состоящую из многочисленных акторов и соглашений между ними. Однако расширение НАТО на севере Европы в условиях роста напряженности в отношениях с западными странами и продолжающегося с 2014 года тренда на прямую связь внерегиональных проблем с международным взаимодействием в Арктике, создаёт ряд вызовов для России.

Некоторые исследователи полагают, что политика взаимного военного сдерживания «это «новая - старая» норма, которая будет определять военно-политическую обстановку в Северной Атлантике и Евроарктическом ре-

¹ NATO 2030: United for a New Era (2020). NATO. https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2020/12/pdf/201201-Reflection-Group-Final-Report-Uni.pdf

гионе на долгосрочную перспективу независимо от политической конъюнктуры и возможных колебаний в отношениях между Россией и Западом» (Zagorsky & Todorov, 2021). Вместе с тем накопленный десятилетиями опыт сотрудничества и сохранение основных элементов – институтов и соглашений – управления Арктикой вкупе с осознанием всеми государствами катастрофичности возможного военного конфликта в Заполярье, позволяют предположить относительную стабильность военно-политической обстановки в регионе и фиксацию текущего положения дел. Необходимо также учитывать, что, несмотря на длительную историю взаимодействия, интеграция новых членов в НАТО займет определенное время, а дальнейшие усилия по расширению присутствия в северных широтах будут, скорее всего, направлены на соответствующие структурные изменения, отражающие растущий интерес к Арктике и к вызовам, там присутствующим.

References

- Arzhanov, I. A. (2021). Russia, NATO, and the Arctic: Rivalry, security, possible scenarios for the development of geopolitical competition. *Bulletin of the Russian Peoples' Friendship University. Series: International Relations*, 21(4), 758–771. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-4-758-771>
- Barry, R. (2010). Arctic Doom, Arctic Boom. The Geopolitics of Climate Change in the Arctic. *Arctic, Antarctic, and Alpine Research*, 42(1), 133–134. <https://doi.org/10.1657/1938-4246-42.1.133>
- Bertelsen, R. (2019). The role of transnational knowledge networks and epistemic communities in Arctic shipping governance. In A. Shibata, L. Zou, N. Sellheim, M. Scopelliti (eds.), *Emerging Legal Orders in the Arctic*. <https://doi.org/10.4324/9780429461170>
- Bezhina, Y. V. (2023). Northern European defense cooperation in the post-bipolar period. *World Politics*, (2), 41–58. (In Russ.)
- Dahl, A.-S. & Järvenpää, P. (2013). *Northern Security and Global Politics: Nordic-Baltic strategic influence in a post-unipolar world* (1st ed.). <https://doi.org/10.4324/9780203725344>
- Depledge, D. & Dodds, K. (2017). *Bazaar Governance: Situating the Arctic Circle*. In K. Keil, S. Knecht (eds.), *Governing Arctic Change* (pp. 141–160). Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1057/978-1-137-50884-3_8
- Fenenko, A. V. (2011). Military-political aspects of Russian-American relations in the Arctic: History and modernity. *Lomonosov World Politics Journal*, (2), 129–157. (In Russ.)
- Heininen, L. (2019). *Special Features of Arctic Geopolitics - A Potential Asset for World Politics*. In M. Finger, L. Heininen (eds.), *The GlobalArctic Handbook*. https://doi.org/10.1007/978-3-319-91995-9_13
- Hossain, K. (2023). *Climate Change Challenges in the Arctic*. In R. Brinkmann, R. (Ed.), *The Palgrave Handbook of Global Sustainability*. https://doi.org/10.1007/978-3-031-01949-4_26

- Kikkert, P. & Lackenbauer, P. (2020). *The Militarization of the Arctic to 1990*. In K. Coates, C. Holroyd. The Palgrave Handbook of Arctic Policy and Politics.
- Konyshyev, V. N. & Sergunin, A. A. (2014). The U.S. military strategy in the Arctic and Russia's national security. *National Interests: Priorities and Security*, (20), 54–63. (In Russ.)
- Lanteigne, M. (2020). *Considering the Arctic as a Security Region: The Roles of China and Russia*. In G. Hoogensen, M. Lanteigne, H. Sam-Aggrey. Routledge Handbook of Arctic Security (1st ed.).
- Martynov, V. L. (2015). The "Cold War" in the Arctic Ocean: Air defense forces in the Arctic (1950s–1990s). *Arctic 21st Century. Humanities*, 1(4), 75–84. (In Russ.)
- Min, C., Yang, Q., Chen, D., Yang, Y., Zhou, X., Shu, Q., & Liu, J. (2022). The emerging Arctic shipping corridors. *Geophysical Research Letters*, (49), 1–10. <https://doi.org/10.1029/2022GL099157>
- Parlow, A. (2022). *Arctic Geopolitics, Cross-Boundary Soft-Power, Ecosystem Protection, and Human Security in the Bering Sea and Strait*. In M. Behnassi, H. Gupta, F. Kruidbos, A. Parlow. The Climate-Conflict-Displacement Nexus from a Human Security Perspective.
- Pietikäinen, S. (2024). *Cold Rush. Language and Globalization*. Palgrave Macmillan, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-031-63995-1_1
- Rahbek-Clemmensen, J. (2011). Denmark in the Arctic: Bowing to three masters. *Atlantisch Perspectief*, 35(3), 9–14.
- Rahbek-Clemmensen, J. (2017). The Ukraine crisis moves north. Is Arctic conflict spill-over driven by material interests? *Polar Record*, 53(1), 1–15.
- Stackhouse, M. (2023). The Zone of Peace and the Future of Arctic Governance. *Journal of Arctic & Climate Security Studies*, 1(1), 136–150.
- Steinveg, B., Rottem, S. & Andreeva, S. (2024). Soft institutions in Arctic governance – who does what? *Polar Record*, 60(1), 1–7.
- Wilhelmsen, J. & Hjermann, A. (2022). Russian Certainty of NATO Hostility: Repercussions in the Arctic. *Arctic Review on Law and Politics*, (13), 114–142.
- Zagorsky, A. V. (2016). *Non-strategic issues of security and cooperation in the Arctic*. (In Russ.)
- Zagorsky, A. V., & Todorov, A. A. (2021). The military-political situation in the Arctic: Points of tension and ways to de-escalation. *Arctic and North*, (44), 79–102. (In Russ.)
- Zhuravel, V. P. (2020). NATO in the Arctic: A threat to Russia's national security (2010–2020). *Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation*, 3(2), 79–84. (In Russ.)

Для цитирования: Галимуллин, Э. З. НАТО В Арктике: эволюция политики североатлантического альянса в регионе и новые вызовы безопасности / Э. З. Галимуллин, Ю. И. Матвеев, М. Г. Майоров // PolitBook. – 2025. – № 1. – С. 41–59. – DOI 10.24412/2227-1538-2025-1-41-59

Б.П. Гуселетов

B. Guseletov

**ИТОГИ ЕВРОПЕЙСКИХ
И ПАРЛАМЕНТСКИХ
ВЫБОРОВ В АВСТРИИ
2024: РОСТ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
НЕСТАБИЛЬНОСТИ И
УСИЛЕНИЕ ПОЗИЦИЙ
ПРАВЫХ РАДИКАЛОВ**

**AUSTRIA EUROPEAN AND
PARLIAMENTARY
ELECTIONS RESULTS
2024: GROWTH OF
POLITICAL INSTABILITY
AND STRENGTHENING OF
THE RIGHT-WING
RADICALS POSITION**

Аннотация

В данной статье представлены результаты очередных общеевропейских и парламентских выборов в Австрии, прошедших, соответственно, 9 июня и 29 сентября 2024 года. Было также сделано сравнение результатов ведущих австрийских политических партий на европейских и национальных выборах 2019 и 2024 гг., что позволило оценить динамику изменения общественно-политической ситуации в этой стране-члене Евросоюза. Даны краткие оценки партий, которые были представлены в нижней палате парламента Австрии (Национальный совет) в предыдущие пять лет. Проанализированы итоги деятельности ведущей в правительстве Австрийской народной партии (АНП) во главе с ее лидером и бундесканцлером Карлом Нехаммером. Представлена также главная оппозиционная ультраправая Австрийская партия свободы (АПС) во главе с Гербертом Киклем, которая благодаря своей победе на общеевропейских и парламентских выборах стала основным нарушителем политической стабильности в Австрии. Отмечены основные причины успеха австрийских популистов, связанные с их жесткой позицией в отношении миграции, которая по мнению австрийских избирателей является главной проблемой страны, а также их критической позиции в отношении поддержки Украины и антироссийской санкционной политики, которая нанесла серьезный ущерб экономике этой страны. Рассмотрены варианты формирования нового австрийского правительства.

Abstract

This article presents the results of the next pan-European and parliamentary elections in Austria, held on June 9 and September 29, 2024, respectively. A comparison was also made between the results of the leading Austrian political parties in the European and national elections of 2019 and 2024, which made it possible to assess the dynamics of changes in the socio-political situation in this EU member state. Brief assessments of the parties that were represented in the lower house of the Austrian Parliament (the National Council) in the previous five years are given. The results of the activities of the Austrian People's Party (EPP), led by its leader and Bundeskanzler Karl Nehammer, are analyzed. The main opposition far-right Austrian Freedom Party (APS), led by Herbert Kickl, is also represented, which, thanks to its victory in the pan-European and parliamentary elections, has become the main violator of political stability in Austria. The main reasons for the success of the Austrian populists are noted, related to their tough stance on migration, which, according to Austrian voters, is the main problem of the country, as well as their critical position regarding support for Ukraine and the anti-Russian sanctions policy, which has caused serious damage to the economy of this country. Options for forming a new Austrian government have been considered, which most likely will not include the APS this time.

Ключевые слова:

Австрия, европейские выборы, парламент, правительство, политические партии.

Key words:

Austria, European elections, parliament, government, political parties.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2025-1-60-77>

Долгие годы австрийское государство считалось в Европе и мире образцом политической и социальной стабильности и благополучия. Ее партийно-политическая система, сложившаяся после Второй мировой войны, с 1945 по 1983 гг., де-факто была двухпартийной. Две основные партии: левоцентристская «Социал-демократическая партия Австрии» (СДПА, образована в 1888 году) и правоцентристская, консервативная «Австрийская народная партия» (АНП, образована в 1945 году) доминировали в политике, формируя правительство, либо самостоятельно, если одна из них получала в нижней палате парламента Национальном совете (НС) абсолютное большинство, либо вместе в рамках так называемой «большой коалиции», если ни одна из них не имела большинства в НС (Швейцер, 2018). «Коммунистическая партия Австрии» (КПА, образована в 1918 году) и праволиберальная «Австрийская партия свободы» (АПС, образована в 1956 году) тоже на постоянной основе принимали участие в выборах депутатов НС, но показанные ими низкие результаты не позволяли им участвовать в формировании правительства, хотя с 1956 по 1983 гг. АПС имела в НС собственной фракцию численностью от 6 до 12 депутатов парламента (ДП). Начиная с выборов 1983 года, фракция АПС в НС становилась все более многочисленной, в результате чего АНП с 2000 до 2005 и с 2017 до 2019 гг. предпочитала формировать правительственную коалицию с этой партией.

Из инициативы защитников природы в Австрии, объединившихся в конце 1960-х гг. в гражданский союз, в 1986 году была образована экологическая партия «Зеленые – Зеленая Альтернатива» (З-ЗА), а в октябре 2012 году 40 активистов образовали партию «Либеральный Форум» (ЛФ, в 2014 году была преобразована в партию «NEOS – Новая Австрия-Либеральный Форум»), которые сразу же прошли в парламента, имея цель покончить с застоем в политической жизни Австрии и усилить в стране институты прямой демократии. Ее представительство в НС после выборов в 2013 было на уровне 8-10 ДП. При этом партийно-политическая система страны, в которой были представлены партии, имеющие достаточно четкую идейную ориентацию, до конца XX века отличалась устойчивостью и предсказуемостью.

Однако в конце XX – нач. XXI столетий на партийно-политической арене Австрии возник ряд новых партий, идейно-политические позиции которых были уже сильно размыты, и эти в основном популистские и антиэлитные партии больше ориентировались на своих лидеров, чтобы было хо-

рошо видно из их названий: «Список Ханса-Петера Мартина – за демократию, контроль и справедливость» (существовала с 2004 по 2014 гг.), «Список Фритца Динкгаусера – Гражданский Форум Австрии» (образована в 2008 году, была представлена в земельном Парламенте федеральной земли Тироль 2 раза), «Команда Стронаха за Австрию» (существовала с 2012 по 2017 гг.), «Список Петера Пильца» (существовала с 2017 по 2020 гг.), «Список Мадлен Петрович» (образован в 2022 году). Кроме того, в этот период возникло несколько региональных партий, которые больше ориентировались на участие в соответствующих земельных и местных выборах: «Для Инсбрука» (основана в 1994 году), «Бургерландский список» (основана в 2010 году), «Вперед Тироль!» (основана в 2013 году).

Были также созданы несколько экзотических партий, например, «Партия защиты окружающей среды человека животных» (1993 г.); «Альянс за будущее Австрии» (2005 г.), «Пиратская партия» (2006 г.); «Партия за выход из Евросоюза» (2011 г.); «Изменение» (2012 г.); «Пивная партия» (2014 г.); «Я состою в движении Реформ» (2015 г.) и «Мой голос имеет значение» (2016 г.).

Исследованием процессов становления и развития партийно-политической системы Австрии занимался ряд российских и зарубежных исследователей. В совместном фундаментальном труде венгерского ученого А. Пелинки и австрийского исследователя Ф. Плассера подробно рассмотрен процесс становления и развития партийной системы Австрии во второй половине XX века (Pelinka & Plasser, 2019). Еще один австрийский эксперт М. Малик занимался изучением результатов парламентских выборов в этой стране конца XX – начала XXI столетия (Малик, 2003). Польская ученая Ю. Месниковска провела исследование процесса европеизации австрийских партий, который начал активно развиваться во втором десятилетии XX столетия (Miecznikowska, 2018).

Российский исследователь А.В. Качалова проанализировала, какую роль играют австрийские партии в европейской политике (Качалова, 2007). А.С. Бадаева опубликовала статью об «Австрийской партии свободы», которая, несмотря на свою относительную молодость, сумела занять хорошую позицию в партийно-политической системе Австрии и даже дважды войти в состав правительства страны на правах младшего партнера АНП (Бадаева 2018). Российский ученый В.Я. Швейцер опубликовал целую серию статей и монографий, в том числе в соавторстве с В.С. Грибовским, посвященных состоянию современной партийно-политической системы Австрии и участию австрийских партий в национальных и европейских выборах во втором десятилетии XXI века (Швейцер и Грибовский, 2018b; Швейцер, 2019a, 2021).

Методологической основой данного исследования стал количественный и качественный анализ результатов евровыборов 2019-2024 гг. и австрийских парламентских выборов 2019-2024 гг., а также качественный контент-анализ программных документов ведущих общеевропейских и австрийских партий, а также материалов деятельности австрийского парламента и правительства. Среди анализируемых документов следует упомянуть предвыборные программы ведущих партий, участвовавших в этих выборах (АНП, СДПА, АПС, З-ЗА, КПА и др.)¹; тексты выступлений их лидеров, публикуемые в национальных и общеевропейских средствах массовой информации, а также другие материалы, касающиеся участия этих партий в европейских и национальных выборах.

Что касается количественного и качественного анализа результатов обоих выборов, то эти результаты публиковались на порталах Европарламента (евровыборы), а также Министерства внутренних дел Австрии (национальные выборы). Результаты этого анализа представлены ниже.

Среди научно-теоретической литературы, посвященной анализу партийных систем, можно выделить три основных направления, посвященные:

- анализу процессов становления института политических партий и их систем, которые описывают этот и иные политические институты, как в их историческом развитии, так и в сравнительной перспективе;
- изучению процессов трансформации партийно-политических систем в различных историко-географических обстоятельствах;
- исследованиям современных процессов партийного строительства, включая анализ влияния на них современных социальных и технологических обстоятельств, а также идейно-ценностных общественных изменений.

Автор исследования в большей степени опирался на последний из них, учитывая, что партийно-политическая система Австрии в последние 15-20 лет претерпела заметные трансформации, связанные с изменениями как внутривнутриполитической ситуации (усиление притока мигрантов, ухудшение социально-экономической ситуации, изменения в социальной структуре австрийского общества и др.), так и геополитических изменений (мировой финансово-экономический кризис 2008-2009 гг., рост числа региональных конфликтов как в самой Европе, так и в соседних с ней регионах).

Современная партийно-политическая система Австрии

Австрия является федеративной парламентской республикой, главой которой является ее Президент, избираемый всенародным голосованием

¹ Austrian People's Party. <https://oesterreich.isidewith.com/en/parties/austrian-peoples/policies>; SPO. <https://www.spoe.at/>; FPÖ. <https://www.fpoe.at/>; Die Grünen – Die Grüne Alternative. <https://www.gruene.at/>; NEOS. <https://partei.neos.eu/>

каждые шесть лет. Глава правительства – бундесканцлер, утверждается 183 депутатами НС по итогам парламентских выборов, которые проводятся не реже, чем раз в пять лет. В Австрии нет прямых выборов канцлера. Бундесканцлер назначается Президентом. С юридической точки зрения Президент свободен в выборе бундесканцлера. Однако на практике при его назначении он руководствуется интересами партийной коалиции, которая получила абсолютное большинство в НС.

Партия, имеющая большинство голосов избирателей в НС, предлагает Президенту кандидатуру бундесканцлера, который предлагает Президенту список членов правительства. После этого Президент утверждает бундесканцлера и членов Правительства, которое начинает действовать без подтверждения полномочий НС.

После выборов в НС для достижения стабильного федерального правительства между партиями, победившими на выборах, проводятся предварительные собеседования, чтобы определить, возможно ли сотрудничество между ними в НС. Проведение пробных собеседований было введено в 1999 году федеральным президентом Т. Клестилом, поскольку порядок формирования Правительства в Конституции Австрии не определен.

После завершения предварительных собеседований начинаются коалиционные переговоры, по итогам которых между партиями заключается коалиционное соглашение.

Для организации выборов страна делится на 39 избирательных округов в девяти австрийских землях. В Вене и земле Форарльберг депутаты НС избираются большинством голосов, а в остальных 7 землях пропорциональным голосованием. Каждый избиратель имеет 2 голоса: один на национальном уровне за одну из участвующих в выборах партий, а второй в его избирательном округе за какого-либо конкретного кандидата.

Распределение мест осуществляется по методу Харе в региональных и провинциальных округах и по методу д'Ондта на федеральном уровне.

Партия, участвующая в выборах, для того, чтобы получить представительство в НС, должна выполнить по крайней мере одно из двух условий: получить базовый мандат в одном из избирательных округов или получить поддержку не менее 4% избирателей по всей стране¹.

¹ Для получения базового мандата, партия должна набрать число голосов, позволяющее преодолеть избирательный порог по крайней мере в одном избирательном округе. Избирательный порог устанавливается путём деления общего количества действительных голосов, поданных в регионе, на общее количество мандатов, которые распределяются в этом округе и которое зависит от численности его населения. Он периодически корректируется по результатам переписи населения.

По итогам внеочередных парламентских выборов, прошедших 29 сентября 2019 года, в АПС были представлены пять политических партий¹:

- «Народная партия», возглавляемая действующим бундесканцлером С. Курцем, член «Европейской народной партии» (Гуселетов, 2022), имела 71 ДП;

- «Социал-демократическая партия», возглавляемая ее председателем и лидером фракции социал-демократов в НС П. Ренди-Вагнер, член «Партии европейских социалистов» (Гуселетов, 2022), имела 40 ДП;

- «Партия свободы», во главе с ее Председателем, ДП Н. Хофером, а также Генеральным секретарем Г. Киклем, который стал лидером партийной фракции в НС, член европартии «Идентичность и Демократия» (Гуселетов, 2022), имела 31 ДП;

- левоцентристская и экологическая партия «Зеленые-Зеленая Альтернатива», вернувшаяся в НС после провала на выборах 2017 года и возглавляемая ее председателем В. Коглером, являющаяся членом «Европейской партии Зеленых» (Гуселетов, 2022), имела 26 ДП;

- партия NEOS, возглавляемая ее председателем и лидером фракции в НС Б. Майнл-Райзингер, является членом «Альянса либералов и демократов за Европу» (Гуселетов, 2022), имела 10 ДП.

Всего в этих выборах участвовали 13 партий, но оставшиеся восемь набрали от 0,01 до 1,87% голосов и не получили представительства в НС.

По результатам выборов было образовано новое коалиционное правительство, в которое вошли две партии: АНП и З-ЗА. Тогдашний лидер народных Курц сохранил за собой пост бундесканцлера, а Коглер стал его заместителем (Швейцер и Грибовский, 2018а).

В октябре 2021 года разразился коррупционный скандал, в который оказался втянут С. Курц. В результате ему пришлось подать в отставку, а на его место пришел бывший Министр иностранных дел А. Шалленберг (АНП). Однако по прошествии всего лишь полутора месяцев после своего назначения Шалленберг решил уйти в отставку и вернуться на свой прежний пост Министра иностранных дел. А новым бундесканцлером был избран новый лидер АНП К. Нехаммер, занимавший пост Министра внутренних дел в правительствах Курца и Шалленберга (Швейцер, 2022).

Выборы депутатов Европейского парламента 2024 года

¹ Deloy, C. (2019). L'ÖVP du chancelier sortant Sebastian Kurz arrive largement en tête des élections législatives autrichiennes. Fondation Robert Schuman. <https://www.robert-schuman.eu/fr/observatoire/1830-l-ovp-du-chancelier-sortant-sebastian-kurz-arrive-largement-en-tete-des-elections-legislatives-autrichiennes>

9 июня 2024 года в Австрии состоялись выборы депутатов Европарламента (ДЕП), который стали как бы преддверием парламентских выборов, намеченных на сентябрь этого же года. По итогам этих выборов Австрия получала 20 ДЕП, на 2 больше, чем в 2019 году. Одно дополнительное место ей было выделено в 2020 году после перераспределения мест в связи с «Брекзитом», а второе – в 2023 году на основе уточненных данных о численности населения.

Депутаты Европарламента избираются в Австрии по принципу полуоткрытых списков участвующих в них политических партий в едином общенациональном избирательном округе при наличии избирательного порога на уровне 4%. При этом распределением мест между списками осуществляется по методу Д'Ондта.

Все жители страны, которые либо имели австрийское гражданство, либо проживали в Австрии на постоянной основе, а также граждане этой страны, проживающие за ее пределами, и граждане иных стран-членов ЕС, постоянно живущие в Австрии, имеют право голосовать на парламентских выборах. Но они должны к дню выборов быть старше 16 лет и зарегистрироваться в реестре избирателей. Участники самих выборов, внесенные в партийные списки, должны иметь право голоса и быть старше 18-летнего возраста на день голосования.

Для участия в евровыборах каждая австрийская партия должна была до 26 апреля 2024 года представить в Министерство внутренних дел одну подпись ДЕП, либо три подписи ДП, либо 2.600 подписей избирателей, собранных во всех землях, согласно установленным нормативам: в Нижней Австрии и Вене 500 и более, в Верхней Австрии и Штирии ≥ 400 , в Каринтии, Тироле и Зальцбурге ≥ 200 и в Бургенланде и Форарльберге ≥ 100 . Помимо пяти партий, представленных в НС, в этих выборах захотели участвовать КПА, «Демократическая–Нейтральная–Аутентичная партия» (ДНАП), «Вольт Австрия», «Лучшая Австрия», партия «Выход Австрии из ЕС», партия «За выход Австрии из ЕС» и партия «Чистая политика начинается здесь». Но последние пять не смогли собрать необходимые подписи и не были допущены к участию в выборах. Таким образом осталось семь партий:

- АНП, список которой возглавлял Р. Лопатка, ДП, вице-президент ПАСЕ;
- СДПА, во главе списка которой стоял А. Шидер, ДЕП, в прошлом лидер фракции социал-демократов в НС;
- АПС, список которой возглавлял Х. Вилимский, ДЕП;
- 3-ЗА, во главе списка которой была 23-летняя студентка венского университета Л. Шиллинг;
- NEOS, список которой возглавил Х. Брандштеттер, ДП и журналист;

- КПА, во главе списка которой стоял лидер партии Г. Хопфгартнер;
- ДНАП, список которой возглавляла М. Хабнер-Могг, основатель и лидер партии, в прошлом врач, выступавшая против вакцинации в период пандемии COVID-19.

В ходе избирательной кампании АНП сделала основной акцент на важности дальнейшего укрепления ЕС, но при этом критически оценила нерешенность проблемы нелегальной миграции¹. Общий лозунг этой партии – «Европа, но лучше!» Европа, которая борется с террором, обеспечивает правдивую информацию, гарантирует свободу и стабильность, сокращает регулирование экономической деятельности, усиливает конкуренцию, обеспечивает себя дешевой энергией и т.д.

Социал-демократы в своей предвыборной программе основное внимание уделили необходимости борьбы с правыми популистами в Европе, которые, по их мнению, являются главной угрозой для европейской демократии. Их партия заявила, что выступает за сильную социальную и демократическую Европу, ее устойчивое развитие и справедливую систему налогообложения. Они выступали за сохранение Австрии как нейтрального государства, а также улучшение положения женщин в обществе².

А вот АПС во главу угла своей предвыборной позиции поставили критику ЕС, который, по их мнению, угрожает суверенитету его стран-членов, а также не может решить проблему миграции, особенно остро волнующую австрийских граждан. Партия предлагала сократить бюрократический аппарат ЕС, немедленно выдворить из страны всех соискателей политического убежища, нарушающих ее законы. Националисты также призвали снять санкции в отношении России, запретить поставки оружия и финансирование партиям войны³.

Партия З-ЗА в ходе избирательной кампании основной акцент сделали на двух вопросах: сохранение климата и борьба с правым экстремизмом, который, по их мнению, угрожает будущему единой Европы⁴.

¹ ÖVP macht Reinhold Lopatka zum EU-Spitzenkandidaten. DerStandard.at. (2024). <https://www.derstandard.at/story/3000000203147/eu-wahl-214vp-bundesvorstand-will-lopatka-zum-spitzenkandidaten-k252ren>

² Andreas Schieder mit 89,8 Prozent EU-Spitzenkandidat. DerStandard.at. (2023). <https://www.derstandard.at/story/3000000194844/andreas-schieder-will-mit-eu-wahl-auch-wende-in-oesterreich>

³ FPÖ: Harald Vilimsky als Spitzenkandidat für EU-Wahl am 9. (Juni 2024). OTS.at. https://www.ots.at/presseaussendung/OTS_20240112_OTS0092/fpoe-harald-vilimsky-als-spitzenkandidat-fuer-eu-wahl-am-9-juni-2024-fixiert

⁴ Grüne wählen Schilling mit 96,6 Prozent zur EU-Spitzenkandidatin. DerStandard.at. (2024). <https://www.derstandard.at/story/3000000208908/schilling-stellt-sich-bei-bundeskongress-votum-der-gruenen>

Либералы из партии NEOS шли на эти выборы под лозунгами усиления ЕС, укрепления европейской безопасности и сотрудничества в сфере обороны, а также ускорения процесса евроинтеграции¹.

Коммунисты в ходе избирательной кампании главный упор делали на темах нейтралитета и мирного сосуществования, а также борьбе с ростом цен и привилегий².

Популисты из ДНАП в борьбе за голоса избирателей основной акцент делали на вопросах миграции, сохранении экспорта газа и угля из России и снятии с нее санкций, а также выхода из «Зеленой сделки»³.

Интерес к этим выборам среди австрийских избирателей оказался достаточно высок, о чем свидетельствовал высокий уровень явки, составивший 56,36%. Результаты выборов, представленные в табл. 1, в основном соответствовали прогнозам.

Таблица 1. Итоги выборов депутатов Европарламента 2024 г. в Австрии

Партия	Число голосов	% голосов	Число ДЕП	Число ДЕП в 2019
АПС	893,754	25.36	6	3
АНП	864,072	24.52	5	7
СДПА	818,287	23.22	5	5
З-ЗА	390,503	11.08	2	2
NEOS	357,214	10.14	2	1
КПА	104,245	2.96	0	0
ДНАП	95,859	2.72	0	-
Итого	3,523,934	100.00	20	18

Главной сенсацией этих выборов стало то, что ультраконсервативная, националистическая и популистская АПС впервые в истории страны одержали победу на общенациональных выборах, обойдя две ведущие партии: АНП и СДПА. Причиной успеха АПС стало то, что они сумели правильно разыграть основную карту: незаконная миграция, которая в наибольшей степени

¹ EU-Wahl 2024. NEOS.eu. <https://www.neos.eu/programm/unsere-schwerpunkte/europa/eu-wahl-2024>

² KPÖ will mit Hopfgartner zur EU-Wahl antreten. <https://www.kleinezeitung.at/politik/innenpolitik/18025094/kpoe-will-mit-hopfgartner-zur-eu-wahl-antreten>

³ Maria Hubmer-Mogg von Liste DNA: Warum nicht weiter Russen-Gas und Kohlekraftwerke? <https://www.kleinezeitung.at/politik/eu/18479914/maria-hubmer-mogg-von-liste-dna-warum-nicht-weiter-russen-gas-und>

волновала австрийских избирателей. Лидер списка АПС Х. Вилимский заявил по итогам этих выборов, что: «Это успех на выборах основан на важной позитивной реформе, и теперь мы хотим провести эту позитивную реформу на парламентских выборах. Одни выборы влияют на другие»¹. Победа АПС имела не только заметный общественный резонанс в самой Австрии, но также и во всей Европе. АПС вместе с венгерской партией Фидес В. Орбана и чешской партией АНО бывшего премьер-министра А. Бабиша стали инициаторами создания в ЕП новой праворадикальной евроскептической парламентской партии «Патриоты за Европу», фракция которой в ЕП стала третьей по численности (84 ДЕП) (Гуселетов, 2024).

Остальные партии, преодолевшие 4% барьер, более или менее повторили свои результаты, показанные на предыдущих евровыборах 2019 года, за исключением АНП, которая потеряла 2 депутатских места. Очевидно, что голоса избирателей в 2019 году, голосовавших за АНП, перешли к АПС.

Парламентские выборы в Австрии 29 сентября 2024 года

29 сентября 2024 года в Австрии прошли очередные выборы депутатов НС, в которых участвовали 12 партий. Из них 9 партий выставили своих кандидатов во всех девяти землях страны: АНП во главе с бундесканцлером К. Нехаммером; СДПА возглавляемая с ее новым лидером А. Баблером; АПС во главе с ее председателем и бывшим Министром внутренних дел в правительстве Курца (2017-2019 гг.) Г. Киклем; З-ЗА, возглавляемая вице-бундесканцлером В. Коглером; NEOS во главе с ее председателем и главой ее фракции в НС Б. Майнль-Райзингер; КПА возглавляемая Т. Швайгером, членом руководства партии и бывшим лидером «Молодых левых»; «Пивная партия» (ПП) во главе фронтменом панк-группы Turbobier Д. Влазным; «Список Мадлен Петрович» (СМП), возглавляемый ее лидером М. Петрович, в прошлом пресс-секретарем партии З-ЗА; партия «Изменение», которая шла на этих выборах под названием KEINE (Ни одна из них) во главе с ее лидером Ф. Муллой.

Еще три австрийские популистские партии выставили своих кандидатов в ряде земель: «Альянс за будущее Австрии: свобода людей, основные права» (АБА: СЛ-ОП) в семи землях, кроме Бургенланда и Каринтии; «Список Газы» (СГ), также в семи землях, кроме Каринтии и Зальцбурга, и «Мы желтые» (МЖ), в одной земле Бургенланд².

¹ Murphy, F. (2024). Austrian Far Right Says EU Vote Win Gives It Momentum for National Race. USNEWS.com. <https://www.usnews.com/news/world/articles/2024-06-09/polling-based-forecast-says-austrias-far-right-wins-eu-vote>

² Deloy, C. (2024). L'extrême-droite, en tête des sondages pour les élections fédérales du 29 septembre en Autriche. Fondation Robert Schuman. <https://www.robert-schuman.eu/fr/actualites/actualites/2024/09/29/lextremedroite-en-tete-des-sondages-pour-les-elections-federales-du-29-septembre-en-autriche>

После победы на евровыборах 2024 года АПС стала главным претендентом на победу и на парламентских выборах. Ее предвыборная программа называлась «Австрийская крепость – крепость свободы», в которой основной акцент делался на противодействии миграции за счет: минимизации помощи нелегальным мигрантам и лицам, которые ищут в Австрии убежище, высылки на родину мигрантов, нарушивших закон (ремиграция), законодательного запрета экстремистского ислама, а также запрета возможности воссоединения семей мигрантов. Партия также предлагала снизить размер корпоративного налога и увеличить уровень зарплат, защите традиционных семейных ценностей. Во внешней политике АПС выступала за сокращение полномочий Евросоюза, выход из европейской инициативы «Небесный щит», направленной на укрепление противовоздушной обороны стран-членов НАТО, прекращение выплат в Европейский фонд мира, предназначенный для финансирования военных миссий ЕС в странах-партнерах и оказания им военной помощи, сохранение нейтралитета в российско-украинском конфликте, отмену антироссийских санкций. Г. Кикль даже заявил, что в случае прихода его партии к власти Австрия прекратит всякую финансовую поддержку Украины¹.

АНП и ее лидер действующий бундесканцлер К. Нехаммер после поражения на евровыборах попытались внести ряд изменений в свою предвыборную программу. В первую очередь это касалось антииммигрантской темы, при обсуждении которой народники решили использовать многие положения из программы АПС. Они заявили о необходимости ужесточить иммиграционные правила, создать в третьих странах центры содержания беженцев, не платить иммигрантам социальные пособия, если они находятся в стране менее 5 лет, конфисковывать у просителей убежища ценные вещи после их прибытия в Австрию с целью покрыть расходы на их пребывание, депортировать значительное число беженцев из Афганистана и Сирии, не оказывать помощь тем государствам, которые отказываются принимать обратно своих граждан.

А в социально-экономической сфере АНП заняла более либеральную позицию, поддержав снижение корпоративных налогов, расходов на зарплату, и сокращения социальных пособий. За счет этих мер народники пытаются хоть как-то улучшить экономическую ситуацию в стране, которая в последние годы заметно ухудшилась. Уровень инфляции 2023 году достиг

schuman.eu/observatoire/6301-l-extreme-droite-en-tete-des-sondages-pour-les-elections-federales-du-29-septembre-en-autriche

¹ Liechtenstein, S. (2024). Austria's Freedom Party secures first far-right national election win since World War II. APnews.com. <https://apnews.com/article/austria-national-election-far-right-freedom-party-1a22057b230a2576e0ca0ee69607cf6e>

7,7%, безработица постоянно растет и в 2024 году ее уровень может составить 5,3%.

Кроме того, партию сотрясают внутри правительственные скандалы. Например, 17.06.2024 года Министр климата, окружающей среды, энергетики, мобильности, инноваций и технологий, член партии З-ЗА Л. Гевесслер на заседании Совета министров по окружающей среде Евросоюза поддержала Закон о восстановлении природы, который является одним из основных элементов европейской «Зеленой сделки», направленной на восстановление к 2050 г. всех деградировавших экосистем. Этот поступок Министра противоречил позиции правительства, которое выступало против данного Закона¹. К. Нехаммер назвал действия своего министра «неприемлемыми», но не стал требовать ее отставки, которая могла привести к развалу правящей коалиции и назначению досрочных парламентских выборов.

При этом К. Нехаммер в ходе избирательной кампании заявил, что он отвергает любой союз с Г. Киклем, которого он считает радикальным националистом и сторонником теории заговора. Тем не менее он подчеркивал, что не будет против формирования правительственной коалиции с АПС, но без участия в ней лидера этой партии.

Вторая до недавнего времени ведущая партия СДПА продолжает находиться в состоянии стагнации, что можно объяснить двумя причинами. Во-первых, после ухода плеяды замечательных лидеров этой партии, которые не раз приводили ее к победе на выборах и возглавляли правительство: Б. Крайский (бундесканцлер с 1970 по 1983 гг.), Ф. Враницкий (1986-1997 гг.), В. Клима (1997-2000 гг.), А. Гузенбауэр (2007-2008 гг.), В. Файманн (2008-2016 гг.), К. Керн (2016-2017 гг.), к руководству партией пришла политик новой волны, первая женщина лидер СДПА: П. Ренди-Вагнер, при которой на выборах 2019 года партия показала свой наихудший результат в своей истории – 21,2%.

Во-вторых, многие программные положения социал-демократов потеряли свою актуальность в силу того, что они были реализованы на практике: социальные гарантии, высокий уровень благосостояния для большинства, свободный доступ к услугам здравоохранения и образования и т.д. Кроме того, многие социал-демократические идеи и предложения были заимствованы их оппонентами из консервативных, националистических и экологических партий по всей Европе. При этом реакция социал-демократов на новые вызовы и проблемы, реально волнующие избирателей: миграция, послед-

¹ Niranjan, A. (2024). EU passes law to restore 20% of bloc's land and sea by end of decade. The Guardian. <https://www.theguardian.com/world/article/2024/jun/17/eu-passes-law-to-restore-20-of-blocs-land-and-sea-by-end-of-decade>

ствия социально-экономического кризиса, межэтнические и религиозные конфликты, зачастую была излишне идеологизированной и не находила отклика у рядовых граждан.

3 июня 2023 года новым лидером СДПА был избран бывший лидер молодежной организации партии и мэр своего родного города Траискирхента (с 2014 года) А. Баблер, которого австрийские эксперты называют левым популистом (Löwenstein 2023). Новый лидер социал-демократов также заявил, что его партия не будет заключать правительственную коалицию с АПС. Он подтвердил, что его партия не поддерживает ужесточение политики в отношении мигрантов и лиц, ищущих убежища. СДПА в ходе избирательной кампании заявила о намерении ускорить и облегчить процедуру приема мигрантов и призвала более равномерно распределять беженцев между странами-членами ЕС.

Опросы общественного мнения, проводимые перед этими выборами, показывали, что наибольшие шансы на победу имела АПС, за которую готовы были проголосовать 27% избирателей, за АНП – 25% и за СДПА – 21%. Партии NEOS и З-ЗА могли рассчитывать на поддержку, соответственно 10% и 7% избирателей. Минимальные шансы на прохождение в НС были у «Пивной партии» – 4%, и КПА – 3%. Из партийных лидеров наибольшую поддержку имел Г. Кикль – 22%, опережавший действующего бундесканцлера К. Нехаммера, которого поддерживали только 18% избирателей¹.

Результаты выборов в целом совпали с их прогнозами (табл. 2). Уверенную победу одержала АПС, которая сумела развить свой успех на евро-выборах 2024 и почти в два превзошла свой результат, достигнутый на предыдущих парламентских выборах 2019 года. Фракция этой партии теперь будет состоять из 57 ДП, что обеспечивает ей относительное большинство, но не дает возможности самостоятельно образовать новое австрийское правительство. Этот результат стал для АПС лучшим за всю ее историю.

АНП откатилась на второе место, уступив своему результату 2019 г. более 10%. Социал-демократы остались на третьем месте, показав фактически тот же результат что и пять лет назад, и даже увеличив на одно место численность своей депутатской фракции в НС.

Также в нижнюю палату парламента страны прошли либеральная партия NEOS, несколько улучшившая свой результат, и экологическая партия З-ЗА, не добравшая до своего предыдущего результата 5,64% и откатившаяся

¹ Deloy, C. (2024). L'extrême-droite, en tête des sondages pour les élections fédérales du 29 septembre en Autriche. Fondation Robert Schuman. <https://www.robert-schuman.eu/observatoire/6301-l-extreme-droite-en-tete-des-sondages-pour-les-elections-federales-du-29-septembre-en-autriche>

на 5-е место. Неудача зеленых во многом была связана с их участием в предыдущем правительстве страны вместе с АНП, что в глазах большинства австрийских избирателей имело явно негативную коннотацию. Остальные семь партий, участвовавших в этих выборах, не смогли преодолеть 4% барьер и не прошли в НС.

Таблица 2 – Итоги выборов депутатов НС Австрии состоявшихся 29.09.2024 года, и их сравнение с результатами выборов 29.09.2019 года

Партия	Число голосов в поддержку партии (% голосов)		Число депутатов НС	
	2024	2019	2024	2019
АПС	1,408,514 (28,85%)	772,666 (16,17%)	57	31
АНП	1,282,734 (26,27%)	1,789,417 (37,46%)	51	71
СДПА	1,032,234 (21,14%)	1,011,868 (21,18%)	41	40
NEOS	446,378 (9,14%)	387,124 (8,1%)	18	15
З-ЗА	402,107 (8,24%)	664,055 (13,9%)	16	26
КПА	116,891 (2,39%)	32,736 (0,69%)	0	0
ПП	98,395 (2,02%)	4,946 (0,1%)	0	0
СМП	28,488 (0,58%)	-	0	-
KEINE	27,830 (0,57%)	22,168 (0,46%)	0	0
АБА: СЛ-ОП	19,785 (0,41%)	-	0	-
СГ	19,376 (0,4%)	-	0	-
МЖ	156 (0,01%)	-	0	-
Всего	4,929,745 (100%)	4,835,469 (100%)	183	183

Явка: 77,7% (2024 г.), 75,6% (2019 г.)

Лидер АПС Г. Кикль после объявления итогов выборов заявил, что его партия готова сформировать правящую коалицию, хотя, учитывая позиции лидеров АНП и СДПА, шансов на это у австрийских националистов было немного. Президент Австрии А. Ван дер Беллен, который по Конституции поручает одному из лидеров партии, прошедшей в НС, формировать новое правительство, еще накануне выборов заявил, что он не обязан сделать такое

предложение Г. Киклю, даже если его партия займет на парламентских выборах первое место¹.

С 4 по 8 октября 2024 года А. Ван дер Беллен провел официальные переговоры с лидерами всех пяти партий, представленных в НС. По итогам этих переговоров он попросил лидеров партий до 18 октября обсудить возможные варианты формирования новой правящей коалиции, уточнив, что ни одна из партий не хочет сотрудничать с АПС, поэтому он не стал поручать лидеру этой партии формирование правительства.

16 октября 2024 года по итогам переговоров лидеров АНП, СДПА и АПК Нехаммер заявил, что его партия не будет сотрудничать с АПС, так как, по его мнению, Г. Кикль «не способен управлять страной и представляет угрозу ее безопасности». Поэтому 22 октября 2024 г. Ван дер Беллен предложил Нехаммеру сформировать новое правительство с СДПА, так как вдвоем эти партии имеют пусть и минимальное, но большинство в НС. При этом лидер АНП уточнил, что скорее всего ему придется привлечь в коалицию третьего партнера, чтобы она имела в парламенте стабильное большинство. Исключенный из переговорного процесса Г. Кикль раскритиковал Президента Австрии, который, по его мнению, нарушил сложившиеся процедуры формирования правительства и заявил, что «сегодняшний день – еще не конец истории»².

25 октября 2024 года стартовали официальные переговоры К. Нехаммера и А. Баблера, к которым позднее присоединились представители NEOS и 3-ЗА. По итогам этих переговоров Нехаммер заявил, что процесс формирования нового правительства будет долгим из-за «огромных политических разногласий между участвующих в нем партий»³. И уже 12 ноября 2024 года АНП и СДПА пригласили к участию в коалиционных переговорах партию NEOS, участие которой в новом правительстве обеспечит ему устойчивое большинство в парламенте – 110 из 183 депутатов. Однако 3 января 2025 года партия NEOS вышла из переговорного процесса, а на следующий день лидер АНП К. Нехаммер заявил о своей отставке с поста бундесканцлера и руководителя партии, заявив, что соглашения с СДПА невозможно из-за

¹ Deloy, C. (2024). Tremblement de terre en Autriche où le parti d'extrême droite arrive pour la première fois en tête des élections fédérales. Fondation Robert Schuman. <https://www.robert-schuman.eu/observatoire/6330-tremblement-de-terre-en-autriche-ou-le-parti-d-extreme-droite-arrive-pour-la-premiere-fois-en-tete-des-elections-federales>

² Bell, B. (2024). Austria far right shunned for coalition despite winning election. BBC.com. <https://www.bbc.com/news/articles/cx252kedeppe>

³ NEOS mit besseren Chancen als Grüne. (2024). ORF.at. <https://orf.at/stories/3373886/>

неконструктивной позиции лидера этой партии¹. Сменивший Нехаммера на посту лидера АНП Генеральный секретарь этой партии и ДП К. Штокер заявил, что АНП готова начать коалиционные переговоры с АПС Кикля.

6 января 2025 года президент Ван дер Беллен поручил лидеру АПС Г. Киклю сформировать новое правительство. В результате АПС и АНП договорились начать новые коалиционные переговоры, по итогам которых новым бундесканцлером Австрии станет лидер АПС Г. Кикль, а лидер АНП Штокер займет пост вице-канцлера².

Прошедшие в сентябре 2024 г. в Австрии парламентские выборы стали фактически продолжением выборов депутатов Европарламента, прошедших 9 июня 2024 года и завершившихся уверенной победой популистской, националистической и евроскептической Австрийской партии свободы. На прошедших евровыборах успехов добились и другие евроскептические партии из Бельгии, Венгрии, Испании, Италии, Нидерландов, Португалии, Франции, Чехии и других стран. В результате по инициативе руководителя АНП Г. Кикля, Председателя чешской партии АНО А. Бабиша и лидера венгерской партии Фидес В. Орбана в Европарламенте была организована третья по численности парламентская группа «Патриоты за Европу» вице-президентом которой стал ДЕП от АНП Х. Вилимский. Таким образом, австрийские евроскептики громко заявили о себе не только на национальном, но и на общеевропейском уровне.

На национальных парламентских выборах АПС во главе со своим председателем Г. Киклем вновь одержала уверенную победу, хотя и не смогли получить абсолютного большинства в Национальном Совете, что не позволило им самостоятельно сформировать новое австрийское правительство. Стоит отметить, что ключевыми лозунгами АПС в ходе избирательной кампании были усиление борьбы с нелегальной миграцией и прекращение австрийской помощи Украине в ходе ее конфликта с Россией.

Правоцентристская АНП К. Нихаммера заняла на европейских и национальных выборах вторые места, заметно снизив свои результаты, хотя также пыталась активно разыгрывать миграционную карту. Но эта партия не смогла выдержать конкуренцию с АПС, к тому же ухудшение социально-экономической ситуации за предыдущие пять лет правления правительства Нихаммера не добавило его партии дополнительных очков.

¹ 4 Austrian Chancellor Nehammer Quits as Coalition Talks Fail. (2025). Bloomberg.com. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2025-01-04/austrian-chancellor-nehammer-steps-down-as-coalition-talks-fail>.

² Austria's far-right led coalition talks: what are the challenges? (2025). Reuters.com. <https://www.reuters.com/world/europe/challenges-austrias-far-right-faces-coalition-talks-2025-01-09/>

Социал-демократическая партия, пребывающая последние семь лет в состоянии стагнации, попыталась за счет смены руководителя вернуть себе лидирующий статус. Но в результате смогла лишь повторить свой результат, достигнутый на предыдущих выборах 2019 года.

В результате Президент страны А. Ван дер Беллен поручил сформировать правительство К. Нихаммеру, который пригласил в него СДПА и NEOS. Однако после провала этих переговоров из-за деструктивной позиции руководства СДПА президент страны вынужден был поручить формирование нового состава правительства лидеру ПС Г. Киклю, который начал переговоры с новым руководителем АНП Штокером. И есть высокая вероятность того, что данные переговоры могут завершиться успехом и впервые в истории Австрии ее бундесканцлером станет лидер националистической Австрийской партии свободы Герхард Кикль.

Литература

- Miecznikowska, J. (2018). *Europeizacja partii i systemu partyjnego Austrii* [Europeanization of the Austrian parties and party system], Oficyna Wydawnicza, 493 (In Polish).
- Pelinka, A. & Plasser, F. (2019) *The Austrian Party system*. Imprint Routledge, 458. <https://doi.org/10.4324/9780429309014>.
- Бадаева, А. С. (2018). Австрийская партия свободы: между правым популизмом, австрийским патриотизмом и немецким национализмом. *Контуры глобальной трансформации*, (3), 53-68.
- Гуселетов, Б. П. (2024). Успех евроскептических оппозиционных сил на выборах депутатов Европейского парламента 2024: причины и следствия. *Наука. Культура. Общество*, 30 (4), 52-67. <https://doi.org/10.19181/nko.2024.33.4.X>.
- Гуселетов, Б. П. (2022). *Общеввропейские партии в XXI веке: становление, развитие, перспективы*. Доклады ИЕ РАН, 388. <http://dx.doi.org/10.15211/report22022-388>.
- Качалова, А. В. (2007) Партии Австрии в современной европейской политике. *Вестник РУДН. Серия «Международные отношения»*, (4). 60-65.
- Малек, М. (2003). Опыт австрийских выборов. *Современная Европа*, (3), 92-97.
- Швейцер, В. Я. (2022). *Политические проблемы современной Австрии*. Доклады Института Европы РАН, 391. http://dx.doi.org/10.15211/report52022_391.
- Швейцер, В. Я. (2021). Австрийские политические скандалы: «дело Курца». *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*, (6), 139-146. <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran62021139146>.
- Швейцер, В. Я. (2019a). Австрийская партия Свободы: первые шаги «малой коалиции». *Партии и движения политической альтернативы в современной Европе*.
- Швейцер, В. Я. (2019b). Европейские выборы и кризис австрийской политической модели. *Выборы в Европейский парламент 2019*, 139-140.
- Швейцер, В. Я. (2018). Австрия – ЕС. Долгий путь в Европейскую интеграцию (1955-1995 гг.). *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*, (5), 209-2013.
- Швейцер, В. Я., Грибовский В. С. (2018a). Итоги парламентских выборов в Австрии. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*, (1), 49-54.
- Швейцер, В. Я., Грибовский, В. С. (2018b). Националисты Австрии: этапы вхождения во власть. *Европа 2017: партии, выборы, власть. Доклады Института Европы РАН*, 353, 80-87.

References

- Badaeva, A. S. (2018). Avstrijskaya partiya svobody: mezhdru pravym populizmom, avstrijskim patriotizmom i nemetskim natsionalizmom [Austrian Freedom Party: Between right-wing populism, Austrian patriotism, and German nationalism]. *Kontury global'noj transformatsii*, (3), 53–68.
- Guseletov, B. P. (2022). Obshcheevropejskie partii v XXI veke: stanovlenie, razvitiye, perspektivy [Pan-European parties in the 21st century: Formation, development, prospects]. *Doklady IE RAN*, 388. <http://dx.doi.org/10.15211/report22022-388>
- Guseletov, B. P. (2024). Uspekh evroskepticheskikh oppozitsionnykh sil na vyborah deputatov Evropejskogo parlamenta 2024: prichiny i sledstviya [Success of Eurosceptic opposition forces in the European Parliament elections 2024: Causes and consequences]. *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo*, 30(4), 52–67.
- Kachalova, A. V. (2007). Partii Avstrii v sovremennoj evropejskoj politike [Parties of Austria in contemporary European politics]. *Vestnik RUDN. Seriya «Mezhdunarodnye otnosheniya»*, (4), 60–65.
- Malek, M. (2003). Opyt avstrijskikh vybory [Experience of Austrian elections]. *Sovremennaya Evropa*, (3), 92–97.
- Miecznikowska, J. (2018). Europeizacja partii i systemu partyjnego Austrii [Europeanization of the Austrian parties and party system]. *Oficyna Wydawnicza*. (In Polish)
- Pelinka, A. & Plasser, F. (2019). *The Austrian Party System*. Imprint Routledge.
- Shvejtser, V. Ya. (2018). Avstriya – ES. Dolgij put' v Evropejskuyu integratsiyu (1955–1995 gg.) [Austria – EU. Long road to European integration (1955–1995)]. *Nauchno-analiticheskij vestnik Instituta Yevropy RAN*, (5), 209–213.
- Shvejtser, V. Ya. (2019a). Avstrijskaya partiya Svobody: pervye shagi «maloj koalitsii» [Austrian Freedom Party: The first steps of a "small coalition"]. In *Partii i dvizheniya politicheskoy al'ternativy v sovremennoj Evrope* [Parties and movements of political alternatives in modern Europe].
- Shvejtser, V. Ya. (2019b). Evropejskie vybory i krizis avstrijskoj politicheskoy modeli [European elections and the crisis of the Austrian political model]. In *Vybory v Evropejskij Parlament 2019* [Elections to the European Parliament 2019], 139–140.
- Shvejtser, V. Ya. (2021). Avstrijskie politicheskie skandaly: «delo Kurtse» [Austrian political scandals: "The Kurz case"]. *Nauchno-analiticheskij vestnik Instituta Yevropy RAN*, (6), 139–146. <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran62021139146>
- Shvejtser, V. Ya. (2022). Politicheskie problemy sovremennoj Avstrii [Political problems of modern Austria]. *Doklady Instituta Yevropy RAN*, 391.
- Shvejtser, V. Ya., & Gribovskij, V. S. (2018a). Itogi parlamentskikh vıborov v Avstrii [Results of parliamentary elections in Austria]. *Nauchno-analiticheskij vestnik Instituta Yevropy RAN*, (1), 49–54.
- Shvejtser, V. Ya., & Gribovskij, V. S. (2018b). Natsionalisty Avstrii: etapy vkhozhdeniya vo vlast' [Nationalists of Austria: Stages of entering power]. In *Evropa 2017: partii, vybory, vlast'* [Europe 2017: Parties, Elections, Power]. *Doklady Instituta Yevropy RAN*, 353, 80–87.

Для цитирования: Гуселетов, Б. П. Итоги европейских и парламентских выборов в Австрии 2024: рост политической нестабильности и усиление позиций правых радикалов / Б. П. Гуселетов // PolitBook. – 2025. – № 1. – С. 60-77. – DOI 10.24412/2227-1538-2025-1-60-77

А.А. Шинкаренко

A. Shinkarenko

**В ОБЪЯТИЯХ
ЗАВИСИМОСТИ?
ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЕ
ПЕРИПЕТИИ
«ПЕКИНСКОГО
КОНСЕНСУСА»**

**IN THE ARMS OF
DEPENDENCY?
LATIN AMERICAN
REHASHES OF THE
"BEIJING CONSENSUS"**

Аннотация

Приводится опыт применения китайской экономической модели, которая в странах Латинской Америки известна под термином «Пекинский консенсус», а также оценивается вклад данного подхода в вопросы политической и экономической стабильности в регионе.

Цель исследования – проследить эволюцию торговых связей Латинской Америки с Китаем с учетом особенностей местной модели природной ренты. Работа дополняет уже существующие исследования, сфокусированные на проблемах экономического и политического развития стран Латинской Америки и Карибского бассейна в конце XX – начале XXI вв.

Исследование основано на использовании системного подхода в теории международных отношений. Автор обращается к методам теории зависимости и мир-системного анализа, чей инструментарий позволяет продемонстрировать диспропорции, которые обнаруживаются в текущей экономической и политической повестке региона. Также заслуживают внимания незападные подходы в современной теории международных отношений, дополняющие изучение современного мирового политического и экономического пространства.

Результаты исследования показывают, что на фоне политических и экономических потрясений, спровоцированных политикой «Вашингтонского консенсуса» в регионе, появился стойкий запрос на альтернативные модели экономического развития, подходящие под местную специфику. Обращение к китайской экономической парадигме оказалось неслучайным, так как ее активная промышленная составляющая совпала с целями и задачами рентных

Abstract

The article analyzes the experience of applying the Chinese economic model, which in Latin American countries is known by the term "Beijing Consensus", and also assesses the contribution of this approach to issues of political and economic stability in the region.

The purpose of the study is to trace how relations between Latin American countries and the People's Republic of China were built, as regional participants applied the Chinese experience to the local conditions of "peripheral capitalism". The presented analysis fits into the general context of research on the peculiarities of the economic and political development of Latin America and the Caribbean in the late twentieth and early twenty-first centuries.

The research is based on the use of a systematic approach in the theory of international relations. In his analysis, the author refers to the methods of dependency theory and the world system, whose tools allow us to demonstrate the imbalances that are found in the current economic and political agenda of the region. Non-Western approaches in the modern theory of international relations, which complement the study of the modern world political and economic space, also deserve attention.

The results of the study show that against the background of political and economic turmoil provoked by the policy of the "Washington Consensus" in the region, there is a persistent demand for alternative models of economic development suitable for local specifics. The appeal to the Chinese economic model turned out

экономик Латинской Америки. Местные элиты были заинтересованы в получении сверхприбылей от проектов в сфере инфраструктуры и добычи полезных ископаемых. Это стало трендом в контексте «левого дрейфа» начала XXI в., ввиду чего наиболее ярким стал пример Венесуэлы с ее ставкой на активную эксплуатацию углеводородов.

Опыт «Пекинского консенсуса» в Латинской Америке с фокусом на повышение роли государства в экономиках природной ренты, на краткосрочном треке оказался неоднозначным. Несмотря на отдельные позитивные аспекты региональные участники демонстрирует крайнюю уязвимость от мировой конъюнктуры на ресурсные товары, что ведет к серьезным последствиям как в экономике, так и сказывается на политической стабильности. Издержки данной модели следует оценивать в дальнейших исследованиях в среднесрочной перспективе.

Ключевые слова:

теория зависимости, центр-периферия, Китай, Латинская Америка, экономическое развитие, Пекинский консенсус, политическая нестабильность, международные отношения.

to be no coincidence, since its active industrial component coincided with the goals and objectives of the rental economies of Latin America. Local elites were interested in making super profits from infrastructure and mining projects. This has become a trend in the context of the "left drift" of the early 21st century, which is why the most striking example was Venezuela with its bet on the active exploitation of hydrocarbons.

The experience of the "Beijing Consensus" in Latin America, with a focus on increasing the role of the state in natural rent economies, turned out to be contradictory in the short term. Despite some positive aspects, regional participants demonstrate extreme vulnerability to the global environment for resource products, which leads to serious consequences both in the economy and political stability. The costs of this model should be assessed in further studies in the medium term.

Key words:

dependency theory, center-periphery, China, Latin America, economic development, Beijing Consensus, political instability, international relations.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2025-1-78-97>

Появление феномена «Вашингтонского консенсуса» (первоначально предложен в 1989 г. британским экономистом Дж. Уильямсоном) позволило говорить о формировании обобщенного термина, применимого ко всей структуре неолиберального экономического мышления. Его системообразующие принципы (всего их 10) с жестким финансовым регулированием, сокращением издержек, либерализацией экономик, их открытостью для прямых иностранных инвестиций и др. активно навязывались международными финансовыми организациями (МВФ, Всемирный банк) правительствам развивающихся стран (Ананьин et al., 2010). Подобный подход безусловно обслуживал интересы идеологии однополярного мира, в которой решающее слово оставалось за участниками «Большой семерки» (G-7). Метод «шоковой терапии» для экономик периферийных государств подавался кураторами как единственно «правильный». Особенно этот рецепт стал популярен среди тогдашних правительств латиноамериканских стран. Последние постоянно испытывали давление со стороны администраций в Вашингтоне, одновременно стремясь справиться с последствиями

«потерянного десятилетия» (1980-е гг.). Однако череда провалов в реформах с применением подобных рекомендаций и глобальные финансовые потрясения 1990-х гг. на практике показали малоэффективность данного инструмента применительно к накопленным экономическим и социальным проблемам региона. На это обратил внимание американский Нобелевский лауреат по экономике (2001) Дж. Стиглиц. Критикуя деятельность МВФ, ученый указал, что практика подобных методов в конечном счете привела к азиатскому финансовому кризису (1997-1998 гг.), чьи остаточные явления выразились в крупнейшем за всю историю дефолте в Аргентине в 2001 году¹. В итоге происходил процесс перетекания огромных потоков денежной массы из развивающихся экономик на счета участников G-7 через искусственное создание кризисов и турбулентности, известный в науке с подачи итальянского социолога мир-системного анализа Дж. Арриги (1937-2009 гг.) как «накопление изъятием».

Весьма закономерной реакцией на подобные явления стал запрос на формирование новых центров экономического и политического влияния, что вносило определенные коррективы в уже устоявшийся с момента распада bipolarной системы status-quo. Одним из первых, кто обратился в данному вопросу в своей записке «Building Better Global Economic BRICs» (дословный перевод – «Строим лучшую мировую экономику БРИКС») для Goldman Sachs стал аналитик банка Дж. О'Нил². Хотя призыв о необходимости к созданию «пост-Вашингтонского консенсуса» звучал и ранее среди наиболее убежденных критиков неолиберальной парадигмы, «которая не является полной, а также в ряде случаев ошибочной» (Stiglitz, 2008). Главное условие – такая альтернатива должна быть применима к экономическим условиям стран «глобального Юга». По этой причине в научном и экспертном сообществах все чаще стали говорить о китайской модели, известной как «Пекинский консенсус» (кит. 北京共识; пиньинь: Běijīng gòngshí) (Svampa&Slipak, 2015). Экономические реформы в КНР, избежавшей при этом политической нестабильности, демонстрировали феноменальный рост. При этом сохранялся суверенный контроль над финансовой системой, что убеждало многих участников МО, что для увеличения показателей экономик необходимо государственное участие. Появление на латиноамериканском пространстве Поднебесной в качестве возможной альтернативы Вашингтону, как подчеркивает аргентинский поли-

¹ Komisar, L. (2011, June). Interview with Joseph Stiglitz. The Progressive. <https://archive.globalpolicy.org/social-and-economic-policy/the-three-sisters-and-other-institutions/internal-critics-of-the-world-bank-and-the-imf/50588-interview-with-joseph-stiglitz.html>

² История БРИКС. (2023, Сентябрь). Коммерсант. Деньги. <https://www.kommersant.ru/doc/6197210>

толог К. Эскуде, позволило ключевым акторам региона самим выбирать в текущей парадигме более выгодные условия сотрудничества (Escude, 2012).

Это делало китайскую модель развития уникальной и привлекательной, из-за чего ее стали противопоставлять терявшему своих сторонников «Вашингтонскому консенсусу». В подтверждение тезиса о необходимости новых полюсов экономического и политического влияния в 2004 году бывший редактор журнала «Time», американский экономист Дж. Купер Рамо издал работу «Пекинский консенсус». В ней автор свел свои рассуждения к трем направлениям: развитию, основанному на инновационных технологиях; акценту на приоритет устойчивости и равенства; а также самоопределению в международных отношениях (Li, Xi et al., 2009). В то же время сам Купер Рамо не воспринимал подобную экономическую стратегию как вызов США¹. Краеугольным камнем в выборе модели развития все также остается гибкая настройка собственного подхода, основанного на особенностях локальных условий с учетом накопленного мирового опыта, что в дальнейшем позволит достичь желаемой стабильности и стимулировать экономический рост. Как подчеркнул в одной из своих работ Эскуде, интерес государств на обочине мировой политики больше определяется в категориях благосостояния своих граждан, нежели в терминологии проблем безопасности (Еремин, 2021, с. 54). В то же время вопрос о воспроизводстве зависимости, несмотря на смену основных участников остается на повестке дня.

Вопросы политической стабильности неотделимы от процессов экономического развития, где стартовые условия государств как единицы международных отношений обладают собственной уникальностью. Поэтому для анализа проявления «Пекинского консенсуса» в государствах латиноамериканского региона резонно обратиться к системному подходу в теории международных отношений (ТМО). В его рамках, как отмечает отечественный исследователь П.А. Цыганков, среди всех типологий международных систем неомарксистский подход позволил предложить альтернативу господствующей парадигме в ТМО (Цыганков, 2013, с. 13-15). Вместе с тем отсутствие единого истолкования действительности представлялось закономерным, так как внутри данного направления существовало сразу несколько вариаций. Здесь следует отдельно выделить подходы, которые возникли в Латинской Америке и Европе. В частности, речь идет о теории зависимости, которая впоследствии трансформировалась в «периферийный капитализм», а также мир-системный анализ Ф. Броделя и теории несимметричной взаимозависимости Й. Галтунга.

Представители теории зависимости, также известные как депендентисты (от исп. *dependencia* – зависимость), среди которых были видные латино-

¹ Maurits, E. (2016, August). Joshua Cooper Ramo on the Beijing Consensus in the Age of Networks. The Diplomat. <https://thediplomat.com/2016/08/interview-joshua-cooper-ramo/>

американские экономисты и социологи (Р. Пребиш, Ф.Э. Кардозу, Э. Фалетто, Р. Марини, С. Фуртаду, А.Г. Франк и др.) при анализе проблемы неравенства в глобальных экономических отношениях опирались на модель «центра-периферии». По их утверждению, что общественное развитие происходит путем наслаивания одного общественного строя на другой (Цыганков). При этом применение центром в странах Латинской Америки и Карибского бассейна (далее – ЛАКБ) модернизационных подходов способствовало социальному расслоению и дезорганизации в каждом отдельно взятом государстве региона. В местных условиях сформировалась единственная на периферии узкая прослойка населения с покупательной способностью. В свою очередь локальные рыночные отношения воспроизводили модель зависимого развития, что в дальнейшем трансформировалось в «периферийный капитализм», который активно разрабатывали сразу несколько исследователей, в т.ч. Р. Пребиш и А.Г. Франк. Согласно последнему, задачей вышеописанное экономической модели являлось не сокращение имевшихся «кливажей» между ядром и периферией (Цыганков, 2013; Lengruber, 2021, р. 40), а именно, сохранение «недоразвития» у стран, богатых природными ресурсами для извлечения собственной выгоды. Также был выдвинут тезис о том, что, начиная с XVI века развитие стран ядра проходило за счет непрерывного воспроизводства неразвитости у периферийных акторов, где центр намеренно отводил последним подчиненную роль в процессе международного разделения труда (МРТ). Такая логика увеличивала экономический разрыв между странами «Глобально Севера» и «Глобального Юга», о чем, в частности, упоминал в своих работах франко-египетский исследователь С. Амин. Как часть марксистской традиции, теория зависимости, обладавшая всем необходимым для анализа глобальной повестки, оказалась в маргинальном положении в исследованиях ТМО. По иронии это заметно в академическом дискурсе стран ЛАКБ – региона, в котором она была разработана, идея о зависимом развитии находит мало приверженцев в среде научного сообщества (Lengruber, р. 41).

Закономерным этапом в развитии рассматриваемого подхода стал мир-системный анализ МО, что особенно стало заметно в 1980-е гг. Его представители (Ф. Бродель, И. Валлерстайн, С. Амин, Т. Дус Сантус, Дж. Арриги и др.) в своих исследованиях дополняли модель «центр-периферии» новым элементом – «полупериферией». Последний являлся ключевым для сторонников неомарксистской парадигмы в ТМО. Это добавляло существующей структуре большую пластичность в контексте современной гегемонии (доминирования) центра. Важным аспектом также являлась принадлежность к одному из упомянутых уровней (центр-полупериферия-периферия), что, по мнению при-

верженцев подхода, должно определять поведение каждого из участников существующей структуры.

Последствия экономических и политических потрясений стимулировали государства к поиску альтернативного взгляда на происходящие международные процессы. В этой связи подходы, привнесенные латиноамериканской теорией зависимости, тоже могут быть использованы в данном ключе (Lengruber, p. 33). Учитывая критику европоцентричности в ТМО, о чем, в частности, заявляли А. Ачарья, Б. Бузан и др. (Лебедева, 2017) работы, посвященные незападным теориям (включая Китай и Индию) с их собственными конструктами, сформировали в международном интеллектуальном дискурсе запрос на соответствующий контент. Целью таких начинаний является обогащение теоретического анализа современного политического и экономического пространства, где исследователям предлагаются самостоятельные концептуальные модели, основанные на историческом опыте и философии регионов «Глобального Юга». Латинская Америка в этом отношении не является исключением. Еще до возникновения незападного направления в ТМО упоминавшийся ранее аргентинский исследователь К. Эскуде предложил собственную теорию периферийного реализма, изложенную в одноименной работе «Realismo Periférico» (1992). Согласно мнению этого ученого, латиноамериканские государства часто ориентируются на истеблишмент и правительственные институты в противовес интересам граждан и экономик, которые вынуждены справляться с издержками от деятельности отдельных администраций.

В начале XXI века доля импорта латиноамериканских товаров на китайский рынок была незначительной, однако с 2009 года экономические связи между сторонами стали укрепляться, сделав это направление для Пекина одним из приоритетных. Равно как и Центральная Азия Латинская Америка стала источником сырьевых ресурсов для Поднебесной. По мере развития этого процесса со странами региона КНР вошла в топ-3 основных направлений экспорта для стран Латинской Америки и Карибского бассейна (ЛАКБ), смещая тем самым вектор торговли в сторону Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). В частности, данное утверждение оказалось справедливым для Аргентины, Бразилии, Венесуэлы, Колумбии, Перу, Уругвая, Чили и Эквадора. Как отмечал аргентинский экономист А. Слипак, именно китайское направление являлось основным для бразильской, перуанской и чилийской экономик в 2012 году (Slipak, 2014, p. 114). В этот период представители китайских компаний приступили к активным прямым иностранным инвестициям в проекты на территории вышеназванных государств. В данной случае речь шла о капиталовложении в отрасли с высокой отдачей прибыли (горнорудная, нефтехимическая, пищевая, легкая и др. промышленность). В ряде случаев китайские

предприниматели инвестировали в производство, которое было связано с существующими сегментами потребительского рынка, сборочные предприятия или отдельные инфраструктурные проекты (Slipak, 2014).

Российский латиноамериканист Э.С. Дабагян также отмечал, что стороны демонстрировали взаимную заинтересованность, где Латинская Америка преследовала цель диверсифицировать направления сбыта своей продукции, а КНР стремилась поддерживать темпы широкой индустриализации, привлекая для этого внешние ресурсы. Об активном освоении Китаем (с начала 2000-х гг.) латиноамериканского экономического пространства говорят цифры: объем взаимного экспорта-импорта (2000–2006 гг.) значительно увеличился с 13 до 70 млрд долл., достигнув к концу десятилетия цифры в 170 млрд (Дабагян, 2016).

Стоит подчеркнуть, что внутри региональный контекст развития Латинской Америки стал определяющим для трансформации конвенциональной модели природной ренты в ее новую фазу, получившей название «неоэкстрактивизм». При всей многозначности трактовок этого понятия, существующих в научном дискурсе основную их часть можно свести к сверхэксплуатации природных ресурсов, которая с начала XXI века приобрела новые конфигурации и масштабы, не только благодаря соответствующим проектам, но также числу вовлеченных в них участников (как национальных, так и ТНК). Подобная парадигма развития, пробудив социальную мобилизацию местных сообществ из-за «грабительской» разработки полезных ископаемых, а также ее экологических последствий стала проверкой на прочность как для левых, так и для правых политических режимов региона (Svampa, 2019, pp. 5-6). В то же время высокий спрос на латиноамериканские товары подталкивал здешние правительства активнее использовать логику природной ренты, из-за чего некоторые из них столкнулись с феноменом «ресурсного проклятия». Любопытно, что провалы своей экономической политики латиноамериканские правительственные администрации оправдывали прямой зависимостью между сверхдобычей полезных ископаемых и развитием. В их представлениях именно неоэкстрактивистская парадигма являлась «меньшим злом» для борьбы с бедностью. В частности, данный тезис разделяет уругвайский социолог Э. Гудинас, подчеркивая, что популистские лозунги о сокращении социального неравенства в латиноамериканских обществах позволили властям не обращать внимание на экологические издержки, которые затрагивают «индейские или крестьянские общины, что еще больше усугубляет их бедственное положение» (Gudynas, 2014, p. 26). Опосредованно на развитие подобных процессов

повлияли нужды китайской промышленности и азиатских рынков сбыта в целом, где латиноамериканское сырье пришлось как нельзя кстати¹.

На фоне общерегионального контекста фаворитом в отношениях с Китаем стала Венесуэла, о чем, в частности, в своих работах отмечают отечественные исследователи Э.С. Дабагян, А.Ю. Борзова и Д.М. Розенталь. По их мнению, рабочие отношения между Пекином и Каракасом сложились раньше и интенсивнее, чем у остальных латиноамериканских соседей – первый визит тогдашнего венесуэльского президента У. Чавеса в КНР состоялся еще в 1999 году (Дабагян, 2016; Борзова, 2009; Розенталь, 2016). Благодаря четко определенным векторам двустороннего сотрудничества, в основном в энергетической и нефтяной сферах Китай получил права на разработку крупных месторождений в поясе Ориноко. В 2010 году Венесуэле был предоставлен кредит на 20 млрд долл. в обмен на поставки нефти сроком на 10 лет (Дабагян, 2016).

В указанный период товары экспортной номенклатуры из Латинской Америки на китайский рынок включали в себя полезные ископаемые и/или сырьевую продукцию высокого передела. Также отмечалось, что на фоне «правого поворота», наметившегося в регионе во второй половине 2010-х гг. Китай стал для левых режимов своего рода экономическим гарантом (Пятаков, 2018). Кроме того, продвигаемая Пекином инициатива «Пояс-Путь» оказалась столь привлекательной для латиноамериканских участников, что уже к 2018 году, их число составило 21 из 33 стран Западного полушария². Это позволило Пекину заручиться поддержкой региональных элит вне зависимости от их политической ориентации (Борейко et al., 2022). Поэтому неудивительно, что на сегодняшний день китайские компании преобладают на территории свободной экономической зоны (СЭЗ) Панамского канала.

Кроме того, вовлеченность представителей Пекина наблюдается и в других стратегически важных областях. КНР активно развивает со странами региона «космическую дипломатию». Во многом, как отмечают некоторые отечественные исследователи, благодаря китайской помощи ряд латиноамериканских государств стал развивать собственные национальные космические программы (Петрунина & Шушарина, 2024, с. 106). Это утверждение справедливо, в частности, для Венесуэлы (спутники Venesat-1, VRSS-1), Боливии (Turac Katari), Эквадора (Pegaso) и др. стран, чьи космические аппараты вы-

¹ Melguizo Estes A. (2017, February). China y Latinoamérica, más cerca.: https://elpais.com/elpais/2017/02/10/opinion/1486749571_518548.html

² Chiodi, L., Hoang Anh, T. N. (2022, March). The Belt and Road Initiative in Latin America: How China Makes Friends and What This Means for the Region. Latin American Focus Group. <https://blogs.eui.eu/latin-american-working-group/the-belt-and-road-initiative-in-latin-america-how-china-makes-friends-and-what-this-means-for-the-region/>

водились на орбиту на китайской ракете-носителе¹. Также в 2016 г. Пекин по договоренности с аргентинской стороной приступил к строительству в Патагонии (провинция Неукен) своей первой зарубежной станции космического слежения за спутниками и телеметрии. В реализации этого проекта стоимостью 300 млн долл. помимо гражданского персонала должны были участвовать военные специалисты от Народно-освободительной армии Китая (НОАК)².

Еще одним стратегически важным проектом для Пекина стало сооружение многоцелевого мегапорта в перуанском Чанкае в 70 км от столицы Лимы. Данный объект способен обслуживать самые крупнотоннажные суда мирового торгового флота. После его официального открытия в ноябре 2024 г. в перспективе ожидается, что затраты на логистику между материковым Китаем и Латинской Америкой сократятся на 20%, сократив время пребывания в море на 23 дня, что должно значительно увеличить товаропоток. Перу с этого момента становится важным транспортным узлом для наземных и морских перевозок между Азией и Южной Америкой, учитывая намерения китайской стороны вложить дополнительные инвестиции в развитие этой инфраструктуры³. Сотрудничество Пекина и латиноамериканских акторов в подобных высокотехнологических проектах является причиной для беспокойства Вашингтона, который относится к таким инициативам с подозрением, так как они затрагивают вопросы безопасности в Западном полушарии.

Также впечатляют и общие суммы кредитов, выданных латиноамериканским заемщикам Китайским банком развития (China Development Bank, CDB) и Экспортно-импортным банком Китая (China Exim Bank, CHEXIM), которые с 2005 по 2020 гг. составили около 138 млрд долл⁴. Это сопоставимо со средствами, предоставленными тремя банками развития сразу: Межамериканским банком развития (МБРР), Андской корпорацией развития и Всемирным банком (ВБ). В тоже время рост китайского кредитования происходил на фоне замедленного экономического роста, сопровождавшегося сокращением объемов производства, в частности, в Бразилии, Венесуэле и Эквадоре. В этих условиях эксперты предлагали странам региона сфокусироваться на диверси-

¹ Китай запустил в космос спутник дистанционного зондирования Земли с высоким разрешением. (2013, Апрель). TACC. <https://nauka.tass.ru/nauka/513451>

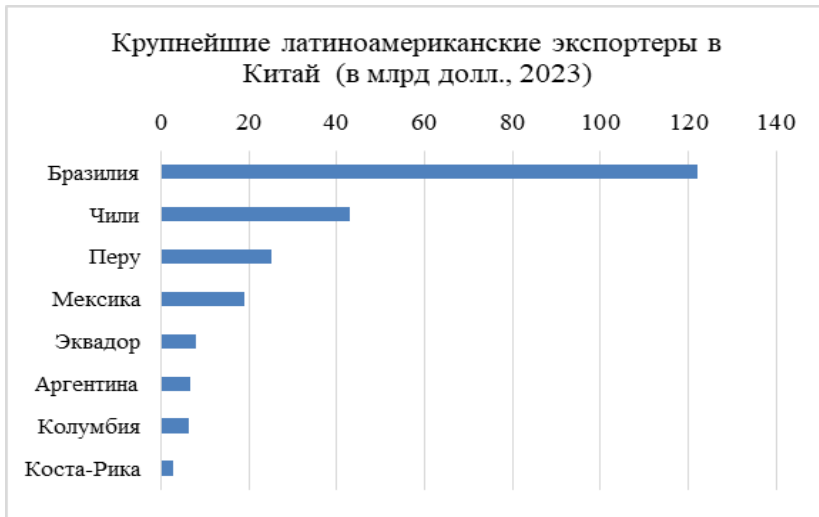
² Lee, V. R. (2016, May). China Builds Space-Monitoring Base in the Americas. The Diplomat. <https://thediplomat.com/2016/05/china-builds-space-monitoring-base-in-the-americas/>

³ Лидеры Китая и Перу открыли новый крупный порт Чанкай, способствуя торговым связям Латинской Америки. (2024, Ноябрь). Синьхуа <https://russian.news.cn/20241116/cd2bb291f149467f979aa51a833a1485/c.html>

⁴ Bruzzone, S. (2023, March). La financiación china en Latinoamérica: De prestar a gobiernos a invertir en la compra de empresas. Universidad de Navarra. <https://www.unav.edu/web/global-affairs/la-financiacion-china-en-latinoamerica-de-prestar-a-gobiernos-a-invertir-en-la-compra-de-empresas> (In Spanish).

фикации своей экспортной номенклатуры, чтобы преодолеть существующее «ресурсное проклятие»¹.

По состоянию на 2023 год объем товарооборота между Латинской Америкой и Китаем превысил отметку 480 млрд долларов². Если рассматривать состав экспорта из региона на рынки азиатского гиганта, то большая его часть (ок. 72%) приходится на сырую нефть, катоды меди, медную и железную руды, а также сельскохозяйственную продукцию (говядина, соя и ее производные и др.). При этом крупнейшим латиноамериканским игроком в торговых отношениях с КНР является Бразилия, объем экспорта которой составил 122 млрд долл., а общий двусторонний товарооборот – 181 млрд долларов. За ней следуют Чили с 43 млрд и Перу с 25 млрд³.

Кроме того, в пост-пандемийный период страны региона увеличили зависимость как от кредитования Пекином, так и от эксплуатации природной ренты, что негативным образом сказалось на экономических показателях всего латиноамериканского региона. Перед рядом правительств встал важный

¹ Llorente, J., Vallejo, C. (2021, September). América Latina ante la bipolaridad Estados Unidos China, ¿es la hora de Europa? Atalayar. Between Two Shores. <https://www.atalayar.com/en/articulo/economy-and-business/america-latina-bipolaridad-estados-unidos-china-es-hora-europa/20210908153354152848.html>

² La Nación (2024, April). Cuáles son los 5 países de América Latina que más exportan a China (y qué diferencia a México de los demás) <https://www.lanacion.com.ar/economia/cuales-son-los-5-paises-de-america-latina-que-mas-exportan-a-china-y-que-diferencia-a-mexico-de-los-nid25042024/>

³ Melo, M. F. (2024, May). Brasil, principal socio comercial de China en América Latina. <https://es.statista.com/grafico/32215/paises-latinoamericanos-que-mas-exportaron-a-china/>

вопрос с погашением внешней задолженности, для чего пришлось привлекать новые крупномасштабные кредиты. Самыми крупными странами-заемщиками в регионе стали Венесуэла и Эквадор (Сафронова, 2022). Так, Каракас уже имеет перед китайской стороной задолженность ок. 60 млрд долларов.

Показателен для исследователей опыт Венесуэлы, чье освоение нефтегазовых активов в течение многих десятилетий привлекало в национальную экономику нефтедолларовые доходы и стимулировало к всестороннему развитию государства. Подобный подход получил название «сеять нефть» с подачи национального общественного деятеля А. Услара Пьетри, предложившего его в 1936 году¹. Власти страны стремились проводить активную промышленную политику, целью которой была стратегия по расширению добычи энергоносителей на месторождениях нефтяного пояса Ориноко (чья общая площадь составляет 55,3 тыс. км²) на блоках «Карабобо», «Бояка», «Хунин» и «Аяучо». В то же время главная промышленная отрасль Боливарианской Республики переживает вот уже последние несколько лет структурный кризис, чтобы поддерживать ранее существовавший уровень добычи углеводородов. Операционная мощность *Petróleos de Venezuela* (PDVSA) – нефтегазового монополиста страны, сильно пострадала от затяжного экономического кризиса, который страна переживает с 2014 года. Санкции США значительно ограничили финансирование инициатив компании, приведя к проблемам с ликвидностью. Состояние нефтяной промышленности Венесуэлы, на которую приходится 90% экспортной выручки страны, связано с отсутствием инвестиций в инфраструктуру и сложностями менеджмента. Кроме того, было отмечено снижение ежедневной добычи сырой нефти в течение последнего десятилетия. Этот признак является типичным при отсутствии финансовых вливаний в сектор, что привело к снижению производительности PDVSA.

По мнению отечественного экономиста В.Л. Семенова, правительство изымало денежные средства, заложенные на разведку и разработку перспективных месторождений, направляя их на реализацию различных социальных программ. Неадекватный менеджмент в PDVSA также осложнялся нехваткой квалифицированных рабочих, которых пытались заменить военными, не обладающими соответствующими навыками². Ситуация в секторе значительно ухудшилась после серии коррупционных скандалов и ареста топ-менеджеров PDVSA, что затруднило процесс принятия решений на предприятии, из-за это-

¹ Семенов, В. Л. (2018). Как посеешь. Нефть и капитал, (9), 40-46.

² *El Economista* (2018, March). La crisis en Venezuela 'destruye' su tesoro nacional: la producción de petróleo caerá a niveles de 1940. <https://clck.ru/3FrRuB>

го для налаживания управления национальным нефтяным монополистом венесуэльские власти поставили кадрового офицера М. Кеведо (2017-2020).

Очередным вызовом, с которым в описываемый период пришлось столкнуться главной отрасли Боливарианской Республики, стал запрет на импорт легких сортов североамериканской нефти, которые необходимы для разбавления тяжелой венесуэльской. Это осложнило работу не только местных НПЗ, но и нефтяного сектора в целом, испытывавшего острое недофинансирование, прежде всего в разработку месторождений и обновление соответствующей инфраструктуры. Острый кризис в основном экспортном секторе подкрепляется снижающимися показателями производства сырой нефти. Проявления экономической и политической нестабильности стали негативно сказываться на продуктивности главной экспортной отрасли страны. При президенте У. Чавесе (1999-2013), согласно отчетам Международного энергетического агентства (МЭА), показатели ежедневной добычи находились на отметке свыше 3,5 млн б/день¹. Однако спустя несколько лет с момента его смерти PDVSA уже не могла выдерживать квоты производства, установленные ОПЕК. Дополнительные проблемы стали приносить веерные отключения электроэнергии: в марте 2019 года от них страдало население 21 из 23 штатов страны, включая столичный регион Каракаса. Статистика ОПЕК демонстрировала снижение производства с 732 тыс. б/д в марте 2019 года до 687 тыс. б/д в ноябре того же года². Меньшие объемы добычи в нефтяном картеле демонстрировало лишь еще одно государство Латинской Америки – Эквадор (вышедший из организации в январе 2020 года) с 530 тыс. б/день.

Необходимость корректировки операционной деятельности на фоне сложившейся ситуации демонстрировали и некоторые из крупнейших поставщиков нефтесервисных услуг (например, Schlumberger и Halliburton). Так, последняя весной 2018 года на фоне обвала боливара, политической турбулентности и санкционных мер со стороны Вашингтона, запрещающих американским компаниям иметь дело с новыми долговыми обязательствами PDVSA, сообщила о выводе части своих активов из Боливарианской Республики. Тем не менее, представительство компании продолжило свое присутствие в стране³.

Китайские власти активно финансировавшие проекты с PDVSA планировали подготовку к постепенному выводу своих активов из страны. Для этого был отозван многочисленный инженерный и рабочий персонал: начиная с

¹ El Nacional (2017, May). El petróleo en Venezuela, un sector en crisis profunda sin visos de mejora. <http://www.el-nacional.com/noticias/petroleo/petroleo-venezuela-sector-crisis->

² OPEC (2019, November). Monthly Oil Market Report. Vienna.

³ Krauss, C. (2018, April). Halliburton y el colapso de la industria petrolera en Venezuela. The New York Times. <https://www.nytimes.com/es/2018/04/27/halliburton-pdvsa-venezuela/>

2014 г. Венесуэлу покинули более 30 тыс. китайских специалистов. Иностранные компании-интересанты (испанская Repsol, американская Chevron, итальянская ENI, индийская ONGC, китайская CNPC и др.) продолжили свою операционную деятельность, особенно в поясе Ориноко, богатым запасами тяжелой нефти. Тем не менее у зарубежных участников могут возникать проблемы в виде вопросов безопасности персонала или же из-за его правового статуса¹. Российская НК «Роснефть» в марте 2020 г. заявила о полном прекращении своей деятельности в Венесуэле и выходе из всех проектов в стране, включая добычные и нефтесервисные предприятия (ее место заняла «Росзарубежнефть» со 100%-м государственным участием)².

Столкнувшись с финансовыми ограничениями со стороны американской администрации PDVSA, лишилась возможности рефинансировать старые долговые обязательства, а также получать новые займы на рынке США. Это обстоятельство привело к затруднениям в торговых операциях с венесуэльской нефтью и обслуживанию внешней кредитной линии Каракаса, так как международные банки стали осторожней относиться к подобным проектам. Citgo Petroleum – «дочка» PDVSA в условиях имеющихся рестрикций продолжает работать на территории Соединенных Штатов. Тем не менее, по требованию Вашингтона доходы от ее деятельности стали оставаться в американских банках, минуя счета венесуэльской материнской компании. Ввиду очередного ужесточения ограничений со стороны американских властей в марте 2019 г. правительство Венесуэлы решило перенести европейский офис PDVSA из Лиссабона в Москву. Официальное вступление в должность президента США Дж. Байдена в январе 2021 года оставляло пространство для оптимизма. В 2022 году PDVSA и американская Chevron договорились о продолжении эксплуатации месторождений. После заключения Барбадосских соглашений между Каракасом и частью оппозиции в октябре 2023 года в отношении венесуэльского нефтепрома последовало частичное смягчение санкций со стороны Вашингтона. Это несколько стабилизировало уровень добычи нефти в стране (на декабрь 2023 г. он составил – 786 тыс. б/д). Однако это не позволило основной экспортной отрасли этого латиноамериканского государства выйти на прогнозируемые показатели в 1 млн баррелей.

Опыт КНР, который Купер Рамо окрестил «Пекинским консенсусом» для стран «Глобального Юга», куда мы можем отнести Латинскую Америку, оказался как нельзя кстати. Ранее имевшиеся в арсенале государств инструменты не

¹ La producción petrolera de Venezuela, en el peor nivel de 3 décadas. (2018, September). Expansion. <https://expansion.mx/economia/2018/09/12/la-produccion-petrolera-de-venezuela-en-el-peor-nivel-de-3-decadas>

² «Роснефть» прекратила деятельность в Венесуэле. (2020, Май). ТАСС <https://tass.ru/ekonomika/8479609>

позволяли справляться с постоянно обновляющимися вызовами. Идея о том, что для возникновения инновационных начинаний не должно быть единого центра, а они могут появиться в любом уголке планеты, неоднократно подчеркивалась самим автором термина¹. Вместе с тем важной составляющей остается творческая адаптация китайской модели развития при учете уникальности условий каждого отдельно взятого государства². Одним из основных принципов «Пекинского консенсуса» стало стремление к сохранению государствами национально-го суверенитета, которое дополнялось запросом на многополярность, ввиду чего «вашингтонский» подход не мог быть доминирующим.

По мнению отечественного политолога А.Н. Пятакова, происходящие с участием Пекина и его проекта «Нового шелкового пути» в латиноамериканском регионе события представляются «симптомами грядущей смены эпох». Де-факто они указывают на амбиции азиатского гиганта (Пятаков, 2018). Очередные глобальные экономические потрясения, начавшиеся во второй декаде XXI века, поставили перед властями КНР задачу по превращению страны из «мировой фабрики» в технологического лидера (Борейко et al., 2022). Поэтому фокус Пекина на инновационную инфраструктуру (с 2020 года) и включение в ее орбиту через инициативу «Пояс-путь» периферийных стран представляются логичным шагом в реализации поставленных задач. Для этого китайские власти готовы субсидировать своих технологических и цифровых гигантов (например, Huawei и др.), на что, в частности, указывают отечественные исследователи.

Как отмечают в своей работе А.В. Борейко, А.А. Вернигора и С.В. Кислицын, через систему конкретных стандартов «Один пояс – один путь» (ОПОП) – глобальное начинание Китая трансформировалось в весомый рычаг влияния (Борейко et al., 2022, с. 62). Стартовавший в 2014 году и связавший сухопутный трек «Пояса и пути» и «Морской Шелковый путь XXI века» в начале третьей декады XXI века, этот проект объединяет 152 страны. Участие в нем отрывает перед интересантами возможности не только для экспорта своей продукции на крупнейший рынок, но и потенциальное внедрение передовых цифровых технологий вместе с привлечением инвестиций. В то же время при выстраивании отношений с латиноамериканскими партнерами Пекин придерживается тезиса об «Одном Китае», из-за чего количество латиноамериканских стран, сохраняющих связи с Тайванем, в последние годы заметно сократилось. Среди региональных участников отно-

¹ Волхонский, Б. (2010, Март). Пекинский консенсус как согласие наций (интервью с Джошуа Купером Рамо). Русский журнал (49), 12-13. http://www.intelros.ru/pdf/Rus_Jornal/49/10.pdf

² Komisar, L. (2011, June). Interview with Joseph Stiglitz. The Progressive. <https://clck.ru/3FrRxx>

шения с Тайбэем поддерживают Белиз, Гаити, Гватемала, Гондурас, Парагвай, Сент-Китс и Невис, Сент-Люсия, Сент-Винсент и Гренада.

Действия китайских участников главным образом сконцентрированы в торгово-экономической сфере. По мнению российской исследовательницы Е.И. Сафроновой, Пекин стремится выстраивать долгосрочные отношения со странами Латинской Америки по линии кооперации «Юг-Юг», всячески стараясь дистанцироваться от статуса «гегемона» в данной системе координат (Сафронова, 2022). В то же время одним из приоритетных направлений «Пекинского консенсуса» стало расширение ресурсных и инфраструктурных мегапроектов. Хотя нельзя отрицать факт того, что выгодоприобретателями от огромного спроса на латиноамериканские товары на азиатских рынках стали именно национальные элиты Венесуэлы, Эквадора, Перу, Аргентины и др., что позволяло им претворять в жизнь свои планы развития.

Пик инвестиционной активности Пекина в Латинскую Америку через собственные кредитно-финансовые институты, который наблюдался в последнюю декаду, способствовал знакомству китайских компаний с особенностями ведения бизнеса в регионе. В настоящий момент отмечается их большая самостоятельность в реализации отдельных проектов, а вмешательство в этот процесс финансовых учреждений КНР постепенно снижается, позволяя участникам напрямую инвестировать в интересующие их направления. Эту точку зрения, в частности, транслируют научный сотрудник Бостонского университета Р. Рэй и координатор Центра китайско-мексиканских исследований при УНАМ Э. Дюссель Петерс¹.

Сближение с регионом через кредитование инфраструктурных объектов, которые часто проектируются самими странами и вводятся в эксплуатацию совместно с местными компаниями, позволило Китаю разработать алгоритм касательно нормативных вопросов, процедур найма местной рабочей силы и др. особенностей ведения дел с локальным бизнесом. С другой стороны, две декады сотрудничества позволили латиноамериканским чиновникам и местным участникам самим получить представления от опыта работы с представителями КНР.

«Ложкой дегтя» в реалиях региона стало практическое взаимодействие в рамках экономики природной ренты. Это позволило некоторым отечественным, а также латиноамериканским экономистам утверждать, что торговые отношения китайской стороны со странами Латино-Карибской Америки (ЛКА) приобрели «центр-периферийные» черты, что в ряде случаев повышает экологические

¹ Lewkowicz, J. (2024, July). ¿Cómo está cambiando la inversión china en América Latina? Dialogue Earth. <https://dialogue.earth/es/negocios/como-esta-cambiando-la-inversion-china-en-america-latina/>

риски в отдельно взятых локациях региона (Лавут, 2019; Slipak, 2014; Svampa&Slipak, 2015). Вызовом для социальной стабильности региона в зонах строительства и эксплуатации крупных инфраструктурных инициатив стала протестная активность местных сообществ, чьи территории оказались затронуты подобной деятельностью. Ярким примером является проект золотомедного рудника El Mirador стоимостью в 1 млрд. долл. в эквадорской провинции Самора-Чинчипе. Месторождение, чьи запасы руды оцениваются в 3,2 млн тонн управлялось компанией Ecuacorriente – «дочкой» китайского консорциума Tongling Nonferrous Metals Group и China Railway Construction Corp. Ожидалось, что ежегодная отдача при полной загруженности предприятия составит 100 тыс. тонн меди в концентрате, однако компания-оператор вынуждена была приостановить свою работу на руднике из-за социальных протестов в первую очередь с необходимостью обеспечить безопасность сотрудников¹.

Одним из амбициозных инфраструктурных проектов Пекина в Эквадоре стоимостью 2,7 млрд долл. стало сооружение ГЭС Coca Codo Sinclair, крупнейшей в стране. Местные инженеры проводили изыскания по поводу строительства плотины на р. Напо еще в 1970-е годы. Однако завышенная стоимость и близкое расположение действующего вулкана стали теми аргументами, из-за которых было решено отложить реализацию проекта. В 2010 году по договоренности Кито и Пекина начались строительные работы, которыми руководила китайская Sinohydro. По завершении сооружения ГЭС ее мощность должна была составить около 1,5 ГВт, покрыв, тем самым, более половины потребности андского государства. Однако с момента ввода станции в эксплуатацию в 2016 году местные специалисты обнаружили свыше 17 тыс. трещин, которые неоднократно пытались заделать своими силами. Причиной, по мнению эквадорской стороны, являются бракованные детали, поставленные из Китая. В итоге в 2021 году Кито подала судебный иск на Sinohydro, тем не менее, разбирательство всё ещё продолжается².

Приведенные выше примеры являются не единственными проявлениями протестной активности местного населения. В этой связи отдельно следует рассматривать проекты по добыче лития в «литиевом треугольнике» (Аргентина, Боливия, Чили). Так как этот ресурс является важнейшим компонентом для создания аккумуляторов, применяемых в электромобилях и др. технике, то китайское правительство выделяет его в качестве стратегически важного, оказывая всяческую поддержку соответствующим проектам (Koleski & Blivas,

¹ Alvarado, A. (2022, April). Ecuador: proyecto minero Mirador genera nuevas amenazas de desalojo en Tundayme. Mongabay. <https://es.mongabay.com/2022/04/ecuador-proyecto-minero-mirador-genera-amenazas-de-desalojo/>

² WSJ сообщила о трещинах на открытой Си Цзиньпином ГЭС в Эквадоре. (2023, Январь). РБК <https://www.rbc.ru/politics/22/01/2023/63cc9cb69a794783cb4f232e>

2018, р. 14). Здесь также свою роль сыграли устойчивый спрос на сырье на рынках (по состоянию на 11.11.2024 года цена за тонну карбоната лития составила 80 тыс. юаней, ок. 11 тыс. долл.), а также то, что на долю КНР приходится более половины мирового производства литий-ионных аккумуляторов. Это заставило Пекин активнее участвовать в проектах по добыче минерала совместно с региональными участниками (например, с чилийской *Sociedad Química y Minera, SQM*). В Аргентине также было реализовано несколько сделок по слияниям и поглощениям в литиевой сфере. В 2022 г. китайская горнодобывающая компания *Ganfeng Lithium* приобрела аргентинскую *Lithea* для разработки проекта Посуэлос-Пастос-Грандес за 962 млн долларов. Ранее сделку по приобретению канадской *Neo Lithium* и эксплуатации месторождения Трес-Кебрадас на сумму 737 млн долл закрыла *Zijin Mining Group*¹. В Боливии в 2023 г. китайский консорциум CBC (в его составе компании *CATL*, *BRUNP* и *CMOC*) заключил с национальной *Yacimientos de Litio Bolivianos (YLB)* рамочное соглашение по строительству комплексов с использованием в производстве технологии прямого извлечения лития (EDL) на солончаках Уюни и Койпаса. В то же время подобная активность по добыче минерала может стать очередным конфликтогенным фактором для местного населения, так как для его производства (традиционным способом) требуется большое количество водных ресурсов, из-за чего фермеры испытывают сложности в возделывании своих земель. В свою очередь, это способно отразиться на продовольственной безопасности и уязвимости данных районов.

Вопросы политической стабильности государств Латинской Америки в контексте имеющихся социальных и экономических противоречий стимулировали региональные администрации искать альтернативные модели, с чьей помощью можно было бы избежать негативных последствий неолиберальных реформ. Подобные инструменты должны отвечать главному критерию – учитывать особенности местного «периферийного капитализма». Обращение к опыту китайской экономической модели стало тем возможным вариантом, который устраивал латиноамериканский политический и экономический истеблишмент. Прежде всего, потому что «Пекинский консенсус» акцентировал внимание на значении роли государства в экспорт-ориентированной модели развития ключевых участников в регионе. В начале XXI века это обстоятельство особенно ярко проявилось в стремлении многих стран Латинской Америки увеличить сверхприбыли от эксплуатации природной ренты, что, в частности, стало заметно в контексте «левого поворота». С одной стороны, это привело к тому, что

¹ Lewkowicz, J. (2024, July). ¿Cómo está cambiando la inversión china en América Latina? *Dialogue Earth*. <https://dialogue.earth/es/negocios/como-esta-cambiando-la-inversion-china-en-america-latina/>

роль государства стала более значимой. Однако обратной стороной этой «медали» стало усиление зависимости латиноамериканских экономик от мировых цен на ресурсные товары (особенно на азиатских рынках). Это представляется нам практическим проявлением «центр-периферийной» модели и несет ощутимые последствия для региона в целом. Некоторые из секторов, куда инвестирует Китай, такие как энергетика, горнодобывающая промышленность и литий, оказывают значительное воздействие на окружающую среду. Несмотря на большой опыт китайских компаний в ведении переговоров с заинтересованными группами, большее количество инициатив в этой области может генерировать потенциальные риски социально-экологических конфликтов.

Латинская Америка и Карибский бассейн нуждаются в огромных инвестициях в инфраструктуру, которые позволят сделать шаги вперед на пути энергетического перехода, как долгосрочного проекта промышленной, территориальной и социальной адаптации. Однако на этом пути есть риск попасть в зависимость, если регион не сможет развить свою собственную конкурентоспособность, для чего необходимо выдвижение инициатив в области образования и создания соответствующих рабочих мест. В то же время возможность оценить степень воздействия «Пекинского консенсуса» на латиноамериканских участников потребует от исследователей дальнейших изысканий в среднесрочной перспективе.

Литература

- Gudynas, E. (2014). *Derechos de la Naturaleza. Ética biocéntrica y políticas ambientales.*, 225.
- Escude, C. (2012). *Principios de realismo periférico: vigencia de una teoría argentina ante el ascenso de China*, 170.
- Lengruber, V. (2021). Dependency Theory: developments and contributions to international relations. *Cuadernos Iberoamericanos*. 9 (1), 32-49. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2021-9-1-32-49>.
- Koleski, K. & Blivas, A. (2018, October). China's Engagement with Latin America and the Caribbean. U.S. *China Economic and Security Review Commission*, 65.
- Li, Xi, Brødsgaard, K.E. & Jacobsen, M. (2009). Redefining Beijing Consensus: Ten general principles. *Copenhagen Discussion Papers*, 29, 33.
- Slipak, A. (2014). Un análisis del ascenso de China y sus vínculos con América Latina a la luz de la Teoría de la Dependencia. *Realidad Económica*. <https://ri.conicet.gov.ar/handle/11336/92415>
- Svampa, M. & Slipak, A. (2015). La Chine en Amérique latine, du consensus des matières premières au consensus de Beijing. *Problemes d'Amérique Latine*, (98), 97-125.
- Svampa, M. (2019). *Neo-extractivism in Latin America: Socio-environmental conflicts, the territorial turn, and new political narratives*. Cambridge University Press, 73. <https://doi.org/10.1017/9781108752589>
- Stiglitz, J. (2008). Is there a Post-Washington Consensus Consensus? *The Washington Consensus Reconsidered*, 41-56. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199534081.003.0004>
- Ананьин, О. И., Хаиткулов, Р. Г., Шестаков, Д. Е. (2010). Вашингтонский консенсус: пейзаж после битв. *Мировая экономика и международные отношения*, (12), 15-27.

Борейко, А. В., Вернигора А. А., Кислицын С. В. (2022). Инфраструктурная конкуренция США и КНР в развивающихся странах. *Общественные науки и современность*, (5), 60–75. <https://doi.org/10.31857/S0869049922050021>.

Борзова, А. Ю. (2009). Особенности отношений КНР со странами Латинской Америки. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Всеобщая история»*, (4), 27–41.

Дабагян, Э. С. (2016). Поднебесная на просторах Латинской Америки. *Свободная мысль*, (4), 151–164.

Еремин А. А. (2021). Периферийный реализм Карлоса Эскуде. *Иberoамериканские тетради*, 9(1), 50–61. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2021-9-1-50-61>

Лавут, А. А. (2019). Влияние китайской экономической экспансии на среду обитания стран Латинской Америки и Карибского бассейна. *Латинская Америка*. (6), 5–17. <https://doi.org/10.31857/S0044748X0005096-4>.

Лебедева, М. М. (2017). Незападные теории международных отношений: миф или реальность. *Вестник РУДН. Серия «Международные отношения»*, 17, (2), 246–256.

Петрунина, Ж. В., Шушарина, Г. А. (2024). Космическая программа Китая и ее реализация в странах Латинской Америки. *Вестник Томского государственного университета. История*, (91), 103–109. <https://doi.org/10.17223/19988613/91/12>

Пятаков, А. Н. (2018). Латиноамериканские подходы к глобализации: взгляд сквозь XXI век. *Мировая экономика и международные отношения*, (1), 86–94. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-1-85-93>

Пятаков, А. Н. (2018). Китай и Боливарианский сектор Латинской Америки. *Свободная мысль*, (4), 113–130. <http://svom.info/entry/846-kitaj-i-bolivarianskiy-segment-latinskoj-ameriki/>

Розенталь, Д. М. (2016). Дракон над Каракасом. Китайско-венесуэльские отношения в XXI веке. *Латинская Америка*, (3), 39–50.

Сафронова, Е. И. (2022). Значение Латинской Америки для международных позиций Китая. Китай в мировой и региональной политике. *История и современность*, (27), 210–224.

Цыганков, П. А. (2013). Системный подход в теории международных отношений. *Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки*, (5), 3–25.

References

Anan'in, O. I., Khaitkulov, R. G. & Shestakov, D. E. (2010). Vashingtonskii konsensus: peizazh posle bitv [The Washington Consensus: The Landscape after the Battles]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. (12), 15–27. (In Russ.)

Boreiko, A. V., Vernigora, A. A. & Kisilitsyn, S. V. (2022). Infrastrukturnaya konkurentsia SShA i KNR v razvivayushchikhsya stranakh [Infrastructure competition between the United States and China in developing countries] *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. (5), 60–75. <https://doi.org/10.31857/S0869049922050021>. (In Russ.)

Borzova, A. Yu. (2009). Osobennosti otnoshenii KNR so stranami Latinskoj Ameriki [Features of China's relations with Latin American countries]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya «Vseobshchaya istoriya»*. (4), 27–41. (In Russ.)

Dabagyan, E. S. (2016). Podnebesnaya na prostorakh Latinskoj Ameriki [The Celestial Empire in the vastness of Latin America]. *Svobodnaya mysl'*. (4), 151–164. (In Russ.)

Eremine, A. A. (2021). Periferiinyi realizm Karlosa Eskude. [The Peripheral Realism of Carlos Escude]. *Iberoamerikanskije tetradi*. 9(1), 50–61. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2021-9-1-50-61>. (In Russ.)

Escude, C. (2012) *Principios de realismo periférico: vigencia de una teoría argentina ante el ascenso de China*. (In Spanish)

Gudynas, E. (2014). *Derechos de la Naturaleza. Ética biocéntrica y políticas ambientales*. CLAES. (In Spanish)

Koleski, K. & Blivas, A. (2018, October). *China's Engagement with Latin America and the Caribbean*. U.S.- China Economic and Security Review Commission, 65 p.

Lavut, A. A. (2019). Vliyanie kitaiskoj ekonomicheskoi ekspansii na sredu obitaniya stran Latinskoj Ameriki i Karibskogo basseina [The impact of Chinese economic expansion

on the habitat of Latin America and the Caribbean]. *Latinskaya Amerika*. (6), 5-17. DOI 10.31857/S0044748X0005096-4. (In Russ.)

Lebedeva, M. M. (2017). Nezapadnye teorii mezhdunarodnykh otnoshenii: mif ili real'nost' [Non-Western Theories of International Relations: Myth or Reality?]. *Vestnik RUDN. Seriya «Mezhdunarodnye otnosheniya»*. Vyp. 17. (2), 246-256. (In Russ.)

Lengruber, V. (2021). Dependency Theory: developments and contributions to international relations. *Cuadernos Iberoamericanos*. 9 (1), 32-49. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2021-9-1-32-49>. (In English)

Li, Xi, Brødsgaard, K.E. & Jacobsen, M. (2009) Redefining Beijing Consensus: Ten general principles. *Copenhagen Discussion Papers*. (29), 33 p. (In English)

Petrunina, Zh. V., Shusharina, G. A. (2024). Kosmicheskaya programma Kitaja i ee realizatsiya v stranah Latinskoj Ameriki [Development of China's space program and its implementation in the Latin American countries.] *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. (91), 103–109. doi: 10.17223/19988613/91/12 (In Russ.)

Pyatakov, A. N. (2018) Kitai i Bolivianskii sektor Latinskoj Ameriki [China and the Bolivarian sector of Latin America]. *Svobodnaya mysl'*. (4), 113-130. <http://svom.info/entry/846-kitaj-i-bolivianskij-segment-latinskoj-ameriki/> (In Russ.)

Pyatakov, A. N. (2018). Latinoamerikanskii podkhody k globalizatsii: vzglyad skvoz' XXI vek [Latin American Approaches to Globalization: a Look through the 'XXI Century']. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. (1), 86-94. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-1-85-93> (In Russ.)

Rozental', D. M. (2016). Drakon nad Karakasom. Kitaiko-venesuel'skie otnosheniya v XXI veke. [The dragon over Caracas. Sino-Venezuelan relations in the 21st century]. *Latinskaya Amerika*, (3), 39-50. (In Russ.)

Safronova, E. I. (2022). Znachenie Latinskoj Ameriki dlya mezhdunarodnykh pozitsii Kitaya [The importance of Latin America for China's international position]. Kitai v mirovoi i regional'noi politike. *Istoriya i sovremennost'*. (27), 210-224. (In Russ.)

Slipak, A. (2014). *Un análisis del ascenso de China y sus vínculos con América Latina a la luz de la Teoría de la Dependencia*. Realidad Económica. <https://ri.conicet.gov.ar/handle/11336/92415> (In Spanish)

Stiglitz, J. (2008). *Is there a Post-Washington Consensus Consensus?* The Washington Consensus Reconsidered, 41-56. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199534081.003.0004> (In English)

Svampa, M. (2019). *Neo-extractivism in Latin America: Socio-environmental conflicts, the territorial turn, and new political narratives*. <https://doi.org/10.1017/9781108752589> (In English)

Svampa, M. & Slipak, A. (2015). La Chine en Amérique latine, du consensus des matières premières au consensus de Beijing. *Problemes d'Amérique Latine*, (98), 97-125. (In French)

Tsygankov, P. A. (2013). Sistemnyi podkhod v teorii mezhdunarodnykh otnoshenii [A systematic approach in the theory of international relations]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12. Politicheskie nauki*. (5), 3-25. (In Russ.).

Для цитирования: Шинкаренко, А. А. В объятиях зависимости? Латиноамериканские перипетии «пекинского консенсуса» / А. А. Шинкаренко // PolitBook. – 2025. – № 1. – С. 78-97. – DOI 10.24412/2227-1538-2025-1-78-97

Т.З. Мансуров

T. Mansurov

**ПОЛИТИЧЕСКОЕ
УРЕГУЛИРОВАНИЕ
АРМЯНО-
АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО
КОНФЛИКТА:
ВОЗМОЖНОСТИ
И ПЕРСПЕКТИВЫ**

**POLITICAL SETTLEMENT
OF THE ARMENIAN-
AZERBAIJANI CONFLICT:
POSSIBILITIES AND
PROSPECTS**

Аннотация

Целью исследования является выявление особенностей, форматов переговоров и направлений политического урегулирования армяно-азербайджанского конфликта. Рассматривается роль внутригосударственных, межгосударственных и региональных институтов по урегулированию противоборства и заключению мирного договора между странами. Использование в статье в качестве методологии исследования симбиоза системного методологического и неоинституционального подходов способствовало выявлению того, что в изменившихся геополитических условиях, прекращения существования Нагорно-Карабахской республики и интеграции региона в состав Азербайджана, произошла существенная трансформация конфликта, а на повестку дня вышел вопрос его окончательного политического урегулирования. Анализ причин современного противостояния, отношений между Арменией и Азербайджаном, участие в конфликте внерегиональных акторов позволяет сделать вывод о том, что его урегулирование не представляется возможным в прежних форматах и диалоговых площадках. Переговоры по армяно-азербайджанскому урегулированию проходят в рамках двух конкурирующих треков: постсоветскому (российскому) и западному (европейскому).

В работе анализируются направления и возможности послевоенного решения конфликта, которые в общем виде можно представить в виде трех групп вопросов: делимитация и демаркация границ, открытие транспортных коммуникаций между странами, включая вопрос статуса Зангезурского коридора, проблема реинтегра-

Abstract

The aim of the study is to identify the features, formats of negotiations and directions of political settlement of the Armenian-Azerbaijani conflict. The role of intrastate, interstate and regional institutions in resolving the confrontation and concluding a peace treaty between the countries is considered. The use of a symbiosis of systemic methodological and neo-institutional approaches as a research methodology in the article contributed to the identification of the fact that in the changed geopolitical conditions, the cessation of the existence of the Nagorno-Karabakh Republic and the integration of the region into Azerbaijan, a significant transformation of the conflict occurred, and the issue of its final political settlement came to the agenda. An analysis of the causes of the current confrontation, relations between Armenia and Azerbaijan, the participation of extra-regional actors in the conflict allows us to conclude that its settlement is not possible in the previous formats and dialogue platforms. Negotiations on the Armenian-Azerbaijani settlement are taking place within the framework of two competing tracks: post-Soviet (Russian) and Western (European).

The paper analyzes the directions and possibilities of a post-war resolution of the conflict, which can generally be presented in the form of three groups of issues: delimitation and demarcation of borders, opening of transport communications between the countries, including the issue of the status of the Zangezur corridor, and the problem of reintegration of

ции армян Нагорного Карабаха. В исследовании показаны возможные сценарии дальнейшего развития конфликта. Автор статьи приходит к выводу, что отсутствию решения конфликта способствуют различные вопросы самого процесса урегулирования противоборства, которые тесно взаимосвязаны. Между тем, итоговое соглашение, скорее всего, будет заключено в рамках двустороннего или четырехстороннего формата (с участием России и Турции), а политический компонент (подписание под эгидой европейских стран или России) не будет иметь особого значения.

the Armenians of Nagorno-Karabakh. The study shows possible scenarios for the further development of the conflict. The author of the article comes to the conclusion that the absence of a solution to the conflict is facilitated by various issues of the conflict resolution process itself, which are closely interconnected. Meanwhile, the final agreement will most likely be concluded within the framework of a bilateral or quadrilateral format (with the participation of Russia and Turkey), and the political component (signing under the auspices of European countries or Russia) will not be of particular importance.

Ключевые слова:

армяно-азербайджанский конфликт, геополитические изменения, трансформация конфликта, форматы переговоров, направления урегулирования конфликта, сценарии развития.

Key words:

Armenian-Azerbaijani conflict, geopolitical changes, conflict transformation, negotiation formats, conflict settlement directions.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2025-1-98-128>

Актуальность изучения специфики и возможностей урегулирования армяно-азербайджанского конфликта обусловлена тем, что понимание его структуры и динамики поможет выработать эффективные механизмы и технологии решения и нивелировать те негативные последствия, которые он оказывает на государство и общество двух стран. Подписание мирного договора будет способствовать разрешению конфликта, длящегося более трех десятков лет, сближению армянского и азербайджанского обществ в различных сферах, разделенных долгие годы вооруженными противоборствами, их последствиями, ненавистью и враждой, а также серьезному умиротворению ситуации в южнокавказском регионе. Мирное урегулирование конфликта сделает Южный Кавказ намного более стабильным и безопасным, приведет к установлению политико-дипломатических, транспортно-логистических и экономических связей в регионе и за его пределами. Исследовательская проблема, которой посвящена данная статья, заключается, во-первых, в анализе специфики армяно-азербайджанского конфликта на современном этапе; во-вторых, в изучении возможностей и перспектив урегулирования по различным вопросам противоборства, составляющим его содержание.

Особенности протекания армяно-азербайджанского конфликта исследовались российскими и зарубежными учеными в таких аспектах, как причины и динамика конфликта (Ланцов, 2022; Broers, 2019), влияние внутренних и внешних факторов на развитие конфликта в регионе (Маркедонов,

2023; Саркисян, Дунамалян, 2020; Ergun, 2022; Айар, Арслан, 2023), процесс урегулирования противоборства и форматы переговоров сторон (Маркедонов, 2022; Iskandaryan, 2020; Маркедонов, 2021), роль России и западных стран в его решении (Колсто, Блаккисруд, 2022; Yavuz & Gunter, 2022; Petrowski, 2022), возможности урегулирования по различным направлениям, составляющим основу конфликта (Sumbal, 2021, 206 p.). Новизна настоящего исследования заключается в рассмотрении армяно-азербайджанского конфликта после его существенной трансформации, протекания на современном этапе и перспектив урегулирования.

В рамках анализа специфики процесса политического урегулирования конфликта применялась следующая методология. Во-первых, системный методологический подход, предполагающий рассмотрение какого-либо социального или политического процесса по так называемому интегративному принципу, согласно которому он представляет собой совокупность взаимосвязанных мероприятий, порождающих отношения или системные связи, раскрывающиеся через понятия взаимодействия, взаимодополнительности и взаимопроникновения (Parsons, 2005; Easton, 1953; Almond & Verba, 1963). Данный подход позволил проанализировать, с одной стороны, специфику нового статус-кво в регионе, политических процессов, которые сложились под воздействием внутренних и внешних факторов после «Второй Карабахской войны» и вплоть до сегодняшнего дня, их влияние друг на друга, на диалоговые площадки по урегулированию конфликта и их качественное изменение, на позиции Армении и Азербайджана и их усилий по решению армяно-азербайджанского противоборства. С другой стороны, показано влияние содержания переговоров (вопросы делимитации и демаркации границ, открытие транспортных коммуникаций в регионе, проблема интеграции армян Карабаха в азербайджанское общество), сторон конфликта и посредников (России, Турции, ЕС, США) на политические и экономические процессы в регионе и их трансформацию.

Применение этой методологии способствовало также объяснению поведения различных акторов межгосударственного конфликта посредством понимания ими путей его решения как системного явления (предлагаемые планы, программы, проекты как по отдельным проблемам урегулирования противоборства, так и в целом). В статье раскрывается структура российской и зарубежной диалоговых площадок (место и время проведения, участники, принятые решения), в том числе в контексте их влияния друг на друга и взаимодополнительности.

Во-вторых, применение неинституционального подхода содействовало изучению политических институтов, задействованных в конфликте, во взаи-

мосвязи формальных норм и неформальных установок («правил игры») (Hall & Taylor, 1996), деятельность которых позволила выявить и оценить явные и скрытые мотивы участия государств, позитивно или негативно отражающихся на процессе политического урегулирования противоборства. При этом институты рассматриваются как зависимые переменные (Piters, 1996, p. 205-222), взаимодействующие с другими общественными явлениями, в частности, с социальными, историческими, культурными, этническими, экономическими традициями и обычаями проживающего в двух южнокавказских республиках населения. Последние играют очень значимую роль в восстановлении отношений между двумя народами, этнокультурными группами, одновременно являясь важным стимулом в продвижении политического процесса.

Неоинституционализм позволил проанализировать поведение и действия лидеров Армении и Азербайджана Н. Пашиняна и И. Алиева в принятии политических решений. Так, рассматривался фактор страны-победителя во «Второй Карабахской войне» и влияние общественного мнения азербайджанского общества на решения президента и возможности компромисса по отмеченным выше направлениям урегулирования политического конфликта. В Армении важным условием заключения мирного договора является решение проблемы «миацума» и ее воздействия на развитие национально-государственной идентичности. В этом контексте автором статьи проводилась оценка роли кризисных процессов, появившихся в этой сфере, на достижение Н. Пашиняном договоренностей по вопросам реинтеграции армян Карабаха и продвижения в решении локальных этнотерриториальных конфликтов на границе двух стран. Применение данного методологического подхода позволило выявить роль неформальных ограничений (например, социокультурных ценностей) и формальных правил (государственных институтов) региональных и внерегиональных государств на процесс урегулирования конфликта в рамках различных форматов, проектов, в том числе на их конкретных этапах в контексте политических соглашений и договоров. Использование методологии помогло проанализировать воздействие этих правил на восприятие и поведение граждан Армении и Азербайджана результатов достигнутых договоренностей.

В-третьих, в статье представлены данные вторичных социологических исследований «В зоне турбулентности. Как живут и что думают граждане стран, переживших цветные революции» (In the turbulence zone, 2019) и «Потенциал гуманитарного сотрудничества России в регионе СНГ» (The potential of humanitarian cooperation, 2022), проведенных Международной некоммерческой ассоциацией исследовательских агентств «Евразийский мо-

нитор» в 2019 и 2022 гг. соответственно, занимающейся межстрановыми опросами населения государств Северной Евразии.

В первом исследовании применялась следующая методология: массовые выборочные опросы методом формализованного интервью, дискуссионные фокус-группы и фокусированные интервью экспертов. Объектом исследования явилось взрослое население в возрасте (от 18 лет и старше), критериями отбора которого стали социально-демографические и территориальные характеристики (пол, возраст, образование, тип населенного пункта, география местожительства). Объем выборочной совокупности в рамках массовых опросов составил от 1550 до 2000 человек, фокус-групп – от 4 до 6 по 8-10 человек в каждой и интервью экспертов – 10-12 респондентов. Исследование проводилось по каждой стране, пережившей «цветную революцию» (Армения, Грузия, Киргизия, Молдова, Украина) (*In the turbulence zone*, 2019). Во втором эмпирическом исследовании использовались только массовые выборочные опросы. Объект исследования и критерии отбора совпадают. Объем выборки в рамках массовых опросов представлен следующими цифрами: от 604 до 1246 (первая волна) и от 650 до 1250 (вторая волна). Интервью проводилось в странах-участниках СНГ и двух «частично признанных государств» (Азербайджан, Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Молдавия, Таджикистан, Узбекистан, Абхазия, Южная Осетия) (*The potential of humanitarian cooperation*, 2022).

Использование эмпирических данных помогло выявить особенности отношения граждан Армении к России как к военно-политическому и экономическому партнеру и союзнику, а также к организациям постсоветского пространства (ОДКБ, СНГ, ЕАЭС), другим странам, и провести сравнение данных, полученных до и после «второй» карабахской войны с целью определения инструментов и механизмов улучшения российско-армянских отношений в контексте урегулирования конфликта. Данные двух приведенных исследований позволили определить содержание конкретных направлений и в их рамках возможностей решения армяно-азербайджанского противоборства и построить сценарии его развития.

На сегодняшний день ситуация на армяно-азербайджанской границе остается, как минимум, нестабильной и неопределенной. Периодически происходящие столкновения вооруженных сил двух государств говорят о существующих сложностях политического, территориального, этнического, экономического и другого характера в их отношениях. Одни исследователи считают их последствиями окончательно нерешенного Нагорно-Карабахского конфликта, другие видят в них новый этап в отношениях двух стран. Вместе с тем решение вопроса статуса Нагорного Карабаха и территориальные из-

менения, произошедшие в регионе, позволяют говорить о трансформации конфликта, который на данный момент находится на этапе политического урегулирования. В связи с этим согласно существующей теории конфликта, и, проводя анализ его основных параметров, необходимо отметить, что последний правильнее называть армяно-азербайджанским.

Анализируя возможности политического урегулирования армяно-азербайджанского конфликта, в первую очередь представляется необходимым отметить те политические изменения, которые произошли в регионе Южного Кавказа и стали возможными после двух проведенных Азербайджаном военных операций («Вторая Карабахская война» 2020 год и «Контртеррористическая операция» 2023 год). Данные события привели к существенному изменению статус-кво, сложившегося в регионе в течение почти трех десятилетий и роли внешних государств. Конфликт между Арменией и Азербайджаном по вопросу политического статуса Нагорного Карабаха решился вооруженным путем, что привело к восстановлению территориальной целостности прикаспийской республики в границах, существовавших на момент распада СССР. Регион Южного Кавказа стал намного стабильнее и безопаснее. Появление каких-либо новых противоборств, сопровождаемых силовыми действиями, представляется маловероятным, а для их возникновения практически отсутствуют как материальные, так и политические ресурсы. В данном контексте можно согласиться с отечественным исследователем А. Петровым, который полагает, что «Основной умиротворяющий фактор состоит в том, что никто из региональных государств не заинтересован в новых войнах друг с другом»¹.

После подписания президентом Нагорно-Карабахской Республики С. Шахраманияном 28 сентября 2023 года. указа о прекращении существования республики, ее инфраструктура была полностью ликвидирована, и она перешла под юрисдикцию Азербайджана. Армяно-азербайджанский конфликт получил военное решение, а процесс политического урегулирования осложняется рядом проблем, которые возникли между двумя странами в результате трансформации противоборства и, по сути, «переместились» на границу государств, которая ранее проходила между двумя советскими республиками. В условиях отсутствия мирного договора безопасность между странами обеспечивается «Заявлением о прекращении огня в Нагорном Карабахе от 9 ноября 2020 года». Поддержанию мира также способствуют другие двусто-

¹ Петров, А. (2024, 1 февраля). Мир на Южном Кавказе: что ждет Россию в Азербайджане? Российский совет по международным делам. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mir-na-yuzhnom-kavkaze-chto-zhdet-rossiyu-v-azerbaydzhane/>

ронные и многосторонние договоры, принятие позже и затрагивающие отдельные вопросы урегулирования противоборства, а также позиции самих государств относительно бесперспективности какого-либо силового варианта решения. Безопасность границ Армении в связи со сворачиванием миротворческой миссии России на сегодняшний день продолжает обеспечивать пограничная служба ФСБ России, а также наблюдательная миссия ЕС в Армении, к которой у Азербайджана существует ряд претензий по содержанию ее деятельности.

К другим региональным процессам, которые сложились в результате интеграции Нагорного Карабаха в состав Азербайджана, можно отнести то, что произошедшие события были достаточно положительно восприняты региональными и внерегиональными странами и крупными государствами мира (более противоречивой явилась, пожалуй, позиция Франции, оказавшая всевозможную на тот момент поддержку Армении и Карабаху). Отсутствие жесткой политики со стороны западных стран на военное восстановление территориальной целостности Азербайджана объясняется их сотрудничеством в энергетической сфере и ролью Турции в этом процессе, являющейся к тому же еще членом НАТО. Россия в данном конфликте заняла позицию стратегического нейтралитета. Это объясняется двумя обстоятельствами. Во-первых, ухудшением российско-армянских отношений после прихода к власти в Армении Н. Пашиняна и влиянием ряда серьезных внешних факторов (украинский конфликт, углубляющийся кризис в российско-западных отношениях и др.). Во-вторых, решением долговременного конфликта и, как следствие, трансформацией ею отношений с южнокавказскими странами с перспективами развития транспортных и других коммуникаций и сохранением влияния в регионе.

Достаточно неоднозначными в плане развития межгосударственных отношений и урегулирования армяно-азербайджанского конфликта являются действия армянских властей. Несмотря на некоторую усталость армянского общества от угрозы возобновления военных действий в зоне конфликта, после вооруженного противоборства 2020 года становится все более очевидным, что возвратить утраченные территории не получится. Премьер-министр Н. Пашинян и представители политической элиты сегодня все чаще говорят о принадлежности Нагорного Карабаха Азербайджану, требуя признания Армении в границах АрмССР и соблюдения прав армян, проживающих на территории бывшей «непризнанной республики». Параллельно решение конфликта открывает Армении возможности выйти из политической и экономической изоляции в регионе, проводя многовекторную внешнюю политику.

Значимым итогом геополитических изменений после двух вооруженных конфликтов в зоне Нагорно-Карабахского противоборства стало снижение роли России в регионе, которая до «Второй карабахской войны» 2020 г. считалась ключевым и, по большому счету, единственным арбитром в переговорном процессе по решению армяно-азербайджанского конфликта, до одного из важных посредников, но при этом сохраняющего значительные механизмы воздействия на его стороны. Снижение влияния в немалой степени связано с вовлечением Турции как непостсоветской страны-члена НАТО, которая оказала помощь Азербайджану в дипломатическом, военнополитическом и материальном отношениях (Маркедонов, 2021; Iskandaryan, 2020). Вмешательство Турции изменило не только региональный баланс сил, но и сделало ее важным посредником в процессе урегулирования конфликта и заключения будущего мирного договора, с интересами которой теперь придется считаться как России, так и западным партнерам Армении. При этом из процесса переговоров практически исключается Минская группа ОБСЕ, которая показала серьезную недееспособность (Sumbal, 2021; Yavuz & Gunter, 2022). На сегодняшний день в урегулировании конфликта можно выделить два формата переговорного процесса: постсоветский (российский) и западный (европейский) с превалированием последнего. Встречи в рамках постсоветского формата проходят в таких городах как Москва, Сочи, Санкт-Петербург, Душанбе, а в рамках западного представлены диалоговыми площадками в Париже, Праге, Брюсселе и Вашингтоне. Параллельно проходят переговоры в двустороннем формате с привлечением межгосударственных комиссий Армении и Азербайджана, которые до военной кампании 2020 г. считались нереалистичными.

Рассматривая возможности решения армяно-азербайджанского конфликта, нельзя не отметить, что в сегодняшней повестке дня отношений двух стран весь спектр неурегулированных вопросов сводится к следующим трем направлениям: определение государственной границы (то есть ее демаркация и делимитация), развитие транспортных коммуникаций между странами и в регионе в целом, предполагающее установление дипломатических отношений и открытие границы, вопрос соблюдения и реализации прав армянского населения, оставшегося в Нагорном Карабахе. По каждому направлению в рамках российского и западного форматов переговоров идет серьезная конкуренция за нахождение наиболее эффективного решения конфликта. Сами конфликтующие стороны стремятся получить максимальные выгоды от переговоров, ожидая, дипломатические усилия каких стран станут наиболее успешными в плане предложения проекта итогового мирного договора. Однако, как показывает практика, несмотря на немалое коли-

чество прошедших раундов переговоров, существующие три группы проблем тесно переплетены и увязаны друг с другом, что не позволяет сторонам их быстро решить, а это, в свою очередь, «замораживает» конфликт и приводит к выдвиганию сторонами новых условий и невозможности достижению значимых компромиссов (Маркедонов, 2022, с. 126-128).

На сегодняшний день план мирного урегулирования представляет собой в общем виде предложения из пяти пунктов, предложенных Азербайджаном. Суть их состоит в следующем:

- «взаимное признание государствами суверенитета, территориальной целостности, неприкосновенности своих международных границ и политической независимости друг друга;
- взаимное подтверждение отсутствия территориальных претензий государств друг к другу и принятие юридического обязательства о том, что такой иск не будет предъявлен в будущем;
- воздерживаться от угрозы безопасности друг друга в межгосударственных отношениях, использования угроз и силы против политической независимости и территориальной целостности, а также других обстоятельств, не соответствующих целям Устава ООН;
- делимитация и демаркация государственной границы, установление дипломатических отношений;
- открытие транспорта и коммуникаций, строительство других соответствующих коммуникаций и налаживание сотрудничества в других областях, представляющих взаимный интерес»¹.

Приведенные принципы после их опубликования вызвали оживленную дискуссию не только в Азербайджане, но и в Армении, а также в других странах, заинтересованных в решении долговременного конфликта. Предлагаемые впоследствии армянской стороной и посредниками проекты мирного договора в основном содержали эти идеи с их некоторой конкретизацией и включением дополнительных пунктов. Вместе с тем принципы представляют собой лишь правила, которым следуют при осуществлении той или иной деятельности. Поэтому не вызывает удивления, что при их обсуждении и попытках реализации стороны столкнулись с противоречиями, которые пока не удастся решить. Так, например, зафиксировать в мирном договоре отсутствие территориальных претензий друг к другу представляется невозможным без завершения процесса делимитации, а последнее не позволит открыть государственную границу Армении с Азербайджаном и Турцией и

¹ Азербайджан опубликовал пять принципов мирного договора с Арменией. (2022). Вестник Кавказа. <https://vestikavkaza.ru/news/azerbajdzan-opublikoval-pat-principov-mirnogo-dogovora-s-armeniej.html>

наоборот, что делает невозможным развитие сотрудничества во многих сферах, не говоря уже о дипломатических отношениях. Армения остро нуждается в четких гарантиях безопасности со стороны внешних акторов, отсутствие которых не позволяет ей заключить мирный договор в ближайшее время и препятствует решению территориальных, политических, законодательных и других вопросов.

Президент Азербайджана И. Алиев совершенно прав, заявляя, что нормализация армяно-азербайджанских отношений и урегулирование конфликта «требует очень серьезных шагов»¹. Однако и власти прикаспийской республики не проявляют особую политическую волю, положив, например, какую-либо советскую карту в основу процесса делимитации границы с существовавшими на тот момент анклавными и эксклавными селами. Безусловно, находясь в привилегированном положении, Азербайджан будет стараться добиться максимальных уступок от Армении в территориальном вопросе, чередуя силовые и мирные способы воздействия. Последняя будет идти на уступки, пока это позволяет внутривнутриполитическая ситуация или Азербайджан не подойдет к «красным линиям», которыми Армения не сможет пренебречь.

На мой взгляд, возможности решения проблемы делимитации и демаркации границы на взаимовыгодной основе кроются в более активной позиции России и гарантиях безопасности, которые она может предоставить. Россия имеет геодезические, географические, политико-дипломатические и силовые ресурсы для этого. Европейские страны вряд ли смогут разрешить этот вопрос, так как в основном преследуют цель выдавливания последней из региона и принижения усилий российского посредничества, а порой не имеют адекватного представления о происходящих в регионе процессах. Вместе с тем намерения России должны сопровождаться реальными действиями и достигать результата. Перспективным видится введение ограниченных контингентов миротворческих сил ОДКБ или СНГ и, возможно, создание временной демилитаризованной зоны вдоль армяно-азербайджанской границы. При этом принимаемые меры в соглашении должны рассматриваться без привязки к какому-либо геополитическому и геоэкономическому контексту.

Армянские власти неоднократно высказывали схожие мнения, которые пока не получили конкретного ответа. Вместе с тем Россия имеет значительные рычаги влияния на обе стороны конфликта, тесные историко-культурные и экономические связи, миротворческий опыт в зоне Нагорно-

¹ Громова, В. (2022, 31 октября). Алиев заявил о пяти принципах для нормализации отношений с Ереваном. РБК. <https://www.rbc.ru/politics/31/10/2022/635fdb4f9a79478666ff34cb>

Карабахского конфликта, в Казахстане, в других регионах постсоветского пространства. Армения могла бы пойти на такой шаг, получив не только гарантии безопасности в вопросе делимитации и демаркации границ, но и значительный импульс в укреплении доверия в российско-армянских отношениях. В свою очередь, России необходимо представить конкретные шаги (планы, программы) по участию в миротворческой деятельности и показать реалистичность их выполнения. Это должна быть прямая, непосредственная помощь с четко прописанными задачами выполнения. В этом контексте Азербайджан мог бы получить следующие «компенсации»: продвижение в вопросе подписания мира, которое власти страны не хотят растягивать на долгие годы, уступки Армении в вопросе «Зангезурского коридора» (например, совместный контроль над движением товаров), расширение российско-азербайджанского экономического сотрудничества по маршруту «Север – Юг», который, безусловно, затронет коммуникации после открытия границы между двумя кавказскими республиками. Тем самым такая ситуация уравнивает позиции сторон.

Однако, несмотря на возможное развитие событий по такому сценарию, Армения осуществляет поиск новых партнеров на Западе (Kolsto & Blakkisrud, 2022), который пока не приносит ощутимых преимуществ. Исходя из анализа встреч глав Армении и Азербайджана в европейских столицах, складывается впечатление, что их итоги от одного раунда к другому представляют скорее программу дальнейших действий, чем конкретные результаты. Это объясняется тем, как верно заметил руководитель армянского Аналитического центра по глобализации и региональному сотрудничеству С. Григорян, что «в регионе карабахского конфликта европейцы или американцы не присутствуют, их там нет. Поэтому на земле они не могут оказать никакого влияния на события. Обсуждения, разумеется, принесут пользу, потому что смягчат позиции сторон. Но особых ожиданий возлагать на это не стоит. Если будут какие-то подвижки, то в первую очередь они окажутся связаны с позицией России»¹. Похожего мнения придерживается старший научный сотрудник Центра постсоветских исследований ИМЭМО РАН С. Притчин, полагая, что «переговоры Алиева и Пашиняна в Брюсселе – это, возможно, попытка Евросоюза перехватить у России инициативу. Однако политолог не видит у ЕС большого потенциала ... у европейцев нет успешно-

¹ Рустамова, С. (2022, 1 сентября). Алиев и Пашинян хорошо поговорили в Брюсселе: мирный договор все ближе. NEWS.ru. <https://news.ru/cis/aliev-i-pashinyan-horosh-pogovorili-v-bryussele-mirnyj-dogovor-vse-blizhe/>

го опыта урегулирования конфликтов на постсоветском пространстве – у них ничего не получилось ни в Молдавии, ни на Украине»¹.

В целом разделяя данные точки зрения, будет не объективным не отметить определенные подвижки в динамике конфликта, наблюдаемые в последние два-три года на переговорном треке. Его содержание начинает все больше определяться влиянием западных стран и уменьшением активности России как посредника в регионе, в частности, в вопросе делимитации и демаркации границы. Можно вспомнить такие события как спор лидеров Армении и Азербайджана на саммите ЕАЭС в Москве 24-25 мая 2023 года по территориальным вопросам, подписание сторонами «пражского соглашения», вывод российских пограничников из международного аэропорта Звартноц. Эти факты также говорят об определенных подвижках в реализации международных принципов, предложенных И. Алиевым и одобренных впоследствии Н. Пашиняном. Так, на первом саммите Европейского политического сообщества в Праге, состоявшемся 6-7 октября 2022 года, было подписано «Празжское заявление», согласно которому стороны подтвердили приверженность Алма-Атинской декларации 1991 года об образовании СНГ и тем самым признали территориальную целостность и суверенитет друг друга в границах бывших советских республик. В рамках одного из пунктов 20 февраля 2023 года была создана мониторинговая миссия ЕС на границе двух стран.

Относительное смещение инициативы в переговорах к европейским странам еще не означает ее успешность в будущем и тем более преимущество перед российским посредничеством. Если говорить о «пражском соглашении», то оно имеет как преимущества, так и недостатки. Несмотря на то, что делимитационная двусторонняя комиссия скорее всего будет работать на основе данного соглашения (определение армяно-азербайджанской границы должно осуществляться по картам, существовавшим на момент подписания Алма-Атинской декларации), ее эффективность будет определяться позицией Азербайджана и работой, не идущей вразрез национальным интересам данной страны. Это также касается и европейской наблюдательной миссии, которую Армения рассматривает как альтернативу российским консультациям по определению границы. Подписание соглашения явилось «компромиссом» между Азербайджаном и Арменией, то есть признанием территориальной целостности в обмен на фактический отказ от Нагорного Карабаха. Для армянских властей данный факт означает отсутствие теперь каких-либо военно-политических обязательств перед Карабахом и перекладывание ответ-

¹ Катков, М. (2022, 20 апреля). «Иначе – национальная трагедия». Какое решение Пашинян ищет в Москве. РИА Новости. <https://ria.ru/20220420/armeniya-1784360285.html?in=t>

ственности за происходящие на его территории процессы на Азербайджан, а изначально – российских миротворцев. Для Азербайджана – это нивелирование реваншистских планов Армении в отношении бывшей «непризнанной республики», которые лишились поддержки внерегиональных игроков еще в 2020 году.

Согласие с пунктами заявления также означает то, что Армения стремится выйти из политической и экономической изоляции в регионе, отказаться от модели «осажденной крепости». Однако открытие границы и развитие коммуникаций сегодня зависит от множества нерешенных вопросов внутреннего и внешнего характера, фактора России. Российские власти поддерживают конструктивный диалог сторон на других переговорных площадках. Эта поддержка будет продолжаться до тех пор, пока переговоры не станут давать деструктивных эффектов и в общем соответствовать национальным интересам России на Южном Кавказе. Безусловно, каждый из посредников попытается внести «свои пункты» в итоговый мирный договор, а его содержание будет отражать эффективность дипломатии внешних акторов и конкурирующий характер их действий.

Таким образом, на сегодняшний день можно наблюдать активизацию дипломатических усилий западных стран, которая, правда, не наносит значимого ущерба посредничеству России, а скорее его дополняет. «Пражское соглашение», по сути, документально зафиксировало приверженность конфликтующих стран первым двум из пяти пунктов плана мирного урегулирования, предложенного Азербайджаном. Хотя и до подписания соглашения, а именно начиная с момента окончания «второй карабахской войны», Н. Пашинян неоднократно заявлял о принадлежности Карабаха Азербайджану, а последний не претендовал на суверенную территорию Армении. Однако если смещение переговорного процесса в сторону Запада продолжится, то Франция и США со временем смогут перехватить «эстафетную палочку» главных посредников в конфликте.

Россия, в свою очередь, полагает, что в основу «дорожной карты» политического урегулирования должны быть положены четыре соглашения, достигнутые при ее непосредственном участии. В них рассматриваются такие направления взаимодействия и посредничества как делимитация и демаркация границ, открытие коммуникаций и налаживание сотрудничества в регионе, гуманитарные вопросы и, конечно, заключение мирного договора. Можно отметить, что повестка дня проводимых в России переговоров более обширна, нежели западная. В этом контексте справедливым будет согласиться с известным российским исследователем С. Маркедоновым, который подчеркивает «экономоцентричный» характер «Заявления о разблокировке

всех экономических и транспортных связей в регионе» от 11 января 2021 года¹. Это отразилось в создании и деятельности трехсторонней Рабочей группы по разблокировке экономических и транспортных связей в регионе под председательством вице-премьеров трех стран. Активизация этой деятельности была подчеркнута и в последующих заявлениях.

Подобные шаги России можно объяснить тем, что она с помощью совместных экономических проектов пытается побудить стороны к решению более сложных вопросов, в том числе способствовать заключению сторонами мирного договора, другими словами, перейти к реальным действиям. Согласно заявлению от 31 октября 2022 года также предполагается развитие «диалога между представителями общественности, экспертных сообществ и религиозных лидеров при российском содействии, а также запуск трехсторонних межпарламентских контактов в целях укрепления доверия между народами двух стран»². На взгляд автора статьи, данные и другие заявления показывают, что в основном под российской эгидой появляются какие-то содержательные документы, носящие объективный характер и нацеленные на решение застарелого конфликта, а не преследование собственных или односторонних интересов, как это в большинстве своем можно заметить в действиях других посредников – ЕС, США, Турции, Ирана.

России в контексте урегулирования конфликта наибольших результатов удалось добиться в деятельности по разблокированию транспортных коммуникаций между Арменией и Азербайджаном. Заседания трехсторонней Рабочей группы способствовали выработке инфраструктурных проектов с перспективой их дальнейшей реализации, общего понимания по определению конкретных шагов в вопросе восстановления железнодорожного сообщения по маршруту Ерасх-Джюльфа-Ордубад-Мегри-Горадиз и автодороги на участке «Зангезурского» («Мегринского коридора»). На сегодняшний день работы по строительству уже начаты: Азербайджан построил более 100 километров ж/д и автомобильных дорог на своей территории, Армения выделяет на эти цели 200 млн. долл., а российская компания «Автодор» проводит экспертизу по строительству недостающего участка горной автодороги, отмеченного выше коридора.

Возможности решения проблемы построения коридора, так же, как и открытие армяно-азербайджанской границы, заключаются, на мой взгляд, в

¹ Маркедонов, С. (2021, 29 ноября). Россия в армяно-азербайджанском урегулировании: укрепление лидерства. Евразия.Эксперт. <https://eurasia.expert/rossiya-v-armyano-azerbaydzhanskom-uregulirovanii-ukreplenie-liderstva/>

² Заявление Президента Азербайджанской Республики, Премьер-министра Республики Армения и Президента Российской Федерации от 31 октября 2022 года (2022). Президент России. <http://www.kremlin.ru/supplement/5860>

преимущества экономического сотрудничества, построения коммуникаций между странами, развития отношений в различных сферах. Вопрос транзита грузов и передвижения людей через Сюникскую область Армении может быть урегулирован установлением обоюдного контроля над этим процессом или установлением над коридором особо статуса по примеру маршрута Россия-Литва-Калининград. Совместные экономические проекты и транспортные коммуникации внутри региона и за его пределами, возможно, способствовали бы решению территориальных споров. Здесь можно привести пример интеграции отдельных стран Центральной Европы в ЕС, для которых вопросы финансово-экономического плана оказались более важными, и они шли на уступки друг другу, надеясь на выгоды от сотрудничества в рамках общего европейского пространства. Неверным будет также не отметить, что механизм разблокировки коммуникаций не основывается на принудительном решении и в общем обсуждается отдельно от проблемы «Зангезурского коридора».

России и Армении необходимо стремиться к комплексному развитию всей системы коммуникаций на Южном Кавказе с одновременной проработкой альтернативных маршрутов. Это послужит залогом от все большего проникновения и влияния Азербайджана и Турции в регионе. Для Армении открытие границы позволит выйти из политико-экономической «изоляции» и стать транспортно-логистическим хабом, а в перспективе возможно страной-транзитером энергоресурсов. В противном случае она рискует оказаться в блокаде развивающихся транспортных коммуникаций Турции и Азербайджана в обход ее территории. При этом интеграции Армении в транспортные коммуникации должны способствовать «гарантии» включенности в них, под которыми понимается полноценное участие в будущих проектах, а не только создание «Зангезурского коридора», с которым у Азербайджана ассоциируется открытие коммуникаций в регионе. Немаловажной представляется роль России, стран СНГ, ЕАЭС, ШОС и других организаций и государств в развитии коммуникаций, проходящих через территорию Армении, и продвижении такой политики в отношениях с Азербайджаном.

Именно в таком контексте должно происходить разблокирование экономических и транспортных коммуникаций в регионе. Иначе возможности переговорного процесса двух стран будут снижаться, что уже частично наблюдается по отдельным вопросам урегулирования конфликта. Так, 7 августа 2024 года представитель президента Азербайджана по специальным поручениям Э. Амирбеков заявил, что «Армения и Азербайджан решили исключить из мирного договора статью, касающуюся региональных коммуникаций, и вернуться к ней на более позднем этапе». Сюда же относится и прокладка Зангезурского маршрута. Параллельно Азербайджан прокладыва-

ет коммуникации вдоль северной границы Ирана с целью выхода к Нахичеванской автономной республике, которые будут соединяться с маршрутами проекта «Север – Юг», в перспективе затрагивающие территорию Армении.

С другой стороны, можно наблюдать все большее дистанцирование последней от России в политическом и экономическом плане. В переговорном процессе Армения настаивает на приверженности договоренностям, принятым в европейских странах, в частности, в Брюсселе и Гранаде. О них говорилось выше. При этом иронично то, что в испанском городе Н. Пашинян повторно подписал документ о признании территориальной целостности Азербайджана, получивший название «Гранадская декларация», в одностороннем порядке и в отсутствии азербайджанской делегации. Нельзя не отметить также звучавшие последний год заявления некоторых армянских чиновников о необходимости денонсации Заявления о прекращении огня в Нагорном Карабахе от 2020 года в связи с выполнением его политической части, а пункт о разблокировании транспортных коммуникаций рассматривать в рамках западных соглашений. На мой взгляд, это попытка решить последний вопрос в иных форматах и отложить или вовсе нивелировать строительство «Зангезурского коридора».

В этом контексте можно говорить о предложенном Арменией на IV Международном форуме «Шелковый путь» в Грузии проекте «Перекресток мира». По сути, это альтернативная армянская версия пути по разблокированию коммуникаций в регионе. Отличие от других проектов состоит, во-первых, в исключенности в представленном варианте из него России, во-вторых, в том, что все осуществляемые коммуникации должны функционировать в рамках суверенитета и юрисдикции государств, территории которых они будут затрагивать, в-третьих, проект предполагает развитие внутренней инфраструктуры Армении, где «Зангезурский коридор» будет иметь «эксклюзивные» права в финансовом отношении¹. Безусловно, каждый проект до его реализации должен быть тщательно проанализирован сторонами, но сейчас, не забегая вперед, становится очевидным, что «Перекресток мира» добавит дополнительные вопросы в повестку дня мирного урегулирования.

Несмотря на достигнутые результаты в решении конфликта, заключение мирного договора остается под большим вопросом. Этому способствует не только несколько пассивная и выжидательная позиция России и Азербайджана, но и действия Армении по продвижению западных площадок ведения

¹ Премьер-министр Пашинян на международном форуме в Тбилиси представил проект «Перекресток мира» и его принципы. (2023). Премьер-министр Республики Армения. [https://www.primeminister.am/ru/statements-and-messages/item/2023/10/26/Nikol-Pashinyan-Speech/#photos\[pp_gal_1\]/3/](https://www.primeminister.am/ru/statements-and-messages/item/2023/10/26/Nikol-Pashinyan-Speech/#photos[pp_gal_1]/3/)

переговоров, хотя оба процесса взаимосвязаны. Остается не проясненным содержание самого мирного договора, какие принципы, условия, положения будут в него включены. На сегодняшний день достигнуты договоренности по обоюдному признанию суверенитета и территориальной целостности друг друга, а остальные спорные вопросы остаются за скобками (делимитация и демаркация границы, разблокирование коммуникаций, интеграция армян Карабаха в азербайджанское общество, изменение конституции Армении и некоторых других законов после самоликвидации Нагорно-Карабахской республики и др.). Достаточно ли будет достигнутых соглашений для подписания рамочного договора, а остальные вопросы следует вынести за рамки и решать после его заключения.

Ответить на эти вопросы с определенной долей условности поможет рассмотрение позиций Армении и Азербайджана как сторон противоборства, а также России как ключевого игрока в регионе в отношении конфликта и возможностей его урегулирования. Россия, заняв стратегический нейтралитет в отношении двух кавказских республик, а затем и вооруженного конфликта, кардинально изменила соотношение сил на Южном Кавказе. Причинами тому стали, с одной стороны, все более углубляющееся взаимодействие Армении с западными странами, с другой стороны, расширяющееся партнерство России с Азербайджаном и его союзником Турцией по экономическим и военно-политическим вопросам. Примером успешного сотрудничества с Турцией и нахождения взаимоприемлемых компромиссов в конфликте является сирийское противостояние или продажа комплексов С-400 ПВО России. На сегодняшний день два тюркских государства становятся все более прагматичными и надежными для России партнерами в различных сферах, что не могло не сказаться на принятии решения по армяно-азербайджанскому конфликту и его отдельным этапам.

Независимо от подписания мирного договора, уже сегодня стратегическая линия поведения России нуждается в корректировке. В этом контексте речь идет об Армении, которую Россия не может себе позволить потерять как важного военного и экономического союзника в регионе. Анализируя текст Московской декларации от 22 февраля 2022 года, а также другие двусторонние и многосторонние документы (например, в рамках СНГ), подписанные Россией и Азербайджаном, можно говорить о расширении сотрудничества между странами, в том числе в военной области. Однако учитывая протекающие процессы в регионе, отношения стратегического союзничества Азербайджана и Турции вряд ли претерпят изменения (подписание Шушинской декларации в 2021 году об этом красноречиво свидетельствует), а потребность в транзите энергоресурсов прикаспийской республики в европей-

ские страны делает ее прозападной страной. Это в совокупности с попытками Армении переориентировать свою внешнюю политику в перспективе может нанести значительный ущерб национальным интересам России и способствовать ее выдавливанию из региона.

Частично такое развитие ситуации уже осуществляется сегодня. На политическом пространстве Южного Кавказа появился новый актер – Турция, которая в урегулировании конфликта имеет как совместные, так и отличные от России интересы. Армения в феврале 2024 года приостановила свое участие в ОДКБ, а позже премьер-министр Н. Пашинян заявил, что его страна обязательно выйдет из организации, когда для этого сложатся необходимые условия, и что обратного пути нет. Отказ от участия в регулярных мероприятиях ОДКБ, а затем и «заморозка» деятельности связаны с тем, как полагает армянская сторона, что организация не оказала военной помощи в период «второй карабахской войны» и в периодических столкновениях с азербайджанской армией на границе (2021-2023 гг.), то есть не выполняла свои обязательства (Ланцов, 2022, с. 100-102).

Несмотря на развитие политических процессов в регионе со свойственной им спецификой, экономика Армении сильно зависит от российских компаний, которые осуществляют значительные инвестиции (Ayar & Arslan, 2023). Армения сохраняет прагматическую позицию по участию в ЕАЭС, получая немалые экономические дивиденды. Так, говоря о проекте «Перекресток мира», Россия уже практически участвует в его реализации. По мнению вице-премьера РФ А. Оверчука, «Портфель инвестиций фонда в Армении по 10 проектам оценивается в 533 млн. долл., еще проекты на 300 млн. долл. находятся в обсуждении». При этом финансирование проектов по коридору «Север – Юг» осуществляется через Евразийский фонд стабилизации и развития. Исходя из этих и других фактов, становится понятным, что Россия пытается достичь реального урегулирования конфликта и оказывать помощь своему союзнику Армении. Ее действия также снижают критику ряда исследователей, в первую очередь армянских, которые полагают, что Россия использует конфликт в своих интересах. Усиление присутствия стран Запада в Армении (увеличение штата посольств, работа спецслужб, НКО), ее политическое и экономическое маневрирование между различными государствами, организациями, проектами не приносит желаемых результатов. США и страны Европы не могут обеспечить той помощи странам Южного Кавказа, которую обещают, а иногда и не в силах это сделать (например, принятие Грузией закона об иноагентах и попытки США помешать этому). Понятно, что Армения подвергается давлению разных стран (европейских, азиатских, США, России) по вопросу перспективности разблокировки транспортных коммуни-

каций в регионе, однако излишнее лавирование может только усилить «изоляцию» со стороны двух турецких соседних государств.

Если говорить о внутренних факторах ухудшения российско-армянских отношений, то здесь речь идет о нереализованных ожиданиях населения как Армении, так и Нагорного Карабаха о военной помощи России во «второй карабахской войне», которая предопределила дальнейшие события. Последние привели к нивелированию национальной идеи «миацума», по крайней мере, в территориальном плане, а до вооруженного конфликта 2020 года Армения выступала гарантом самоопределения армянской общины Карабаха. Эти процессы, безусловно, наложили отпечаток на отношение армянского общества к России, а в самой стране периодически возникают волнения и протесты по различным вопросам урегулирования армяно-азербайджанского противоборства. В этом контексте интересными представляются социологические исследования, проведенные «Евразийским мониторингом». Так, по данным исследования 2019 года «В зоне турбулентности. Как живут и что думают граждане стран, переживших цветные революции», Россия воспринималась 70% армянских граждан как дружественная страна и только 8% как недружественная (In the turbulence zone, 2019). При этом по вопросу интеграционных настроений и геополитической ориентации первую строчку в выборе респондентов занимает Европейский союз (37%), на второй строчке оказался Евразийский экономический союз (24%), а третье и четвертое место «поровну делят» НАТО и ОДКБ (по 15% соответственно). Также, как показал опрос, в международных отношениях Армении необходимо более активно сотрудничать с Россией (44%), США (32%), европейскими странами (32%) и Китаем (27%) (In the turbulence zone, 2019).

Если сравнивать полученные результаты с данными исследований, проведенных несколькими годами позже, то отношение к России и интеграционным образованиям на постсоветском пространстве меняется (где-то в большей степени, где-то в меньшей). Согласно исследованию 2022 года «Потенциал гуманитарного сотрудничества России в регионе СНГ», осуществленного той же организацией, то Россию как дружественную страну воспринимает 54% граждан Армении, как недружественную – 36%. При этом Франция обошла Россию по количеству голосов респондентов, посчитавших ее более дружественной страной (62%) против 12% опрошенных, которые считают отношения с ней конфликтными, несущими угрозу стране (The potential of humanitarian cooperation, 2022). Как можно увидеть из результатов опроса, процентное соотношение существенно поменялось и объясняется кардинальными изменениями в регионе. Насущным представляется отметить то, как в категориях «дружественности/недружественности» восприни-

мает Россию общественное мнение Азербайджана. Здесь соотношение несколько хуже и составляет 36% к 26%, что подтверждает мнение автора статьи в вопросе перспективности союзничества двух стран.

Интересными в плане рассмотрения изменений во внешней политике являются результаты исследования армянского экспертного центра «SOCIES» «Армения на перекрестке: ориентация, приоритеты и внешнеполитические ожидания». Опрос был проведен в 2022 году и выявил следующие особенности. Наиболее перспективным в экономическом плане респонденты считают членство Армении в Европейском союзе (46,1%) по сравнению с Евразийским союзом (28,7%). В военно-политической сфере приоритет в обеспечении безопасности отдается НАТО (34,1%), а ОДКБ в качестве «зонтика безопасности» рассматривают 29,1%. Однако сотрудничество в экономическом плане и в вопросах обеспечения безопасности граждане Армении видят по-разному: с Россией – 52% и 53,5% соответственно, с ЕС – 49% и 34%, с США – 41% и 31%, с Китаем – 38% и 11%, с Ираном – 24% и 10% и с Индией – 16% и 4%¹. Таким образом, опрос показал, что внешние приоритеты Армении в политической и экономической сферах все более склоняются в сторону сотрудничества с западными странами. Укрепляют свои позиции незападные страны (Китай, Индия, Иран), а Россия продолжает сохранять свое первенство, хотя «отрыв» от них постепенно начинает сокращаться.

Выбор внешнеполитических приоритетов сегодня для Армении остается актуальным вопросом. Однако не менее значимой проблемой является формирование национальной идентичности. Начиная с конца 1980-х годов в построении армянского государства начинает превалировать этнонациональный фактор, а развитие государственной, политической и даже территориальной идентичности отходит на второй план (Ergun, 2022, р. 813-830). Строительство нового независимого государства предполагало идентификацию с ним не только граждан, проживающих на территории бывшей АрмССР, но и многочисленной диаспоры в разных странах, а также армянской общины Нагорного Карабаха. Этнонациональный аспект стал определяющим в политике разных президентов страны, их предвыборных программах, который помогал им в становлении своей карьеры. Определенное нивелирование этого фактора произошло только после событий «бархатной революции» 2018 года и прихода к власти новой команды с другими представлениями, ценностями, идеями относительно развития страны (Саркисян, Дунамалян,

¹ Беляев, М. (2022, 7 апреля). Граждане Армении мыслями в НАТО и ЕС, а связи с РФ хотят ограничить – шокирующие итоги соцопроса. Вестник Кавказа. <https://vestikavkaza.ru/analytics/armane-myslami-v-nato-i-es-a-otnosenia-s-rf-hotat-ogranicit-sokiruusie-itogi-socoproza.html>

2020). Хотя этнонациональные компоненты в формировании идентичности продолжали играть значимую роль, как, впрочем, и высший приоритет – защита «своей земли», однако ситуация постепенно начинала меняться.

Можно согласиться с мнением исследователя С.М. Маркедонова, который справедливо отметил следующее: «Будучи уникальным соединением демократического и националистического начала, «миацум» на протяжении многих лет подвергался дискредитации со стороны как демократов, так и националистов. Итогом стало размывание этой повестки, а также выход на первый план других тем (бедность, всевластие местных и региональных руководителей, неэффективность экономики и управления, коррупция, авторитарные «поползновения»). Десакрализации «карабахской идеи» способствовало то, что и власти, и оппозиционные лидеры слишком многое списывали на «объективные трудности» – от социально-экономических проблем до угроз безопасности» (Маркедонов, 2023, с. 101). Автор работы совершенно верно замечает, что «Чрезмерная инструментализация темы Карабаха, использование клейма «предателя национальных интересов» снижали общественно-политическую ценность «миацума». Постепенно накапливалась усталость и от конфликта, и от элит, не готовых предложить Армении ничего, кроме повестки конца 1980-х – начала 1990-х годов» (Маркедонов, 2023, с. 101).

На сегодняшний день можно наблюдать отказ политической элиты Армении от фундаментальной цели – борьбы за самоопределение карабахских армян в связи с невозможностью осуществления военного реванша, а также с ценностными и поколенческими изменениями, происходящими в обществе и во властной среде. Здесь вновь можно согласиться с С.М. Маркедоновым, что «...сегодня Карабах воспринимается скорее как тяжкое бремя, этот сюжет более не является консенсусом, а политическая элита предлагает иную парадигму – мир и безопасность даже ценой территориальных уступок. Говорить о полной смене парадигм сегодня не представляется возможным. Однако отсутствие мощного сопротивления новым идеологиям властей, явно или неявно разделяемым и обществом ... свидетельствует о серьезном ценностном (парадигмальном) сдвиге внутри Армении» (Маркедонов, 2023, с. 96). Исследователь называет этот процесс «декарабахизацией».

Рассмотрев причины ухудшения отношений между двумя странами, необходимым будет проанализировать и возможности их улучшения, которыми располагает Россия на сегодняшний день. Во-первых, полное соблюдение взятых на себя обязательств в рамках ОДКБ, учитывая имеющиеся и будущие военные контракты с Арменией. Армянская сторона уже говорила о некоторых опасениях на этот счет. Во-вторых, активизация деятельности по линии ОДКБ

в вопросе вывода вооруженных формирований Азербайджана с территории Армении, которые там оказались в результате столкновений на границе в мае 2021 и в сентябре 2022 годов. Азербайджан объясняет это отсутствием делимитации границы, однако по картам, которые существовали на момент распада СССР видно, что азербайджанские силы занимают несколько десятков сел, являвшихся армянскими. Наблюдательная миссия ОДКБ этот вопрос не решила, необходимы более серьезные действия России. Безусловно, приоритетным видится политическое взаимодействие и переговоры, а не военное или экономическое давление, что может привести к крайне негативным последствиям для всех сторон. Главное – вызвать понимание азербайджанской стороны, что Россия готова отстаивать интересы своего союзника, что повысит ее ответственность как члена ОДКБ в глазах Армении.

В-третьих, развитие экономических отношений двух стран, в том числе в рамках ЕАЭС, и их улучшение. Перспективной представляется помощь Армении в расширении взаимодействия по строительству транспортных коммуникаций по маршруту «Север – Юг». В-четвертых, всесторонняя помощь по линии международных организаций и двусторонних контактов между Россией и Азербайджаном по реинтеграции карабахских армян. На мой взгляд, имеющиеся возможности помогут повысить уровень армяно-российских отношений и, возможно, пересмотреть планы Армении по выходу из ОДКБ. С другой стороны, не менее важным является то, чтобы сама Армения была заинтересована в сближении отношений. Сейчас она предпринимает обратные усилия, по сути, идя поперек своих национальных интересов, рискуя оказаться еще в большей зависимости от Азербайджана и Турции.

Если говорить о направлениях («корзинах»), которые составляют основные проблемы урегулирования конфликта, то на сегодняшний день стороны более всего продвинулись в вопросе разблокирования транспортных коммуникаций в регионе, что отмечалось выше. При этом эта работа проводится в тесной увязке с развитием транспортного коридора «Север – Юг». Сложнее ситуация обстоит с проблемой делимитации и демаркации армяно-азербайджанской границы. Причин здесь несколько. Первая – отсутствие делимитированной границы между союзными республиками после распада СССР, а «первая карабахская война» лишь осложнила данный процесс. Вторая – разногласия между сторонами по картам, на основе которых должно проводиться разграничение границы. Армения настаивает на более поздних советских картах, а азербайджанские чиновники упоминают карты 1920-х годов, по которым Зангезур (южные территории Армении) входил в состав Азербайджана. Несмотря на то, что сегодня делимитация границы идет по картам 1976 года, действующим на момент распада советского государства,

периодическое упоминание в СМИ более ранних карт вносит разногласия в отношения сторон.

Третья причина – деятельность оппозиционных сил в Армении, которые считают, что последняя капитулирует перед Азербайджаном в демаркации на различных участках границы, устраивая шествия, пикеты, протесты. Разные группы оппозиции предлагают придерживаться не только Алма-Атинской декларации 1991 года, но и других международных документов в вопросе делимитации в целом, а также пытаются увязывать этот процесс с другими проблемами политического урегулирования. На мой взгляд, это осложняет разграничение границы, требует дополнительных консультаций, совещаний, переговоров, а значит и времени. Делимитация сегодня проходит на основе норм международного права и принципа справедливости, что признают обе стороны конфликта, а демаркация границы осуществляется на основе GPS навигации и компьютерных программ.

Другой не менее важной проблемой политического урегулирования конфликта остается вопрос реинтеграции карабахских армян. После 44-дневной войны Армения возложила ответственность за безопасность граждан Карабаха на Россию, Азербайджан, миротворцев, других международных посредников, а однодневная война сентября 2023 года способствовала тому, что Карабах стал внутренним делом Азербайджана. Конечно, как и в вопросе определения границы, действует двусторонняя комиссия (правда второй стороной выступает не Армения, а «карабахские муниципальные органы власти»), оценить эффективность, которой еще предстоит. Вместе с тем, сегодня очевидно, что все вопросы дальнейшей реинтеграции армян будут решаться на условиях Азербайджана и в рамках его законодательства (Petrowski, 2022; Tokarev, Margoev, Prihodchenko, 2021). Любые действия институтов ЕС, Минской группы ОБСЕ, других европейских структур, призывающих рассматривать вопрос в духе старого армянского дискурса об «особом статусе» Карабаха, вызывают лишь раздражение азербайджанских властей. Последние предлагают основываться исключительно на Плане по реинтеграции карабахских армян, который был ими обнародован в октябре 2023 года и уже начал реализовываться.

В плане содержатся несколько пунктов. К основным можно отнести: «Независимо от этнической, религиозной или языковой принадлежности гарантируются равенство прав и свобод каждого, в том числе безопасность каждого; жителям Карабаха гарантируется право на сохранение и развитие своей культуры и этнокультурных особенностей; обеспечиваются свобода вероисповедания, охрана культурных и религиозных памятников; создается возможность использования армянского языка». По сути план представляет

собой программу дальнейших действий по интеграции региона в состав государства со свойственными ему конституционно-правовыми особенностями. Как следует из плана, первоначально управление будет осуществляться посредством специальных представителей главы государства, к которому могут привлекать и жителей региона.

На сегодняшний день работа двусторонней комиссии приобрела вялотекущий процесс, что связано, как минимум, с двумя аспектами: общим контекстом урегулирования армяно-азербайджанского конфликта и отсутствием широких возможностей варьирования в переговорах у карабахских армян. Состоялись две встречи в городах Евлахе и Ходжалы, а также заседание рабочей группы при правительстве Азербайджана в Ханкенди, после которых стороны согласились с его содержанием, а план был обнародован. Армения со своей стороны тоже поддержала план, однако она не исключает намерения по предоставлению Карабаху какой-либо автономии и включения данного положения в итоговый мирный договор.

Несмотря на принятие плана обеими сторонами, важнейшим вопросом остается его практическая реализация и качество этого процесса. Можно не сомневаться в том, что карабахским армянам, как и другим гражданам страны, будет предоставлена физическая и социальная инфраструктура, без которой просто невозможно существовать. Другой вопрос – насколько будут учитываться права и свободы человека, обеспечиваться гарантии этих прав, учитывая сложности в этой сфере в самом Азербайджане, а также десятилетия противостояния, вражды, ненависти и недоверия друг к другу двух обществ. Например, использование армянского языка в образовании, свобода вероисповедания, развитие родной культуры и ее приумножение, предоставление льгот и субсидий при ведении предпринимательской деятельности, право участия в выборах всех уровней и др. Это также касается армян, которые захотят вернуться в места своего прежнего проживания, и вообще права на возвращение. В этом контексте интересны высказывания азербайджанского исследователя А. Геюшева, который отмечает важную роль настроенности президента в вопросе реинтеграции армян. По его мнению, «Алиев полностью доминирует и в информационном поле, и в общественном мнении. Поэтому если Алиев начнет продвигать идею того, что азербайджанцам можно и нужно жить совместно с армянами, то эта пропаганда вполне может иметь успех».

Конечно, влияние президента Азербайджана на общественное мнение сегодня велико, и можно отметить позитивные тенденции в осуществлении политики реинтеграции, однако многие направления ее реализации пока непонятны. На взгляд автора статьи, враждебные отношения в перспективе

не выгодны как Азербайджану, так и оставшимся армянам Карабаха. Если первому в этом вопросе представляется важным избежать международного давления и санкций, то для вторых – оптимально встроиться в новую систему общественных отношений. Скорее всего, азербайджанские власти попытаются интегрировать армян на общих основаниях, каковые в свое время были приняты другими национальными меньшинствами (русскими, лезгинами, талышами и др.). К тому же, армяне и азербайджанцы имеют долгий советский опыт бесконфликтного и комфортного существования друг с другом. Дополнительными возможностями решения этой проблемы могут быть компромиссы и размены по другим вопросам армяно-азербайджанского конфликта, а также участие и помощь в различных вопросах реинтеграции внешних государств (России, Турции, Ирана, ближневосточных стран, Индии), что будет способствовать выработке «международных гарантий».

На сегодняшний день в интересах Азербайджана заключить мирный договор как можно скорее. Это открывает значительные перспективы развития государства в регионе и с соседними странами. Среди последних событий об этом говорят заявления азербайджанских чиновников о возможности отсрочить построение «Зангезурского коридора». Армения, напротив, не спешит с подписанием данного соглашения. В силу внутренних и внешних причин, которые описывались выше, для нее сейчас наиболее важным вопросом является получение военно-политических, экономических, территориальных гарантий безопасности. В условиях невозможности их предоставления на данном этапе со стороны Запада и стремления уйти из-под влияния России, Армения ищет эти гарантии во взаимоотношениях с Азербайджаном, идя на различные уступки в решении конфликта. Логика здесь простая – разрешение конфликта, открытие границы, разблокирование транспортных коммуникаций, установление дипломатических отношений с Турцией позволит обрести эти гарантии и устранить существующие угрозы безопасности государства. В отсутствии мирного договора об этом свидетельствуют такие факты как предложения Н. Пашиняна подписать пакт о ненападении, соглашение о взаимном контроле над вооружениями, открытие наблюдательной миссии ЕС вдоль границы. Однако Азербайджан неохотно идет на подобные шаги, чувствуя себя страной-победителем в конфликте, и крайне негативно относится к вмешательству Запада во внутренние дела.

На современном этапе урегулирования противоборства для России более прагматичным видится выстраивание отношений с Азербайджаном, нежели с Арменией. Визит российского президента в Азербайджан 18-19 августа 2024 года подтвердил приверженность стратегическому взаимодействию двух стран и показал важность Южного Кавказа в системе националь-

ных интересов России. Развитие отношений выгодно и по другим причинам: участие Азербайджана в евразийских проектах и организациях (Азербайджан подал заявку на вступление в БРИКС), в «Движении неприсоединения», которое приобретает важность в условиях российско-западного противостояния, сопротивление попыткам Запада навязать Азербайджану статус «неоколониального государства». Также нельзя не упомянуть мнение одного из экспертов, что «...сейчас по сравнению с прошлыми временами практически снято мощное препятствие для углубления и развития двусторонних отношений. Раньше в отношениях с Азербайджаном Россия должна была учитывать фактор Армении, смертельной вражды между этими странами, с каждой из которых Москва всегда хотела иметь по понятным причинам хорошие отношения».

Пока Армения все более стремится на Запад, переписывает учебники истории, создает преграды для работы русскоязычных СМИ, Азербайджан и Россия углубляют отношения. Прикаспийская республика развивает русский язык как язык преподавания в дошкольных, средних и высших учебных заведениях. И масштабы здесь достаточно приличные. На последней встрече с В. Путиным И. Алиев заявил, что «Существуют 324 школы с обучением на русском языке, в которых обучается более 160 тысяч учеников, более 800 тысяч изучают русский язык как второй. В 26 вузах Азербайджана существуют отделения на русском языке, в которых обучаются более 15 тысяч студентов». Такого нет ни в Грузии, ни в Армении, с которой мы долгие годы развивали союзнические отношения. При этом уступки, которые делает Армения в обмен на внешние гарантии Запада, способствуют маргинализации страны, в то время как Азербайджан в первую очередь учитывает свои национальные интересы. Поэтому и в переговорах Азербайджан предпочитает камерный формат урегулирования, то есть двусторонние переговоры с минимальным вмешательством посредников.

Отсутствие более широких механизмов по деэскалации кризиса в отношениях России и Армении в долгосрочной перспективе может обернуться геополитической ошибкой для России. Выше в работе уже отмечалось, что Азербайджан с его протурецкой ориентацией вряд ли станет таким союзником России и в таком качестве, в каком была Армении более трех десятков лет. В этом аспекте исследователи задаются вопросом, почему Россия в основном не применяла политику «мягкой силы» на протяжении ряда лет по различным направлениям, в то время как западные страны открывали множественные НПО, распространявшие русофобские взгляды, не без усилия которых стала возможной «бархатная революция», произошедшая в 2018 году. Также нельзя не вспомнить попытку экс-президента Армении С. Саргсяна подписать Согла-

шение об ассоциации с ЕС, которая провалилась после переговоров В. Путина и С. Саргсяна, на которых, видимо, был поднят вопрос обеспечения безопасности Армении (Broers, 2019, р. 152-185). Эти события способствовали постепенной политической переориентации союзника на Запад¹.

Рассматривая вопрос политического урегулирования конфликта, нельзя не отметить как минимум два сценария его развития.

Первый сценарий можно назвать «позитивным». Данный сценарий предполагает заключение мирного договора между Арменией и Азербайджаном в краткосрочной (3-5 лет) или среднесрочной перспективе (5-10 лет). Соглашение, скорее всего, не будет иметь политико-идеологического компонента (подписание под эгидой европейских стран или России) и будет принято в рамках двустороннего или четырехстороннего формата, в котором влияние России будет уравниваться участием Турции. Если к итоговому тексту договора придут сами стороны конфликта, то, скорее всего, он будет поддержан как странами Запада, так и Россией, заинтересованными в умиротворении ситуации между государствами.

Вопросы территориального характера, открытия транспортных коммуникаций и реинтеграции армян Карабаха могут быть решены частично путем давления как Азербайджана, так и западных стран, заинтересованных в скорейшем разрешении конфликта. Не исключаются уступки и компромиссы (например, «нейтральный статус» Зангезурского коридора, территориальные размены сел на границах двух государств, подписание всеобъемлющих соглашений касательно прав и свобод интегрирующего армянского населения под международные гарантии и т.д.).

Данный сценарий предполагает, что Россия остается важным посредником и в дальнейшем – гарантом выполнения международных договоренностей, укрепляются отношения союзничества с Азербайджаном. Внешняя политика Армении может развиваться по трем сценариям: «расширенная» многополярность, многовекторность с сохранением преобладающего влияния на Россию и постсоветские интеграционные структуры или полная переориентация на евроатлантические структуры.

Второй сценарий – «ни войны, ни мира» – предполагает сохранение неурегулированных вопросов между Арменией и Азербайджаном по трем «корзинам», а влияние внутренних или внешних факторов будет приводить к улучшению или ухудшению отношений. При этом эффективность деятельности межгосударственных комиссий по трем направлениям взаимодействия

¹ Абаджян, В. (2023, 28 сентября). Армяно-российские отношения на нынешнем этапе: есть ли выход из тупика? Российский совет по международным делам. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/riacdigest/armyano-rossiyskie-otnosheniya-na-nyneshnem-etape-est-li-vykhod-iz-tupika/>

может зависеть от продвижения в решении вопросов в каждой из них. Так, например, притеснение армян в бывшей Нагорно-Карабахской республике может негативно сказываться на открытии транспортных коммуникаций между странами или решении территориальных притязаний.

Между Арменией и Азербайджаном могут происходить единичные вооруженные столкновения, сменяемые периодами мира. Отношения региональных и крупных государств могут перерасти из отношений конкуренции в отношения конфронтации за оказание влияния в странах Южного Кавказа. Вооруженная конфронтация этих стран исключается, при этом основное соперничество будет связано с использованием экономических и политико-дипломатических ресурсов, а также военной поддержкой (поставкой вооружений).

Этот сценарий предполагает, что геополитическое «противостояние» будет в основном развиваться по линии «Россия – Запад», однако их помощь двум кавказским странам станет носить конъюнктурный и эпизодический характер. Например, «разворот» Армении в сторону России может способствовать ее поддержке в политической, экономической и военной сферах.

Наиболее вероятным представляется первый сценарий. При этом третий сценарий, который условно можно назвать «негативным», в сложившихся геополитических условиях выделить сложно. Он будет означать появление нового вооруженного конфликта уже между двумя международно признанными государствами. В таком развитии событий не заинтересованы как сами южнокавказские страны, так и внешние игроки.

Существуют несколько групп проблем, которые осложняют процесс подготовки мирного договора между двумя странами и, тем самым, политическое решение конфликта. Безусловно, есть конкретные договоренности, достигнутые сторонами не только с помощью посредников, но и в двустороннем формате. Однако имеется целый клубок противоречий, которые ни Азербайджан, ни Армения пока не могут распутать. Решение одного вопроса зависит от другого. Геополитическая конкуренция России, европейских стран, США осложняет этот процесс. Между ними есть понимание по основным принципам урегулирования противоборства, но акторы расходятся в конкретике и каждый раз склоняют инициативу на себя в вопросе заключения мирного договора. Желательным видится построение политики относительного сотрудничества вместо жесткой конкуренции. Россия имеет немалые рычаги влияния на обе кавказские республики, а страны Европы могли бы разделить с ней ответственность за постконфликтное восстановление в регионе, например, в гуманитарной и социально-экономической сферах.

На сегодняшний день Азербайджан в большей степени склоняется к выполнению соглашений, достигнутых при посредничестве России и, в част-

ности, требует от Армении выполнения оставшихся пунктов трехстороннего заявления о прекращении огня. Армения пытается ориентировать власти прикаспийской республики на западные переговорные площадки и реализацию проекта разблокирования коммуникаций в регионе «Перекресток мира», поддержанный европейскими странами. Азербайджан и Россия не относятся серьезно к данному проекту. Их подключение к «Перекрестку мира» если и состоится, то, скорее всего, после урегулирования конфликта и открытия границ. Правда, в какой степени это станет возможным, остается неясным. Вместе с тем очевидно другое – разное видение процесса политического урегулирования «замораживает» конструктивный диалог между странами и становится поводом для взаимных упреков и обид.

Сегодня существует серьезная проблема, которая мешает двум обществам начать полноценный диалог, – непонимание друг друга, ненависть и враждебность, которые накопились в постсоветский период. В советское время в силу географической близости между армянами и азербайджанцами были сходства в различных сферах, они понимали культуру и традиции друг друга. Однако после долгих лет вражды, принесшей боль и страдания жителям этих стран, образовалась пропасть. Преодолеть ее только силовыми, политическими или дипломатическими методами представляется сложным. Налаживание взаимодействия в социальной, культурной, экономической сферах может помочь Армении и Азербайджану продвинуться в решении политических вопросов и проблем безопасности. Негативным элементом, накладывающим свой отпечаток на разрешение конфликта, является отсутствие общих институтов управления на политическом уровне, которые существуют в отдельных регионах мира (например, в ЕС) и которые смогли бы нормализовать взаимодействие и обеспечить стабильное региональное общество, имеющее общие интересы. Поэтому в современных реалиях укрепление сотрудничества в социально-культурной области, финансово-экономические стимулы смогли бы внести существенный вклад в процесс политического урегулирования конфликта и подписания мирного договора.

Литература

- Almond, G. A. & Verba, S. (1963). *The civic culture: Political attitudes and democracy in five nations*.
- Ayar, B. & Arslan, O. (2023). Trembling chessboard: The effects of changing russian-turkish relations in the South Caucasus. *International Trends*, 21(3), 103-118. <https://doi.org/10.17994/2023.21.3.74.1>
- Broers, L. (2019). *Armenia and Azerbaijan: Anatomy of a rivalry*.
- Easton, D. (1953). *The political system: An inquiry into the state of political science*. Knopf.
- Ergun, A. (2022). Citizenship, national identity, and nation-building in Azerbaijan: Between the legacy of the past and the spirit of independence. *Nationalities Papers*, 50(4), 813-830. <https://doi.org/10.1017/nps.2020.81>

- Hall, P. A. & Taylor R. R. (1996). Political science and the free new institutionalisms. *Political Studies*, (XLIV), 936-957.
- Iskandaryan, A. (2020). *The second karabakh war, or the first post-post-soviet war*. Working Paper. Institute for Security Policy.
- Kolsto P. & Blakkisrud, H. (2022). Engaging without recognizing?: Western approaches to the Eurasian de facto states. *Journal of International Analytics*, 13(4), 58-75. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-4-58-75>
- Parsons, T. (2005). *The social system* (2nd ed.). Taylor & Francis.
- Petrowski, T. J. (2022). Nagorno-Karabakh: A reassessment of the armenian-azerbaijani conflict. T. J. Petrowski.
- Piters, B. G. (1996). *Political institutions, old and new*. In R. E. Goodin and H.-D. Klingemann (Eds.), *A new handbook of political science*.
- Sumbal, M. A. (2021). *Tovuz to Karabakh: A comprehensive analysis of war in South-Caucasus*. Amazon Digital Services LLC – Kdp.
- Tokarev, A., Margojev, A. & Prihodchenko, A. (2021). The statehood of Eurasia's de facto states: An empirical model of engagement by great powers and patrons. *Caucasus Survey*, 9(2), 93-119. <https://doi.org/10.1080/23761199.2020.1870076>
- Yavuz, M. H. & Gunter, M. M. (2022). *The karabakh conflict between Armenia and Azerbaijan: Causes & consequences*. Springer International Publishing.
- В зоне турбулентности. Как живут и что думают граждане стран, переживших революцию: Динамика массовых настроений стран Северной Евразии.* (2019). Краткий аналитический отчет по результатам исследования в Армении. Евразийский монитор.
- Ланцов, С. А. (2022). Вторая Карабахская война: предпосылки, причины, последствия. *Полис. Политические исследования*, (3), 96-107. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.03.08>
- Маркедонов, С. М. (2023). Армения и Нагорный Карабах: ценностный и поколенческий сдвиг. *Мировая экономика и международные отношения*, 67(12), 93-103. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-12-93-103>
- Маркедонов, С. М. (2021). Постсоветские де-факто государства: траектории борьбы за суверенитет. *Мировая экономика и международные отношения*, 65(12), 79-89. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-12-79-89>
- Маркедонов, С. М. (2022). Трансформация армяно-азербайджанского конфликта: исторический опыт и современное состояние. *Мировая экономика и международные отношения*, 66(12), 120-130. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-12-120-130>
- Потенциал гуманитарного сотрудничества России в регионе СНГ. (2022). Краткое аналитическое резюме по результатам социологического исследования по заказу Россотрудничества. *Евразийский монитор*.
- Саркисян, О. Л. & Дунамалян, Н. А. (2020). Динамика трансформации гражданской идентичности в современной Армении: факторы и субъекты. *Полис. Политические исследования*, (2), 53-72. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.05>

References

- Almond, G. A. & Verba, S. (1963). *The civic culture: Political attitudes and democracy in five nations*. Princeton University Press.
- Ayar, B. & Arslan O. (2023). Trembling chessboard: The effects of changing russian-turkish relations in the South Caucasus. *International Trends*, 21(3), 103-118. <https://doi.org/10.17994/2023.21.3.74.1>
- Broers, L. (2019). *Armenia and Azerbaijan: Anatomy of a rivalry*.
- Easton, D. (1953). *The political system: An inquiry into the state of political science*. Knopf.
- Ergun, A. (2022). Citizenship, national identity, and nation-building in Azerbaijan: Between the legacy of the past and the spirit of independence. *Nationalities Papers*, 50(4), 813-830. <https://doi.org/10.1017/nps.2020.81>
- Hall, P. A. & Taylor R. R. (1996). Political science and the free new institutionalisms. *Political Studies*, (XLIV), 936-957.

- Iskandaryan, A. (2020). *The second karabakh war, or the first post-post-soviet war*. Working Paper. Institute for Security Policy.
- Kolsto P. & Blakkisrud, H. (2022). Engaging without recognizing?: Western approaches to the Eurasian de facto states. *Journal of International Analytics*, 13(4), 58-75. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-4-58-75>
- Lantsov, S. A. (2022). Vtoraya Karabakhskaya voina: predposylki, prichiny, posledstviya [The Second Karabakh war: prerequisites, causes, consequences]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, (3), 96-107. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.03.08> (In Russ)
- Markedonov, S. M. (2021). Postsovetskie de-fakto gosudarstva: traektorii bor'by za suverenitet [Post-Soviet de facto states: trajectories of the struggle for sovereignty]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 65(12), 79-89. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-12-79-89> (In Russ)
- Markedonov, S. M. (2022). Transformatsiya armyano-azerbaidzhanskogo konflikta: istoricheskii opyt i sovremennoe sostoyanie [The transformation of the armenian-azerbaijani conflict: historical experience and current state]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 66(12), 120-130. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-12-120-130> (In Russ)
- Markedonov, S. M. (2023). Armeniya i Nagornyi Karabakh: tsennostnyi i pokolencheskii sdvig [Armenia and Nagorno-Karabakh: a value and generational shift]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 67(12), 93-103. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-12-93-103> (In Russ)
- Parsons, T. (2005). *The social system* (2nd ed.). Taylor & Francis.
- Petrowski, T. J. (2022). *Nagorno-Karabakh: A reassessment of the armenian-azerbaijani conflict*. T. J. Petrowski.
- Piters, B. G. (1996). *Political institutions, old and new*. In R. E. Goodin and H.-D. Klingemann (Eds.), *A new handbook of political science*.
- Potentsial humanitarnogo sotrudnichestva Rossii v regione SNG. (2022). Kratkoe analiticheskoe rezюме po rezul'tatam sotsiologicheskogo issledovaniya po zakazu Ros-sotrudnichestva [The potential of Russia's humanitarian cooperation in the CIS region. A short analytical summary based on the results of a sociological study commissioned by Rossotrudnichestvo]. *Evraziiskii monitor*. (In Russ)
- Sarkisyan, O. L. & Dunamalyan, N. A. (2020). Dinamika transformatsii grazhdanskoi identichnosti v sovremennoi Armenii: faktory i sub'ekty [The dynamics of the transformation of civic identity in modern Armenia: factors and subjects]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, (2), 53-72. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.05> (In Russ)
- Sumbal, M. A. (2021). *Tovuz to Karabakh: A comprehensive analysis of war in South-Caucasus*. Amazon Digital Services LLC – Kdp.
- Tokarev, A., Margoev, A. & Prikhodchenko, A. (2021). The statehood of Eurasia's de facto states: An empirical model of engagement by great powers and patrons. *Caucasus Survey*, 9(2), 93-119. <https://doi.org/10.1080/23761199.2020.1870076>
- V zone turbulentnosti. Kak zhivut i chto dumayut grazhdane stran, perezhivshikh revolyutsiyu: Dinamika massovykh nastroyenii stran Severnoi Evrazii. (2019). *Kratkii analiticheskii otchet po rezul'tatam issledovaniya v Armenii* ["In the turbulence zone. How the citizens of the countries that survived the revolution live and think": Dynamics of mass sentiments in the countries of Northern Eurasia. A brief analytical report on the results of the study in Armenia]. *Evraziiskii monitor*. (In Russ)
- Yavuz, M. H. & Gunter, M. M. (2022). *The karabakh conflict between Armenia and Azerbaijan: Causes & consequences*. Springer International Publishing.

Для цитирования: Мансуров, Т. З. Политическое урегулирование армяно-азербайджанского конфликта: возможности и перспективы / Т. З. Мансуров // PolitBook. – 2025. – № 1. – С. 98-128. – DOI 10.24412/2227-1538-2025-1-98-128

СТАТЬИ

О.В. Попова

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КЛАСС В СОВРЕМЕННОМ ГОСУДАРСТВЕ: ОЦЕНКИ ЭКСПЕРТОВ

Аннотация

Анализируются ключевые характеристики политического класса (структура, функции, модели позиционирования и взаимодействия с населением) в современном государстве с точки зрения экспертов, специализирующихся в области изучения институциональных аспектов политики. Цель исследования – выявить специфику взглядов ведущих отечественных политологов на изменения политического класса в государствах в контексте разворачивания процессов постглобализации. Проведенный в декабре 2024 г. экспертный опрос (метод нестандартизованного интервью), участниками которого стали ведущие российские политологи, представляющие академическую и университетскую науку, преподающие в ведущих университетах России, был посвящен оценке трансформации политического класса в условиях постглобализации, когда заметно меняется роль государства. Проведен сравнительный анализ представлений экспертов об особенностях состояния и функционирования политического класса в ряде стран. Российские политологи различают категории «политический класс», «политическая элита», «властвующая элита», «правлящая элита», «правлящий класс» и т.д., однако предпочитают использовать второй термин. Экспертные интервью показали, что среди ученых существуют расхождения в представлениях о структурировании современного политического класса. Некоторые эксперты убеждены, что реальной политической властью обладают социальные группы, которые не представлены непосредственно в управленческих структурах. Отмечена разнонаправленность тенденций в развитии элитных групп в различных государствах. Отмечаются проблемы со способностью национально-государственной элиты реализовывать в

О. Popova

POLITICAL CLASS IN THE MODERN STATE: EXPERT ASSESSMENTS

Abstract

The key characteristics of the political class (structure, functions, models of positioning and interaction with the population) in a modern state are analyzed from the point of view of experts specializing in the study of institutional aspects of politics. The purpose of the study is to identify the specifics of the views of leading Russian political scientists on changes in the political class in states in the context of the deployment of post-globalization processes. Methods: An expert survey (non-standardized interview method) conducted in December 2024, in which leading Russian political scientists representing academic and university science, teaching at leading universities in Russia, participated, was devoted to assessing the transformation of the political class in the context of post-globalization, when the role of the state is noticeably changing. A comparative analysis of expert assessments of the features of the state and functioning of the political class in a number of countries was carried out. Russian political scientists clearly distinguish between the categories of "political class", "political elite", "ruling elite", etc., but prefer to use the second term. Expert interviews had shown that there are differences in the views of scientists on the structuring of the modern political class. Some experts are convinced that real political power is wielded by social groups that are not directly represented in governing structures. Different trends in the development of elite groups in different states have been noted. Problems are noted with the ability of the national-state elite to implement the interests of their own state in their activities in the context of maintaining the political and economic influence of global elites and the forced loss of part of the sovereignty of

своей деятельности интересы собственного государства в условиях сохранения политического и экономического влияния глобальных элит и вынужденной потери части суверенитета странами, входящими в международные организации.

countries that are members of international organizations.

Ключевые слова:

постглобализация, современное государство, политический класс, политическая элита, структурные компоненты, функции управленческих групп.

Key words:

post-globalization, modern state, political class, political elite, structural components, functions of management groups.

* Исследование выполнено в Институте научной информации по общественным наукам РАН при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ и Экспертного института социальных исследований в рамках научного проекта № 124101700569-6 «Политический класс и государство в условиях постглобализации XXI в.».

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2025-1-129-144>

Предложенная Г. Моска категория «политический класс» прижилась в политической науке и активно используется для интерпретации многих политических процессов. Вопросы, связанные с политическим классом, тщательнейшим образом многократно проанализированы в научной политологической литературе за последнее столетие, при этом интерес к ним не снижается и в настоящее время ни в отечественной (Burenko, 2012; Gaman-Golutvina, 2016; Kolyadin, 2015; Kochetkov, 2017; Politicheskaja, 2021; Gaman-Golutvina, 2012; Kryuchkov, 2013; Tulchinskii, 2023), ни в зарубежной политической науке (Cairney, 2015; Vis B., Stolwijk, 2021). Современные исследователи говорят не только о политических классах на уровне государств, но и заявляют о возвышении в условиях глобализации транснационального политического класса, выделяя в нем руководителей ТНК, глав государств и чиновников панрегиональных организаций, чиновников международных финансовых организаций, влиятельных членов международных аналитических центров, владельцев ориентированных на рекламу популярных товаров и услуг СМИ и представителей ВПК надгосударственного уровня и военных блоков (Leyn, 2020). Несомненно, этот политический класс пришел надолго и будет существенным образом влиять на уклад существования многих государств. Однако обществоведы достаточно настойчиво в последнее время пишут о тренде постглобализации и изменении характеристик политического класса в государствах.

Обсуждение состояния политического класса, политической элиты в современных условиях должно опираться на поиск определенных ответов на вполне конкретные вопросы, что из себя представляет современное госу-

дарство и как оно меняется или изменилось в условиях постглобализации. Но единой или хотя бы доминирующей точки зрения политологов по этим проблемам нет. Идет активнейшая дискуссия, является ли постглобализация новым этапом в развитии международных процессов или необходимо следовать теории «волнового развития глобализации».

В отношении государства чуть ли ни единственная точка совпадения позиций ученых касается того, что «слухи о смерти государства оказались преждевременными». Исследователи признают, что некоторые международные организации выполняют функцию «зонтичных покровителей» для ряда стран, предоставляя им некоторые финансовые преференции и гарантии экономической и политической стабильности в обмен на часть (иногда очень значительную) государственного суверенитета. Тем не менее, и в этой ситуации эвристической неопределенности ученые стремятся проанализировать намечающиеся и проявившиеся тенденции в изменении политического класса. Безусловно, роль масс в истории никто не отменял, но сконцентрированные в руках политической элиты властные полномочия и ресурсы разного рода сохраняют ее позиции серьезнейшего политического игрока. «Действует не государство: это всегда конкретные группы политиков и государственных служащих, находящиеся в различных частях государственной системы. Но политические силы не существуют независимо от государства» (Dzhessop, 2019, с. 454).

При определении сути феномена политического класса исследователи обращают внимание на недопустимость его отождествления с политической элитой, хотя, как мы увидим непосредственно из приведенных материалов экспертного интервью, термин «политическая элита» чаще используется в научной коммуникации. Политический класс – это группа людей, которые прямо или косвенно реализуют властные полномочия, участвуют в принятии политических решений и управлении государством. Эта группа формирует властные отношения, обладает особыми привилегиями и профессиональными качествами, высокими личными доходами, хорошим материальным положением (Manolov, 2012, р. 166), властными ресурсами (экономическими, социальными, информационными, административными и политическими), рычагами влияния в системе государственного управления, авторитетом, контролирует силовые структуры государства (армию, полицию, специальные подразделения).

Политический класс имеет внутреннюю структуру. Взгляды на нее у разных ученых весьма заметно различаются. Некоторые исследователи выделяют правящую политическую элиту и бюрократический слой. Некоторые эксперты убеждены, что организация политического класса сложнее и включают в него политическую элиту, политическую олигархию и тяготею-

щие к политическому классу группы людей, которые являются частью управленческой иерархии, такие как: высококвалифицированные специалисты и эксперты, делающие политическую карьеру активисты политических партий, «представители социума, напрямую обслуживающие все части политического класса тем или иным образом» (Manolov, 2012, p. 171). Согласно еще одному подходу, который представляется наиболее взвешенным, в структуру политического класса надлежит включать политическую элиту, административную бюрократию, депутатский корпус, политических журналистов, политических советников и консультантов (Solov'yeva, 2020) и бизнес-элигу (Kochetkov, 2017).

Цель данного научного проекта – оценка российскими учеными характеристик политического класса в современном государстве. Материалы статьи носят эмпирический характер и их значимость связана с возможностью получить представление о тех аспектах существования политического класса, которые в настоящий момент представляются российским политологам наиболее значимыми.

Проведенный в декабре 2024 г. экспертный опрос (метод нестандартизованного интервью), участниками которого стали ведущие российские политологи, представляющие академическую и университетскую науку, преподающие в ведущих университетах России, был посвящен оценке трансформации политического класса в условиях постглобализации, когда заметно меняется роль государства. Объем выборки составил 24 эксперта (это достаточный объем выборки для нестандартизованных экспертных интервью; минимально рекомендуемый методическими правилами объем выборки составляет 10 человек). Критериями отбора экспертов с учетом метода сбора информации стали следующие четыре параметра: а) наличие знаний в области политологии и опыта проведения фундаментальных и прикладных исследований по темам, касающимся государства и политической элиты; б) стаж работы в области политологии в институтах РАН, ведущих университетах и аналитических центрах РФ 20 лет и более; в) высокая научная активность и топовые наукометрические показатели; г) безупречная профессиональная репутация.

При всех дискуссионных моментах построения выборки экспертного интервью (Belanovskiy, 2019; Maslennikov, 2010; Churikov, 2020; Shteynberg, 2014; Chernova, 2023; Bogner, Littig, Menz, 2018; Döringer, 2021), в частности, использования стратегии «длинного стола», примененная в данном исследовательском проекте схема отбора экспертов удовлетворяет всем необходимым методическим требованиям, как и построение гайда, и собственно проведение экспертных интервью.

Структура и функции политического класса в оценках эксперта

Вопреки достаточно четко сформулированной в рамках политической науки теории политического класса и определения в нем места политической элиты в отечественной и зарубежной политической науке, эксперты в ходе интервью обратили внимание на то, что политическая реальность оказывается сложнее в современных условиях; *«политический класс на сегодняшний день у нас несколько не структурирован в плане соотношения его с элитными кругами, с интересами, будь то бизнес-интересы, политические интересы. Вот этой структурированности сегодня мы не наблюдаем»* (эксперт 3). Эксперты отметили, что не всегда удобно использовать категорию «политический класс», определяя ее как *«совокупность групп людей, которые оказывают влияние на принятие государственных решений»* (эксперт 20), и это не обязательно чиновники. Даже в абсолютных монархиях *«были группы людей, партии, не считаться с которыми монарх не мог. Если он не слишком считался, то на это всегда у этих групп были чашки с ядом, подушка»* (эксперт 20).

Основной функционал политического класса в новых условиях становления суверенного государства в условиях постглобализации очевиден. *«Политический класс, находясь у руля государственной власти, политической власти, должен как раз решать задачи по сохранению государственного суверенитета, его технологической, цифровой и культурно-ценностной составляющей»* (эксперт 9).

Вместе с тем, экспертами, которые никоим образом не являются сторонниками «теорий заговоров», была высказана точка зрения, что подлинные политические акторы, формирующие политический класс, в современных условиях часто оказываются «невидимыми», поскольку ныне представители бюрократических управленческих кругов и публичные политики далеко не всегда принимают политические решения. *«Тот, кто контролирует повестку дня, тот, кто контролирует ресурсы, используемые для поддержания тех или иных методов, вот это режимные люди ... Существует целый ряд арен, они определяются и контролируются неформальными коалициями, теми коалициями, которые представляют интересы и потребности крупных политических инвесторов, которые контролируют, неважно, в теневой или не в теневой экономике ресурсы; они важны и для государства, и для них. Их конкуренция межсетевая, она государством, с точки зрения правовых институтов, практически не регулируется. Эти люди используют институты в таком инструментальном плане ... только для легализации тех решений, которые принимаются за рамками этих институтов»* (эксперт 21). Высказывается мнение, что *«многие правительственные проекты начинают подгоняться под те методы, которые предлагаются этими игроками. Поэто-*

му получается, что в одном государстве одновременно проводится несколько государственных политик, иногда противоречащих друг другу». Такая ситуация не является чем-то типичной для одной страны; посвященные таким случаям исследования в западных государствах встречаются часто. «Об этом и на западном опыте немало людей писало. Мы видим массу такого рода примеров» (эксперт 21).

Резюме о состоянии и характеристиках политического класса в современных условиях в оценках экспертов выглядит так: *«Реальный политический класс – это ... персоны и какие-то микрогруппировки, которые обладают возможностью проникновения в центры принятия решений ... Разные могут быть ходы, пути, варианты обхода ... гражданских вето-пространств. Существует право, существует какой-то контроллинг, правовой надзор и так далее. Вот это реальные политики, реальные. Часть из них имеет абсолютно непубличный характер. Латентная сфера государственной политики значительно более функциональна, более политизирована, чем сама система государственного управления»* (эксперт 21). Ключевая задача политического класса – *«самосохраниться за счет передачи полномочий, накопленных богатств и ресурсов своим наследникам, прямым, в прямом смысле слова, наследникам»* (эксперт 4). Обновление элиты необходимо, но этот процесс должен находиться под контролем общества. Существует взаимозависимость между характеристиками политической элиты и решаемыми ей задачами: *«Как изменяется ресурсная база этих игроков, так меняются и поставленные задачи, возможности реализации тех или иных целей ... Изменяется контекст, соответственно, и деятельность, форма, видоизменяются также взаимоотношения»* (эксперт 5).

В определенные моменты доминирующие представители элит сами делают ставку на их обновление. Такова ситуация в России в настоящее время: *«Сейчас поставлена четкая задача привлечь в элиту новую "свежую кровь", в частности, из числа участников СВО. Вопрос смены элит стоит остро не только из-за необходимости омоложения, но и из-за изменения системы ценностей. Старые элиты остаются носителями ценностей 1990-х и начала 2000-х, связанных с эпохой Ельцина. Теперь перед ними стоит выбор: перестроиться под новую реальность или уйти на замену. Речь идет о вдумчивом, но быстром процессе смены элит ... Те, кто не сможет адаптироваться к новой системе ценностей, рискуют потерять свое место. При этом речь идет не только о моральных аспектах, таких как коррупция, но и о политической идеологии, которая становится ключевым фактором выживания и успеха в новой системе»* (эксперт 6).

Высказывается точка зрения, что единого политического класса в современном государстве просто не существует. *«Многие функционально необходимые ассамблеи, то есть сборки вот этих игроков, которые пытаются решить какую-то проблему, прежде всего в своих интересах, они очень разнородны»*. Сам факт принадлежности к определенному управленческому институту и даже занятие высокой должности в нем, согласно этому мнению, не гарантируют обладание властью и реальной возможности принятия политических решений. *«Многие крупные чиновники, которые формально, как бы сказать, легализуют и олицетворяют эти решения, они к самому процессу принятия решений никакого отношения не имеют. А все это происходит за рамками государства»* (эксперт 21).

Но обосновывается и иная точка зрения. Если *«в 1990-е годы представители крупного бизнеса воспринимали себя как руководителей, акторов в отношении государственного аппарата, сейчас ситуация явно противоположная. Государство претендует на то, чтобы диктовать крупному бизнесу, по каким правилам ему жить и в каком направлении развиваться. Главное, что существует совершенно другой общественный запрос. Например, в 1990-е годы повестка была такая, что мы все работаем не на государство, мы работаем на самих себя»* (эксперт 1).

У российских политологов отличаются представления по поводу внутренней структуры политического класса. В ходе экспертного опроса были четко обозначены 2 точки зрения. Во-первых, высказано предложение делить политический класс на 4 категории: чиновников, бизнес, *«представителей электората»* и *«военных чиновников»* (эксперт 20). В качестве надежных источников информации о составе политического класса в нашей стране исследователи называют «Независимую газету», которая ежемесячно публикует список 100 наиболее влиятельных политиков. Российский список представителей политического класса (максимально соответствующий действительности, по мнению российских ученых) присутствует и в тг-канале Е. Минченко «Политбюро 2.0». В нем можно обнаружить лишь двух *«представителей электората»* – В.В. Путина и С.С. Собянина; Р. Кадыров может претендовать, по оценкам экспертов, *«только на место среди кандидатов в "Политбюро"»* (эксперт 20). Проблема заключается в том, что в современной России партии и политическая элита регионального уровня выглядят не слишком убедительно и влиятельно в глазах избирателей, а максимальный политический вес объективно имеют представители крупного бизнеса.

Во-вторых, было высказано предложение структурировать политический класс на 6 или 7 групп, самые заметные из которых – *«ядро»*, *«пропагандистские коалиции»*, *«кураторы крупных проектов»*. Есть слои, которые

«пытаются централизовать сам процесс регулирования, управления и защищать те группы, которые добились преимуществ во власти». При этом *«в правящем классе возникает такой слой элиты, который не имеет никакого отношения к принимаемым решениям, но сохраняет контакты с населением» (правление в тени иерархии, по определению Б. Джессопа)* (эксперт 21). В результате одни группы в политическом классе принимают решения, а другие, коммуницируя с обществом, пытаются объяснить конструктивный, а подчас и единственно возможный характер этих решений. Парадокс заключается в том, что эти группы несут ответственность за политические решения перед обществом, но к их принятию никакого отношения не имеют.

Тенденции в изменении политической элиты

Возможности изучения реального политического класса в современных государствах, по мнению экспертов-политологов, в значительной степени ограничены. Все же в некоторых зарубежных западных государствах существуют шансы на анализ каких-то отдельных, в основном локальных процессов, связанных с политическим классом. В России практика подобных исследований весьма ограничена. В Китае *«вообще изучать госслужбу, даже не говорю про принятие решений, нельзя ... Все эти исследования либо затруднены, либо они исключены во многих государствах»* (эксперт 21). Но при этом в общем виде в научной литературе многие формы изучения *«подобных ассамблежей»* описаны, они подходят для объяснений каких-то крупных макро- или даже мегапроцессов. Актуально изучение *«персонального воплощения новых постглобализационных трендов»*: заслуживают внимания аналитиков такие политические тяжеловесы и представители политической контр-элиты, как Дональд Трамп, его вице-президент Джеймс Вэнс, Стив Бэннон, Найджел Фарадж, Мари Ле Пен, Виктор Орбан, Роберт Фицо, Сара Вагенкнехт и Алиса Вайдель (кандидат в канцлеры от «Альтернативы для Германии») и др.

Главный тренд существования политического класса на Западе – это обособление элит от населения. Эти группы все больше отдаляются от обществ, в которых базируются, принимая разные формы, вплоть до создания глобальных элит, которые частично захватили контроль над политикой в США и Европе. При этом политический класс в Европе потерял самостоятельность в выработке курса, а политический класс в США расколот по трем позициям: *«с какими странами дружить, с какими странами вступать в конфронтацию», «в отношении семьи», «в отношении мигрантов»* (эксперт 9), что так или иначе отражается на политическом классе в Европе. Но *«речь идёт о способностях политической элиты консолидироваться вокруг ключе-*

вых вопросов национальной повестки» (эксперт 9), именно это дает шанс на сохранение данной группы в качестве части управленческой команды.

Современная политическая реальность России создает новые возможности для населения, обеспечивая систему более открытых социальных лифтов для попадания и в политический класс, и в собственно элитные группы. *«Сейчас у нас в политический класс стало чуть больше социальных лифтов, которые позволили эту деструктуризацию внести. На вопрос, чьих вы кровей будете, ответить мало кто может. Соответственно, мы видим появление таких лифтов, как новые образовательные программы для подготовки элиты высшего уровня (школа мэров, школа губернаторов, "Лидеры России", "Время героев". Это те социальные лифты, которые приводят в политический класс новых управленцев, новых людей ... сама ситуация подстегнула сделать это сейчас, более форсировано эти лифты открыть и заставить работать» (эксперт 3).* В качестве значимого шага в направлении обновления состава политического класса в России эксперты назвали платформу (проект) «Лидеры России» (первый конкурс прошел в 2017–2018 гг.), которая позволила проникать в политический класс *«так называемых технократов»*, но одновременно дала старт развитию других программ.

В целом оценка качества элит зарубежных стран у экспертов скептическая; по их мнению, наблюдается резкое ухудшение их системных характеристик. В этом легко убедиться, *«достаточно посмотреть на лидеров политических партий, на кандидатов в премьер-министры, на лидеров общественного мнения во многих странах. Мы видим ухудшение качества этих людей. Они не способны транслировать общенациональную повестку дня, не способны долго продержаться на определенном уровне политического влияния. Их политические организации нестабильны, подвержены ломкости, хрупкости. И, возможно, это входит в определенные правила игры, которые устанавливают не партийные лидеры или лидеры общественной ассоциации, а глобальные элиты, т.е. те структуры, которые обладают гораздо большим объемом ресурсов» (эксперт 1).*

Таким образом, высказывается предположение, что на состояние политического класса в современных государствах оказывают влияние наднациональные элиты. Важнейшая проблема политического класса – нести ответственность за свои действия, но ее *«никто ни за что не несет. Вот это самое плохое. А это ведь главная добродетель политика, по Максу Веберу, это ответственность перед своим делом» (эксперт 4).* Эксперты говорят об определенной депрофессионализации политической элиты, росте популизма, изменении стиля поведения *«под влиянием социальных сетей, эмоциональной*

составляющей и вопреки рациональной» логике (эксперт 13), о снижении обоснованности и адекватности принимаемых решений.

Примеры последних лет в западных странах явно показывают, как легко в политическом классе проводились замены сегментов, которые, казалось бы, были защищены общественным мнением и поддержкой населения: *«Сломана коалиция СИРИЗА в Греции, фактически эту страну заставили признать долги ... свергнуто правительство в Италии, которое называли популистским и привели к власти идеологически противоположное правительство без всяких выборов. В Испании около 15% голосов были фактически украдены у левой коалиции Подемос; она сейчас практически не располагает влиянием, эти голоса были переданы управляемым левым...»* (эксперт 1). В зарубежных странах существует страх перед оппозицией; делается все, чтобы реальная оппозиция не могла занять значимые места в политическом классе. *«То, что происходит в Германии в отношении "Альтернативы для Германии", в отношении партии Вагенкнехт, во Франции это отношение к Национальному объединению Мари Ле Пен и так далее, и тому подобное. Это признаки болезни системы»*). Входящие в политический класс группы периодически меняются. Если в государствах Латинской Америки 20–25 лет назад был *«правый поворот»*, то сейчас наблюдается более умеренный *«левый»* (эксперт называет его *«розовым»*). Ключевые проблемы общества и государства оказались не решены, поскольку эти ныне стремящиеся к власти партии вновь выдвигают *«идеи социальной инклюзии, более равномерного распределения доходов, равноправия расовых и этнических групп, федерализации, а в ряде стран и сепаратизма»* (эксперт 1).

Шанталь Муфф писала, что многие страны Запада находятся в ситуации постполитики, когда нет реального выбора и конкуренции, а *«идеологические расхождения сведены к игре имиджей, к каким-то словесным манипуляциям в предвыборных технологиях»*. Такая ситуация во многих странах, а *«это означает, что политическое пространство все равно будет заполняться какими-то альтернативными проектами»* (эксперт 1). В западных государствах (Франция, Германия, США, Финляндия, Польша и др.) наблюдается поворот к консерватизму или ведется активный поиск внешнего врага (эксперт 15). Есть многочисленные примеры, когда именно политический класс, ориентируясь на международную проблематику, диктует населению предельно агрессивную внешнюю политику: в Швеции и Финляндии население *«вообще не спросили, просто политический класс принял решение и вовлек эти страны»* в НАТО (эксперт 3).

При этом отдельные эксперты высказали мнение, что политический класс подстраивается под общественное мнение. *«Политический класс, по-*

литическая элита, она подстраивается под ту тенденцию, ту стратегию, которая вырабатывается в том или ином государстве» (эксперт 2). В качестве примера была приведена ориентация населения России на либеральные идеи в 1990-х годах; только когда стало понятно, что «Россия Европе не нужна, Западу тем более, пришлось искать другой вариант». После возвращения Крыма в состав России из двух противоположных тенденций в общественном мнении – «европейской и суверенной» – верх стала брать вторая, после чего «формирующийся политический класс, политическая элита, которая не разделяет общую позицию, она стала отходить от рычагов управления». Этот же эксперт назвал нынешнюю российскую элиту «достаточно консолидированной». Она выступает за развитие «суверенной России, которая имеет свою собственную позицию по практически всем вопросам, стараясь не конфликтовать с теми, с кем уже налажены хорошие отношения». Именно та часть элиты, которая поддерживает «стратегию суверенизации страны, она сейчас формирует политический класс» (эксперт 2). «Доминирующая группа, которую представляет Путин, становится чрезвычайно важной в принятии решений и определении политики» (эксперт 5).

Наблюдаются две разнонаправленные тенденции: «приход к власти национально-ориентированных политиков и чиновников, деятельность которых направлена на усиление роли и потенциала государств, расширение государственного суверенитета (Венгрия, Турция, Азербайджан, Индия, Китай). В других случаях наблюдается усиление поляризации и борьбы внутри политического класса между сторонниками глобализма и антиглобалистскими группами (США, Франция, Германия, Польша, Словакия, Хорватия, Австрия, Нидерланды)» (эксперт 10). Положение национальной политической элиты напрямую зависит от степени ее отдаленности от ядра глобальной транснациональной элиты, кроме случая США; в развивающихся странах существуют риски «потери элитой своей субъектности, когда государственная повестка подменяется на корпоративную» (эксперт 11).

Заслуживает внимания неоднородность динамики политического класса в разных государствах: «пересменка» правящих элит в США, тенденции к правительственному кризису в Германии, в независимых государствах на постсоветском пространстве проявляется кризис легитимности, связанный с последствиями внутренней политики, но так или иначе касающийся внешней политики (случай Грузии с нежеланием признать результаты парламентских выборов и недовольство паузой в процессе евроинтеграции). «В условиях постглобализма по-прежнему используются методы инспирирования социальной динамики в противовес правящему порядку, которые разрабатыва-

лись для проведения глобалистской повестки в целом и совершения демократического перехода (как предполагается, перехода "снизу")» (эксперт 12).

Невозможно игнорировать случаи, когда фактическая «утрата суверенитета ведет к изменению роли политико-административной элиты», как это можно наблюдать в ряде государств: «Казус Молдавии, это прибалтийские лимитрофы, это современная Украина, когда местная политико-административная элита является либо прямыми ставленником западных государств и международных транснациональных компаний, либо служит интересам конкретных внешних государств». «Если происходит полное поглощение и растворение суверенитета более сильными игроками, политико-административные элиты выполняют волю хозяев игры», «когда решаются интересы чужих стран и корпораций в границах конкретно взятого государства» (эксперт 17).

Состояние политико-административной элиты государств, сохранивших суверенитет, также имеет определенные проблемы: чаще всего она не едина, что можно наблюдать в таких странах, как КНР и Иран. В Китае есть внутренний раскол между элитными группами, одна часть из которых считает, что нужно выстраивать более жесткие принципы суверенной политики и экономики и противостоять «либеральному глобализму», а другая настаивает на тесном сотрудничестве с Вашингтоном, выполнении всех его условий, взаимодействии с Международным валютным фондом, Всемирным банком; эксперты называют такую позицию «некой колонизацией на новый лад» (эксперт 17). Налицо в политическом классе ситуациях трех «не»: «неравномерности, несплоченности и неединства».

Лишь некоторые страны, встроенные в систему международных институтов, за экономическое и политическое покровительство в которых они должны расплачиваться собственным суверенитетом, пытаются отстоять национальные интересы (например, Словакия и Венгрия в Евросоюзе); отдельные проблески стремления к защите национальных, государственных интересов можно наблюдать у представителей политического класса других государств, входящих в эту организацию. В тяготеющих к авторитаризму странах можно наблюдать «внешнюю консолидацию правящего класса ... ради усиления влияния своих государств в мировых отношениях, в мировом порядке» (эксперт 18).

Дискуссионные вопросы

Опрос показал ряд тем, которые требуют уточнения позиций экспертов.

Во-первых, речь идет о сходстве/различии тенденций развития отечественной и зарубежной политической элиты как наиболее значимого компонента политического класса.

Во-вторых, нет единого понимания характеристик национальных элит в ситуации сохранения мощи/усиления элит глобального уровня.

В-третьих, необходимо более четкое понимание модели отношения политического класса с государством (в трактовке, представленной в работе Б. Джессопа, т.е. не как совокупности институтов, а людей, обладающих реальной властью на различных ее этажах).

В-четвертых, у экспертов отсутствует представление о то, какая из двух тенденций – фрагментация или консолидация политического класса – в настоящее время проявляется сильнее.

В-пятых, необходима дополнительная аргументация корректности существующих методов оценки управленческой эффективности национальных элит.

В ходе интервью эксперты больше внимания обращали на ситуацию с политическим классом в России, однако некоторые их наблюдения относительно политического класса в зарубежных странах также заслуживают внимания. Продолжается противостояние национально-ориентированных и глобалистских элит внутри конкретных государств. Наблюдается углубление раскола правящего класса в развитых странах (США, Франция, Германия, Польша, Австрия, Нидерланды и т.д.) и внешняя консолидация правящего класса в государствах, выступающих за плюралистический миропорядок и претендующих на роль активных мировых игроков в условиях постглобализма (Венгрия, Турция, Азербайджан, Индия, Китай и т.д.). В сохранивших свой суверенитет государствах политико-административная элита не едина.

Политические элиты в ряде стран не просто поддерживают глобалистский курс, но находятся в подчиненном положении относительно глобальной элиты. Наблюдается снижение уровня компетентности, качества, профессионализма и влияния политико-управленческого корпуса в странах Европы, растворяется его субъектность под влиянием глобальной элиты. Маргинализация реальной оппозиции снижает политическую конкуренцию в странах Европы. Модели идентичности политических лидеров стран Запада становятся менее отчетливыми, сложными и противоречивыми. Ценности христианской традиции и политические идеологии, за исключением неolibеральной, утрачивают роль маркеров идентичности. Укрепляются порожденные членством в глобальных альянсах политико-психологические связи с государством-гегемоном и космополитическим сообществом транснациональных элит.

Политические лидеры все больше теряют свою автономность, становясь зависимыми от консультантов и технологий, что трансформирует природу публичной политики. Эксперты видят залог устойчивости государства перед вызовами современности в обновлении политической элиты. Снижаются требования к управленческому корпусу: в текущих условиях высокой неопределенности позитивным результатом может являться всего лишь минимизация управленческих ошибок элиты. Выбор Россией суверенной модели развития в противовес общеевропейской обеспечивает обновление политического класса. Продолжается рост субъектности российского государственного аппарата и престижа государственной службы. В условиях геополитической турбулентности происходит политическая мобилизация российской государственно-управленческой элиты.

Взаимодействие политического класса и государства должно соблюдать следующие принципы: отчетность и прозрачность, сотрудничество и взаимопонимание, учет общественного мнения, высокая скорость принятия решений и исполнения поручений, технологичное делопроизводство. Действия политического класса в настоящее время в значительной степени определяется личными карьерными интересами. Тренды интересов государств и политико-административных элит начинают расходиться, что порождает массовый запрос на национально-ориентированных политиков. Однако в большинстве случаев этот запрос удовлетворяется как идейными, так и конъюнктурными популистами. Эксперты в целом положительно оценивают существующую систему критериев эффективности работы государственных служащих, губернаторов (KPI). Один из главных критериев оценки эффективности работы политика – качество жизни и благосостояние населения.

При рекрутировании и ротации политической элиты значимо следование универсальным формальным правилам оценки деятельности политико-управленческого корпуса. Необходимо введение персональной проектной ответственности, уравнивание размера оплаты труда в госсекторе с заработной платой в коммерческом корпоративном секторе, ротацию кадров в сфере гражданского администрирования с поддержанием компетентностной мобильности. Требуется обеспечение постоянного межведомственного взаимодействия элитных управленческих групп на основе сотрудничества.

Необходимо формирование компетентного корпуса муниципальных управленцев, способных обеспечить эффективную коммуникацию с населением, принятие и реализацию ответственных политико-управленческих решений. Обязательными системными требованиями к национально-государственной элите являются принципы служения интересам страны и гражданской солидарности. Губернаторы в нынешней ситуации с различны-

ми «черными лебедями» (например, необходимость в условиях пандемии проведения достаточно самостоятельной региональной политики для преодоления ее последствий) нередко выполняют функции менеджеров, операторов бюджетных трансфертов для успешной реализации национальных проектов. Набирает силу тенденция горизонтальной и вертикальной ротации кадров внутри федеральных и региональных элит.

Перед политическим классом ставится объективная задача сочетания цифровых и нецифровых (т.е., как правило, силовых или рестрикционных) методов госуправления для достижения необходимого результата – сохранения статус-кво и недопущения неподконтрольных актов инициативного политического поведения масс. Цифровизация влияет не только на процесс управления, но и на процесс рекрутирования политико-административного класса. Она предъявляет новые требования к процессу формирования команд, которые способны управлять цифровой повесткой и медиасферой, обладают качествами цифровых лидеров в медийной повестке. Постепенно формируется новая когорта субфедеральной элиты, способная участвовать в принятии решений, определяющая своё влияние в цифровой медиа сфере.

Способность проводить самостоятельную, национально-ориентированную суверенную политику, обеспечивая развитие страны, ее конкурентоспособность на внешнем контуре и поступательное экономическое и социальное развитие, включая повышение благосостояния граждан, на внутреннем, является важнейшим критерием эффективности политической элиты. Другими важнейшими критериями эффективности функционирования политического класса эксперты называли исполняемость поручений, профессионально понятную, своевременную коммуникацию с населением, удовлетворенность людей проводимой политикой и повышение институционального доверия граждан.

References

- Belanovskiy, S. (2019). *Glubokoye interv'yu i fokus-gruppy* [Deep interviews and focus groups]. (In Russ)
- Bogner, A., Littig, B. & Menz, W. (2018). *Generating Qualitative Data with Experts and Elites*. In: Flick U. (ed.) *The SAGE Handbook of Qualitative Data Collection*. London: Sage, 652-667. <https://doi.org/10.4135/9781526416070.n41>
- Burenko, V. I., & Shumilov, A. V. (2012). The political class of modern Russia in the context of the instrumental approach. *PolitBook*, (4), 9-18. (In Russ)
- Cairney, P. (2015). What Do We Mean When We Talk about the 'Political Class'? What Do We Mean by the 'Political Class'? *Political Studies Review*, 15(1), 18-27. <https://10.1111/1478-9302.12092>
- Chernova, Z. V. (2023). Methodological Aspects of Expert Interviews: Approaches, Opportunities, and Limitations. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. (5). 74-90. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.5.2418>. (In Russ)

- Churikov, V. (2020). *Osnovy postroyeniya vyborki dlya sotsiologicheskikh issledovaniy* [Basics of constructing a sample for sociological research]. (In Russ)
- Döringer, S. (2021). The Problem-Centred Expert Interview: Combining Qualitative Interviewing Approaches for Investigating Implicit Expert Knowledge. *International Journal of Social Research Methodology*, 24(3), 265-278. <https://doi.org/10.1080/13645579.2020.1766777>
- Dzhessop, B. (2019). *Gosudarstvo: proshloye, nastoyashcheye i budushcheye* [The State: Past, Present and Future]. (In Russ)
- Gaman-Golutvina, O. V. (2016). Politicheskie jelity kak ob#ekt issledovaniy v otechestvennoj politicheskoy nauke [Political elites as an object of research in domestic political science]. *Politicheskaya nauka*, (2), 38-73. (In Russ)
- Gaman-Golutvina, O. V. (red.) (2012). *Politicheskii klass v sovremennom obshchestve* [Political class in modern society]. (In Russ)
- Kryuchkov, V. A., Skovikov, A. K., & Titova, O. N. (2013). Political Elite: A Theoretical Aspect. *Fundamental research*, 11(8), 1736-1740.
- Kochetkov, A. P. (2017). Osobennosti formirovaniya i razvitiya politicheskogo klassa sovremennoy Rossii [Features of the formation and development of the political class of modern Russia]. *Vlast'*, (1), 12-18. (In Russ)
- Kolyadin, A. M. (2015). *Sub'yektnost' politicheskogo klassa i yego sotsial'naya znachimost'* [Subjectivity of the political class and its social significance]. (In Russ)
- Leyn, D. (2020). Ot natsional'noy vlastvuyushchey elity k global'nomu politicheskomu klassu [From National Ruling Elite to Global Political Class]. *Rossiya v global'noy politike*, 21. 6(124), 217-221. (In Russ)
- Manolov, G. L. (2012). The political class – definition and characteristics. *Facta universitatis. Series: Economics and Organization*, 9(2), 161-175.
- Maslennikov, V. Ye. (2010). Osobennosti otbora ekspertov [Features of the selection of experts]. *Sotsiologiya*, 2, 82-93. (In Russ)
- Mosca, G. (1939). *The ruling class*.
Politicheskaya jelita sovremennoy Rossii: problemy stanovleniya i razvitiya (2021) [The political elite of modern Russia: problems of formation and development]. (In Russ)
- Shteynberg, I. Ye. (2014). Logicheskiye skhemy obosnovaniya vyborki dlya kachestvennykh interv'yuu: «vos'miokonnaya» model' [Logical schemes for justifying sampling for qualitative interviews: the "eight-window" model]. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoye modelirovaniye* (Sotsiologiya: 4M), (38), 38-71. (In Russ)
- Shteynberg, I. Ye. (2021). *Metod «dlinnogo stola» v kachestvennykh polevykh sotsiologicheskikh issledovaniyakh* [The Long Table Method in Qualitative Field Sociological Studies]. (In Russ)
- Solov'yeva, D. D. (2020). Podkhody k ponimaniyu struktury i komponentov politicheskogo klassa [Approaches to understanding the structure and components of the political class]. *Sotsial'no-politicheskiye nauki, KH(1)*, 33-39. (In Russ).
- Tulchinskii, G. L. (2023). Smysl vlasti i vlast' smysla: pragmasemantika sootnosheniya politicheskoy vlasti i smysloobrazovaniya [The meaning of power and the power of meaning: pragmasemantics of the relationship between political power and meaning making]. *Polis. Political Studies*, (6), 180-188. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.06.13> (In Russ)
- Vis, B. & Stolwijk, S. (2021). Conducting quantitative studies with the participation of political elites: best practices for designing the study and soliciting the participation of political elites. *Quality & Quantity*, (55), 1281-1317.

Для цитирования: Попова, О. В. Политический класс в современном государстве: оценки экспертов / О. В. Попова // PolitBook. – 2025. – № 1. – С. 129-144. – DOI 10.24412/2227-1538-2025-1-129-144

О.Б. Януш

O. Yanush

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ПРЕДМЕТНОМ ПОЛЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ *

FOREIGN LANGUAGE BORROWINGS IN THE SUBJECT FIELD OF POLITICAL REGULATION

Аннотация

Актуальность исследования обладает высокой значимостью в условиях гибридного противостояния России и «коллективного Запада», включающего не только экономические, военно-политические, информационные способы воздействия, но и символические инструменты давления. Курс на всестороннее укрепление государственного суверенитета Российской Федерации предполагает в том числе отстаивание цивилизационной самостоятельности российского общества, что меняет содержательное наполнение самого понятия «суверенитет» и смещает акценты на независимое социолингвистическое развитие всех тех, кто владеет русским языком как коммуникативным кодом страны. В то же время заимствования в русском языке в отечественном академическом сообществе пока не стали предметом многосторонней и трансдисциплинарной исследовательской разработки.

Цель исследования состоит в осмыслении языковых составляющих культурного суверенитета, связанных с формированием языкового устройства российского общества на собственной культурно-ценностной основе.

Методы и результаты: аналитическая модель, включающая уровни анализа в поле лингвистики: семантический, синтаксический, социолингвистический, прагматический; анализ программных документов, описательные процедуры частотности ряда иностранных заимствований в центральных СМИ (Национальный корпус русского языка); вторичный анализ результатов социологического опроса ВЦИОМ «Русский язык: развитие, обогащение, распространение» (март 2021 года, n=1600).

Процессы иноязычных заимствований –

Abstract

The relevance of the study is highly significant in the conditions of hybrid confrontation between Russia and the "collective West", including not only economic, military-political, informational methods of influence, but also symbolic tools of pressure. The course towards the strengthening of the state sovereignty of Russia also implies upholding the civilizational independence of Russian society, which changes the substantive content of the very concept of "sovereignty" and shifts the emphasis to the independent sociolinguistic development. Borrowings in the Russian language in the domestic academic community have not yet become the subject of multilateral and transdisciplinary research development.

The purpose of the study is to understand the linguistic components of cultural sovereignty.

Methods and results: levels of analysis in the field of linguistics: semantic, syntactic, sociolinguistic, pragmatic; analysis of program documents, descriptive procedures for the frequency of a number of foreign borrowings (National Corpus of the Russian Language); secondary analysis of the results of the All-Russian Public Opinion Research Center's sociological survey (March 2021, n = 1600).

Conclusions: processes of foreign language borrowings are challenges to the country's cultural security; counteraction to them can be expressed in the creation of an institutional environment most favorable to the Russian language.

вызовы культурной безопасности страны; противодействие им может быть выражено в создании институциональной среды наибольшего благоприятствования для русского языка.

Ключевые слова:

культурный суверенитет, культурная безопасность, русский язык, англицизмы, политика языкового пуризма, языковое регулирование.

Key words:

cultural sovereignty, cultural security, Russian language, Anglicisms, policy of linguistic purism, language regulation.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2025-1-145-172>

* Работа выполнена за счет гранта Академии наук Республики Татарстан, предоставленного молодым кандидатам наук (постдокторантам) с целью защиты докторской диссертации, выполнения научно-исследовательских работ, а также выполнения трудовых функций в научных и образовательных организациях Республики Татарстан в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Научно-технологическое развитие Республики Татарстан».

Вопросы, связанные с масштабами и ролью иноязычных заимствований в современном российском публично-информационном пространстве, вызывают разнородную реакцию со стороны тех или иных экспертно-профессиональных сообществ и в разных же жанровых сегментах. Можно сказать, что с особой остротой осуждающие высказывания звучат в сфере публицистики, в эссеистике, в эмоционально окрашенных суждениях морально-ценностной направленности и, главным образом, со стороны так называемой символической гуманитарной элиты. «Когда мы заимствуем из другого языка, мы начинаем подчиняться логике другой системы понятий. В наших СМИ давно воспроизводят кальку либеральной западной печати – нам нужно от этого отказываться: зависимость лингвистическая и понятийная рождает зависимость политическую»¹. Философ А. Дугин также высказывался на этот счет: «Нарративов бесконечное количество. Язык – один. Когда мы говорим о суверенитете духовном, культурном, цивилизационном – а именно об этом говорит президент В. Путин в своих посланиях – это с каждым днем приобретает все большую актуальность. Речь идет не о суверенных нарративах, а о суверенном языке, на котором можно будет высказать миллиарды суверенных нарративов»².

Ряд экспертов осмысливает процесс заимствований в парадигме цивилизационного подхода и проводит параллели с периодом галломании – модой на все французское в XIX веке. Победа в Отечественной войне 1812 го-

¹ Пушкин, А. (2022). Русский язык нуждается в такой же защите, как и национальный суверенитет. Парламентская газета. <https://www.pnp.ru/social/pushkovrusskiy-yazyk-nuzhdaetsya-v-takoy-zhe-zashchite-kak-i-natsionalnyy-suverenitet.html>

² Дугин, А. (2022). Нам нужен суверенный язык. <https://izborsk-club.ru/23504>

да имела переломное значение в сознании русской элиты, осознавшей самоценность собственного языка, национальной культуры и цивилизации – проекта, который может конкурировать с великими мировыми державами¹. Процесс заимствований, происходящий в русском языке, как и в XIX веке, является отражением глобального процесса присоединения к западной цивилизации с доминированием американской культуры. «Заимствования, – пишет М. Кронгауз, – самый яркий и грустный пример того, что мы не создаем общественные, профессиональные и культурные отношения, а скорее заимствуем их вместе с соответствующими словами, т.е. живем в условиях трансляции чужой культуры» (Кронгауз, 2018, с. 140). Как отмечает В. Мараховский, наилучшим средством защиты русского языка выступает «наличие и воспроизводство в самой России всех тех великих сущностей, которые упакованы в русские слова: от вертолетов, истребителей и космических спутников до вакцин и математических школ². Иными словами, русский язык должен быть большим языком науки, искусства, образования, высоких технологий и научных достижений.

Специфика публицистики как жанра не предполагает развернутой логико-теоретической экспликации рассматриваемого понятия, но активизирует исследовательскую активность в рассматриваемой области. Академические подходы к теме призваны способствовать отходу от радикальных версий пуризма и утрированных интерпретаций. Предметом многосторонней и трансдисциплинарной исследовательской разработки в отечественном академическом сообществе заимствования в русском языке пока, по всей видимости, еще не стали, что обосновывает актуальность и необходимость их аналитического осмысления.

В качестве общей аналитической модели предлагается выделить несколько составляющих в исследовательском поле самой лингвистики. Рассмотрение заимствований в аспектах семантики позволяет выстраивать соответствующие типологии с точки зрения статусов заимствуемых языковых единиц: заимствования-термины, заимствования-концепты и заимствования-знаки. Синтаксический уровень рассмотрения заимствований пригоден для понимания перспектив функционирования языковых единиц с точки зрения их укоренения или обретения органичности в употреблении. В ракурсах социолингвистики становятся видными специфические свойства заимствований в субкодах, таких как социолекты, жаргон или сленг (например, менеджеров, офисных сотрудников, айтишников или биржевых аналитиков, специалистов корпоративного стратегического планирования). Прагматический

¹ Власова, О. (2023). Надо ли спасать русский язык от колорадского жука? Культура, 22.

² Мараховский, В. (2021). Русский язык снимает треники и надевает тройку. Культура, 3.

анализ позволяет сфокусировать внимание на функционировании знаков в речи и отношении говорящих к этим знакам.

Предпринят анализ программных документов, содержащих положения о культурном суверенитете и противодействии излишнему использованию иностранной лексики; парламентских дебатов и дискуссий СМИ, касающихся ограничительных мер в отношении избыточных заимствований.

С помощью Национального корпуса русского языка проведены описательные процедуры, позволившие определить частотность ряда иностранных заимствований в центральных СМИ («праймериз», «дорожная карта», «саммит», «сенатор», «волонтер», «нарратив», «блокчейн», «дедлайн», «маркетплейс»). Обращение к газетному корпусу обусловлено содержанием текстов современной тематики, отражением текущего языкового употребления, доступностью (Савчук, 2011, с. 149-150) и тем, что СМИ выступают своего рода «посредниками» в языковом процессе иностранных заимствований, которые в силу регулярной повторяемости проникают в общелитературный язык и становятся популярными (Баско, 2017, с. 121). Технические инструменты Национального корпуса (Савчук и др., 2024) – охват статей начиная с 1983 года и по 2021 год, просмотр примеров из корпуса, построение графиков распределения по датам, относительная частота употребления за определенную дату (ipm) позволяют осуществлять мониторинг языковых изменений, т.е. циклы жизни языковых заимствований (появление, пиковые значения, становление привычными).

Эмпирическую часть исследования также составили результаты социологического опроса ВЦИОМ «Русский язык: развитие, обогащение, распространение» (март 2021 года, n=1600). Для вторичного анализа был отобран ряд количественных данных, что позволило оценить общественные предпочтения и установки относительно заимствований в русской речи.

В январе 2023 года Указом Президента Российской Федерации были внесены изменения в Основы государственной культурной политики. Появилась новая редакция абзаца о защите и поддержке русского языка, в котором «противодействие излишнему использованию иностранной лексики» отнесено к задачам государственной культурной политики¹. В документе закрепляется понятие культурного суверенитета как «совокупности социально-культурных факторов, позволяющих народу и государству формировать свою идентичность, избегать социально-психологической и культурной зависимости от внешнего влияния, быть защищенными от деструктивного идеологического и информационного воздействия, сохранять историческую память, придерживаться традиционных российских духовно-нравственных

¹ Указ Президента Российской Федерации от 25 января 2023 года № 35 «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 года № 808». <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202301250004?index=9&rangeSize=1>

ценностей». В феврале 2023 года были внесены изменения в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации». Как отмечают авторы Пояснительной записки, основной смысл законодательной инициативы – защитить русский язык и существенно ограничить использование англицизмов и иностранных слов на всей территории России и, прежде всего, в публичном пространстве (в сфере рекламы, при продаже товаров, выполнении работ либо оказании услуг потребителям, в продукции СМИ, при осуществлении градостроительной деятельности и т.д.)¹. В документе также отмечается, что должно стать невозможным использование на вывесках и витринах таких надписей, как «coffee», «fresh», «sale», «shop», «open» и должна прекратиться практика присвоения жилым комплексам и поселкам (кварталам, микрорайонам) названий на иностранных языках либо с использованием производных от иностранных слов и выражений. В стратегическом документе Правительства России «противодействие излишнему использованию иностранной лексики» закреплено в качестве приоритетного направления реализации государственной культурной политики².

История развития русского языка, как отмечает М.В. Орешкина, свидетельствует о том, что в разные эпохи в русский лексикон вошло большое количество иноязычных заимствований, прижившихся в языке и «осевших» в русском словаре (Орешкина, 2023, с. 151): VII–XII вв. и до XIV–XVIII вв. – заимствования из финно-угорских языков, из германских (скандинавских), греческого, тюркских языков. В XVI–XVIII вв. русский язык пополнился заимствованиями из польского языка. В процессе европеизации русского языка в XVIII–XX вв. происходит активное заимствование лексики из западно-европейских языков – немецкого, французского, английского, голландского. В этом смысле российское государство – цивилизация представляет собой «пласт многовековых культурных заимствований» (Баско, 2017, с. 112). По мнению специалистов, в корпусе русского языка не более 10 % слов, которые используются в бытовой, публичной или научной коммуникации, имеют исконно русские корни. Заимствования выступают способом расширения словарного состава любого языка, расширяют выразительные возможности и свидетельствуют о новых тенденциях.

В то же время раздражение, тревогу и возмущение вызывает неуместное, неумеренное и необоснованное использование в русской речи иностранных заимствований, прежде всего, англицизмов. Для российского ин-

¹ Пояснительная записка к законопроекту № 468229-8 «О внесении изменений в Федеральный закон "О государственном языке Российской Федерации" и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (об обеспечении использования в публичном пространстве русского языка как государственного языка Российской Федерации). <https://sozd.duma.gov.ru/bill/468229-8>

² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 11 сентября 2024 года № 2501-р «О Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 г.» <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/410284259/>

формационного пространства характерно гипертрофированное проникновение заимствованных языковых символов во все сферы, включая товарное и культурное потребление, технологические структуры массовой информации, бизнес, маркетинг, управление. А.Г. Дугин отмечает: «... нам нужен цивилизационный язык, но свой цивилизационный язык. Мы говорим не на нем, мы его не знаем, мы говорим сейчас на «пиджин англиш», на котором строятся наша терминология, наши эксперты, наши айфоны, наши технологии в наших ракетах – это «пиджин англиш». То есть, если даже эти технологии в России, структура этих процессоров и кодов, увы, взята из другой парадигмы»¹. Примечательно, что в 2024 году, по версии справочно-информационного портала Грамота.ру, посвященного русскому языку и функционирующего при поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям, «словами года» стали 11 слов, семь из которых – это заимствования: инсайт, вайб, нарратив, абьюз, аскеза, осознанность, прилет, пов, сап, скуф и нормис². Помимо основного списка, Грамота.ру ввела еще четыре категории, в каждой из которых также были представлены наиболее частотные в специализированных СМИ слова. В номинацию «Культура и развлечения» вошли автофикшн, иммерсивный, насмотренность, подкаст, питчинг, глэмпинг, тру-крайм, сайт-специфик и нейроарт; в сфере экономики и финансов – кликер, блокчейн, флоатер, мемкойн, онлайн-банкинг, маркетплейс и самозанятый; в сфере информационных технологий – дипфейк, опенсорс, LLM (Large Language Model – большая языковая модель, лежащая в основе большинства чат-ботов и переводчиков с искусственным интеллектом), промпт, копилот, персонализация и мультимодальность; в номинацию «Медицина и здоровье» вошли нейрочип, оземпик, СДВГ, микрОРНК, нейропластичность, нутрициология и элайнеры³.

Для понимания сути происходящих изменений можно придерживаться концепции культурной безопасности, не сводимой к безопасности культуры как таковой, а рассматриваемой как фактор обеспечения безопасности общества и государства в целом (Табаринцева – Романова, 2018; Романова, 2023, с. 149). При этом безопасность должна рассматриваться не только как «неугрожаемое состояние, но и как состояние, создающее благоприятные условия для развития» (Цыганков, 2014, с. 189). Обеспечение культурной безопасности выступает важным элементом сохранения своего культурного кода, традиций и ценностей, собственной идентификации, культурного наследия и памяти.

¹ Дугин, А. (2022). Нам нужен суверенный язык. <https://izborsk-club.ru/23504>

² Что мы знаем о популярных словах года: одиннадцать эскизов к портретам. <https://gramota.ru/journal/stati/zhizn-yazyka/chto-my-znaem-o-populyarnykh-slovakh-goda-odinnadtsat-eskizov-k-portretam>

³ Кликер, мемкойн, флоатер, маркетплейс вошли в список претендентов на слово года в сфере финансов. <https://www.interfax.ru/russia/993740>

Культура конституирует ряд основных общественных институтов, среди которых наиболее значимым наряду с образованием, СМИ, политикой, правом, семейными отношениями выступает язык. В рамках изучения культурной безопасности приоритетное значение приобретают такие функции языка, как средство коммуникации, как средство доступа к культуре и символические функции языка в качестве маркера идентичности (Мухарямов, 2010, с. 39).

Культурная безопасность, выступая относительно новым структурным элементом концепта культуры, предполагает состояние защищенности от «вмешательства в базовые структуры и институты социума, осуществляемого в целях удовлетворения геополитических интересов» разнородных участников международных отношений (Кочетков, Максимов 2013, с. 97). Подобного рода вмешательства могут включать в себя «глоттополитические интервенции», т.е. внедрение чуждых для социума дискурсов и дискурсивных практик (Кочетков, Максимов 2013, с. 101). При этом государственная культурная политика, особую роль в которой играют культура и язык, оказывается инструментом, способным сохранить собственные ценности и идентичность.

Запросы на пуризм наблюдались в разные исторические периоды и были связаны с какими-то словами в обществе и преобразованиями, нацеленными на создание в том числе культурного разрыва. Начиная с XIX века интеллектуалы в России делились на западников и славянофилов и устраивали словесные баталии, идеологическими оппонентами в которых были «шишковисты» и «карамзинисты»¹. В.И. Ленин в заметке «Об очистке русского языка» в 1919 или 1920 году писал следующее: «Русский язык мы портим. Иностранные слова употребляем без надобности. К чему говорить «дефекты», когда есть «недочеты», или «недостатки», или «пробелы»?.. <...> Не пора ли объявить войну коверканью русского языка?». В конце XX века активным противником языкового влияния извне выступил А.И. Солженицын, утверждавший, что уже «довольно загадили русский язык такими дивными новинами, как уик-энд» (Китанина, 2019, с. 74).

Нарастающий политический запрос на меры пуристского свойства в нынешних обстоятельствах отмечен преобладанием символических начал над инструментальными, где в «национально-ориентированной среде» русский язык, «очищенный от заимствований» и «лакейского суржика»², становится неким символом противопоставления России «коллективному Западу», борьбы с доминированием «чужого» на своем пространстве и все более

¹ Сичинава, Д. (2025). Мокроступы против фраков: взгляд лингвиста. Энциклопедия споров о том, как говорить по-русски в начале XIX века. <https://arzamas.academy/materials/905>

² Стенограмма парламентских слушаний на тему «Государственная политика в сфере сохранения, защиты и развития русского языка: состояние, проблемы и пути решения». (2023 ноября 14). <http://council.gov.ru/media/files/Y8Wivies16GBa3UWF5cR6xWnJbEzOgB1.pdf>

идеологически заряженных подходов. Вице-спикер Государственной Думы России П. Толстой в ответ на предложение запретить вывески на иностранных языках высказывается следующим образом: «Для того, чтобы производство было отечественным, а не в оффшорах, чтобы дети росли патриотами своей страны и получали достойное образование и, наконец, чтобы все без исключения граждане страны чувствовали себя дома, на своей Родине, нам необходимо создать единое языковое пространство»¹. Глава Крыма С. Аксенов призвал к «очищению от чужих смыслов»: «...Начать следует с очищения нашего языка, речи и образовательного процесса от англицизмов, которые зачастую используются абсолютно неоправданно, - вплоть до запрета использовать английские слова в названиях отечественных предприятий»². По словам председателя Госсовета Крыма В. Константинова, сообщившего о разработке словаря с «переводом» заимствованных слов на русский язык, «настало время выковырять западничество навсегда, ведь настоящая русская культура всегда боролась за свою самобытность, хотя и находилась под колоссальным давлением импортной потребительской культуры, но выстояла и теперь ее нужно развивать»³.

Прагматика внесенных в закон изменений состоит в том, чтобы информация о товарах и услугах представлялась на русском языке. Логика такова, что употребление новых и незнакомых слов порождает проблемы с пониманием текста, смысла информационных сообщений массовой аудиторией, не обязательно владеющей английским языком. Иными словами, речь идет о безбарьерном языковом доступе, когда любая надпись в публичном пространстве на иностранном языке должна в обязательном порядке сопровождаться на русском языке. Закон «О рекламе» не допускает использования иностранных слов и выражений, которые могут привести к искажению смысла информации (Ст. 5, п. 1). В ней же есть положение о том, что нельзя переводить иностранные слова так, чтобы при переводе исказился смысл. К примеру, выражение «We have tea», как и любые другие устойчивые выражения, нельзя перевести на русский как «у нас есть чай». Перевод рекламы, если речь идет о международных компаниях, продвигающих свою продукцию на локальных рынках, представляет собой сложную отрасль переводческой деятельности. Это предполагает правильный перевод и интерпретацию рекламных роликов, текстов, слоганов и посылов, знание стилистических

¹ Толстой предложил избавить Россию от англицизмов. <https://www.rbc.ru/politics/12/06/2022/62a517349a79477bb4103f3d?from=copyhttps://www.rbc.ru/politics/12/06/2022/62a517349a79477bb4103f3d>

² Аксенов предложил очистить русский язык от англицизмов. <https://www.rbc.ru/society/04/04/2022/624ad6c49a7947e5bd93fccd?from=copyhttps://www.rbc.ru/society/04/04/2022/624ad6c49a7947e5bd93fccd>

³ Матвиенко призвала избавить русский язык от засилья иностранных слов. <https://www.rbc.ru/politics/22/06/2022/62b2e8c79a79471e93dbf47e?from=copyhttps://www.rbc.ru/politics/22/06/2022/62b2e8c79a79471e93dbf47e>

тонкостей и культурных нюансов языка. Всего того, что можно описать выражением лингвистика рекламы, изучающей рекламный текст и даже рекламный/маркетологический дискурс как результат применения к этому сложному объекту операции «погружения в жизнь» (Паршин, 2020, с. 73).

Иностранные слова можно отнести к способам маркетинговой коммуникации, когда выполненные на английском языке наименования жилых комплексов становятся инструментами реализации места. В сознании людей формируется имеющий очевидное символическое преимущество образ места, ассоциирующегося с престижем, преуспеванием, роскошью. Отношение парламента к данному вопросу можно выразить словами его вице-спикера П. Толстого в ходе парламентских слушаний в ноябре 2023 г.: «...Ну и потом у нас, извините меня, географические названия... Ведь, для того чтобы продать квартиру, нужно же как-то назвать этот жилой комплекс. Это же «Плаза» обязательно должна быть. Да? Это какой-то «шмяк», «тряк-парк», иначе нельзя, обязательно нужно вставить три английских слова. Половина из здесь присутствующих ездят мимо «Барвиха Luxury Village». «Барвиха Luxury Village»! А как вы замените на русский? Конечно, это уже устоявшееся. Правильно? И у нас Vnukovo Outlet Village. И вот они все живут в этих village, в таунхаусах и шикарно себя чувствуют. И такое впечатление, что даже не в России частично живут. Ну а что им, собственно говоря, до того, что происходит в поселках городского типа, когда они уже вырвались оттуда?»¹. В данном контексте можно отметить «негативную актуальную новацию русского языка», которая выражается в появлении отдельной социальной страты, в основном интегрирующей языковые формы, заимствованные из соответствующей западной лексики, и обеспечивающей потребности верхних состоятельных слоев общества, которые существуют в «тренде», одеваются в «бренды», «креативные» по внутреннему миру, являющиеся частью «гламура» (Егоров, 2021, с. 1205). Изменения в Градостроительный кодекс РФ и ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости, предусматривающие обязанность выполнять на русском языке коммерческое обозначение, индивидуализирующее объект капитального строительства, вступят в силу с 1 января 2025 года и направлены на «прекращение практики присвоения жилым комплексам и поселкам (кварталам, микрорайонам) названий на иностранных языках либо с использованием производных от иностранных слов и выражений». В то же время исключение составят фирменные наименования в составе коммерческих обозначений. Законодательные инициативы, распространяющиеся на языковой ландшафт, символичны и призваны показать значимость прежде

¹ Стенограмма парламентских слушаний на тему «Государственная политика в сфере сохранения, защиты и развития русского языка: состояние, проблемы и пути решения». (2023 ноября 14). <http://council.gov.ru/media/files/Y8Wivies16GBa3UWF5cR6xWnJbEzOgB1.pdf>

всего русского языка, дать представление и сделать политико-языковой дискурс осязаемым (Габдрахманова, 2016, с. 122). По данным главы комитета Государственной Думы по культуре Е. Ямпольской, в центре Москвы, к примеру, в среднем на 30-50% больше вывесок на английском или набранных латиницей, чем на русском¹.

После начала Специальной военной операции ряд зарубежных компаний заявили об уходе из России. К примеру, немецкий концерн Henkel, следуя стратегии ухода с российского рынка, начал русифицировать бренды, выпускаемые в России: стиральный порошок Persil стал «Персил», туалетные блоки Bref переименованы в «Бреф», а кондиционер для белья Vernel теперь называется «Вернель». Производитель ООО «Хенкель Рус» с 1 января сменило название с кириллицы на латиницу - на Lab Industries. Однако данные изменения продиктованы скорее причинами ребрендинга компании, нежели действующим законодательством, в том числе законом «О государственном языке»².

Отечественные ученые-лингвисты, размышляя над языковыми заимствованиями в русском языке, отмечают естественность процесса и его саморегулирование. К примеру, Л. Крысин пишет: «...русский язык все-таки мощная система, способная переварить в себе даже очень большой пласт иноязычной лексики... если не мешать этой системе, она сама сбросит ненужную шелуху и оставит то, что функционально, важно и нужно»³. М. Кронгауз отмечает «творческую силу русского языка»⁴. Русский язык обладает богатейшим запасом приставок, возможностей сложения корней, уменьшительных и прочих суффиксов. В случае с заимствованиями речи не идет об утрате русским языком сфер его функционирования, о прерывании межпоколенной передачи языка, о переключении кодов и прочих социолингвистических характеристиках, свидетельствующих об утрате или снижении индексов витальной силы или жизнеспособности языка, об угрозах его жизни и гибели.

Имеют место слова иностранного происхождения, глубоко укоренившиеся в русском языке. Обязательным условием и критерием обоснованности заимствования является высокая частота употребления лексической единицы. К примеру, в политической лексике 1990-х годов стали появляться новые слова, отражающие изменения, происходившие в жизни страны.

¹ В Госдуме предложили запретить рекламные вывески на иностранных языках. <https://www.rbc.ru/politics/10/06/2022/62a2e6379a7947d7cf104104>

² Российское подразделение Henkel начало русифицировать бренды. <https://ria.ru/20230416/henkel-1865616573.html>

³ Крысин, Л. (2002). О русском языке наших дней. Изменяющийся языковой мир. http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-02.htm?roistat_visit=26728188

⁴ «Отзумились»: почему заимствования не портят русский язык, объяснил лингвист Максим Кронгауз. <https://pskgu.ru/page/21029cd8-980c-4949-84a7-d2439f321c95?print>

История с появлением «праймериз». Первое появление слова «праймериз» зафиксировано в Центральных СМИ Национального корпуса русского языка в марте 1984 года. Это статья в газете «Аргументы и факты» о системе внутрипартийных выборов в США. Пример представлен ниже.

Пример. Выявление кандидатов традиционно происходит в обеих партиях двумя путями: с помощью первичных выборов («праймериз») или на партийных съездах¹.

Применительно к российскому контексту пиковые значения частоты употребления наблюдаются в 2008, 2011 и 2016 годах: частоты употребления в относительном значении составили $ipm=22,9$, $ipm=21,1$ и $ipm=51,6$ соответственно. Столь высокие значения относительной частоты можно объяснить следующими причинами. Американскую систему внутрипартийного голосования в России активно использует партия «Единая Россия», впервые опробовавшая ее в 2007 году, что нашло соответствующее отображение и освещение процедуры в центральных средствах массовой информации. В 2011 году информационным поводом стала отмена на тот момент премьер-министром и председателем партии В. Путиным результатов первичного голосования/праймериз «Единой России» в приморских городах Находке и Артеме после жалобы местных активистов на фальсификацию результатов. 2016 год примечателен наиболее массовыми внутрипартийными выборами, проведенными «Единой Россией» (партийный список на предстоящие выборы в Государственную Думу определился из почти 3 тыс. кандидатов)².

¹ Демократия для элиты. «осёл» против «слона». (1984 марта 7). Аргументы и факты.

² Сони́на, О. (2016). От масонов к праймериз. Откуда пошла традиция внутрипартийного голосования. https://www.gazeta.ru/politics/2016/05/16_a_8247425.shtml?updated

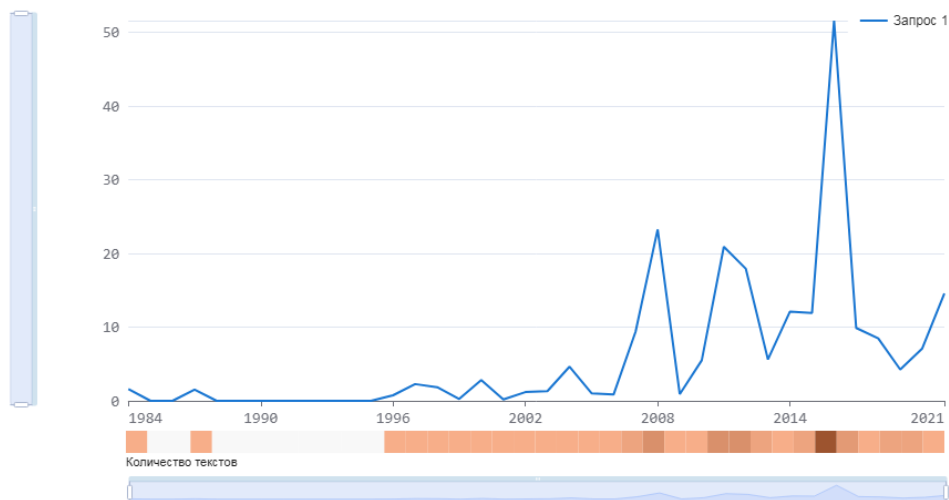

Диаграмма 1 – Праймериз. Распределение результатов поиска по датам (частота на миллион словоформ), 1983 – 2021 гг., Центральные СМИ¹

Первое упоминание англицизма «дорожная карта» (roadmap) встречается в газетном корпусе в 1998 году в издании «Независимая газета». Речь идет о плане развития отношений России с Южной Кореей.

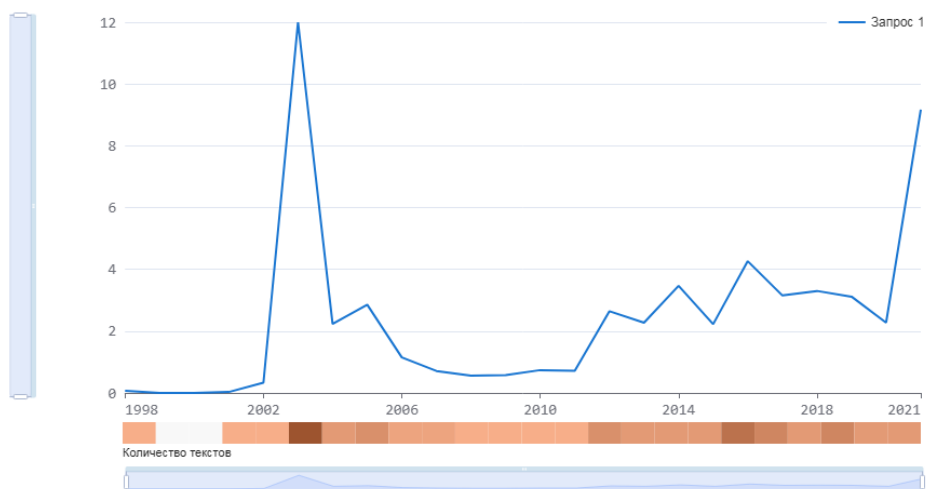

Диаграмма 2. Дорожная карта. Распределение результатов поиска по датам (частота на миллион словоформ), 1998 – 2021 гг., Центральные СМИ

¹ Национальный корпус русского языка (ruscorpora.ru), по состоянию на 26.09.2024 г.

Пример. Наш обозреватель задался вопросом о том, как в МИД России оценивают нынешнее состояние отношений с Южной Кореей, как видится на Смоленской площади «дорожная карта» их активизации¹.

Калька с английского «road map», как отмечает С. Уткин, сначала закрепились в качестве специфической формулы для дипломатического языка, но вскоре вошла в моду. В 2003 году в Национальном корпусе русского языка (в Центральных СМИ) зафиксировано наибольшее значение частоты вхождений примеров – $ipm=12^2$, что связано с активным освещением российскими СМИ процесса мирного урегулирования палестино-израильских отношений. «Именно здесь появилась наиболее известная «дорожная карта», представленная коопонсорами урегулирования – ООН, ЕС, США и Россией». В дальнейшем словосочетание «дорожная карта» стало важным элементом управленческих процессов и оказалось применимым не только к урегулированию конфликтов, но и к долгосрочному планированию, реализации региональных и локальных проектов, к гармонизации деятельности различных министерств и ведомств.

Пример. «Большинство регионов не предприняло никаких действий после принятия федеральной стратегии, за исключением Томской области, где разрабатывается дорожная карта, и некоторых других»³.

Пример. В частности, распоряжением Правительства была утверждена «дорожная карта» по «Поддержке доступа НКО к предоставлению услуг в социальной сфере» (от 8 июня 2016 г.)⁴.

Пример. «В своём недавнем письме вице-премьеру Хлопонину она предлагает, чтобы была одобрена дорожная карта развития города-курорта», – отметил Бушмин⁵.

Англоязычный дипломатический термин «саммит» (summit) вошел в употребление в русском языке с конца 1980-х годов. Советская пресса заменила этим словом более громоздкую официальную формулировку – «встреча на высшем уровне». В настоящее время термин применяется в официальном лексиконе, в нормативно-правовых актах федерального, регионального и местного уровней власти. Смотрите, к примеру, Указ Президента РФ от 21 июля 2022 г. № 485 «Об организационном комитете по подготовке и проведению в РФ в 2023 году второго саммита Россия – Африка и других мероприятий в формате Россия Африка». Или: Распоряжение Правительства

¹ Федоров, С. (1998 октября 06). Россия – Южная Корея: как строить отношения? Независимая газета.

² Национальный корпус русского языка (ruscorpora.ru), по состоянию на 27.09.2024 г.

³ Мало среднего и много малого. (2016 декабря 21) Ведомости.

⁴ Путин, В. (2016 марта 11). Наша задача – создать дружескую среду для НКО. Парламентская газета.

⁵ Краеугольный камень в решении всех проблем Кисловодска – плохое финансирование, считает Бушмин. (2016 октября 27). Парламентская газета.

Нижегородской области от 11 сентября 2019 г. № 940-р «О подготовке и проведении Международного саммита «Digital Summit»»¹. Слово «саммит» является одним из самых частотных в Национальном корпусе русского языка. Наибольшие значения частоты вхождения примеров фиксируются в Центральные СМИ в 2002 г. и 2019 г.: $ipm=37,02$ и $ipm=43,78$ соответственно. Информационными поводами в 2002 году стали встречи на высшем уровне в формате НАТО, СНГ, ШОС, саммит ООН по устойчивому развитию, Евразийский экономический саммит. В 2019 году внимание российской прессы было привлечено к саммиту «нормандской четверки» (Россия, Украина, Франция и Германия) по урегулированию конфликта на Донбассе, одиннадцатому саммиту БРИКС, первому саммиту «Россия – Африка» и т.д.

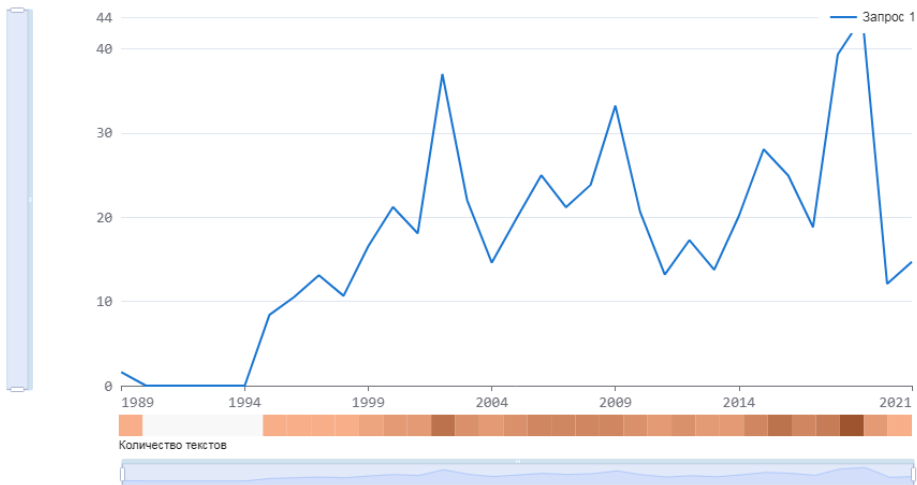

Диаграмма 3 – Саммит. Распределение результатов поиска по датам (частота на миллион словоформ) с 1983 по 2021, Центральные СМИ²

В состав наиболее актуальных, частотных лексем политической тематики входит слово «сенатор». Оно относится к уже существовавшим в русском языке в XVII веке заимствованным лексическим единицам.

¹ Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. <https://docs.cntd.ru/search?q=саммит&tab=3>

² Национальный корпус русского языка (ruscorpora.ru), по состоянию на 28.09.2024 г.

Диаграмма 4 – «Сенатор». Распределение результатов поиска по датам (частота на миллион словоформ) с 1682 по 2022, Основной корпус

«Старое» иноязычное заимствование (Загоровская, Есмаеел, 2008, с. 79) политической сферы актуализировало свое появление в 1994 году, когда слово вошло в обиход для именования членов Совета Федерации (по аналогии с другими странами)¹. Примечательно, что в Центральных СМИ Национального корпуса русского языка первые упоминания зафиксированы в 1983 году. Преимущественно в публикациях тех лет речь идет о сенаторах верхней палаты парламента США.

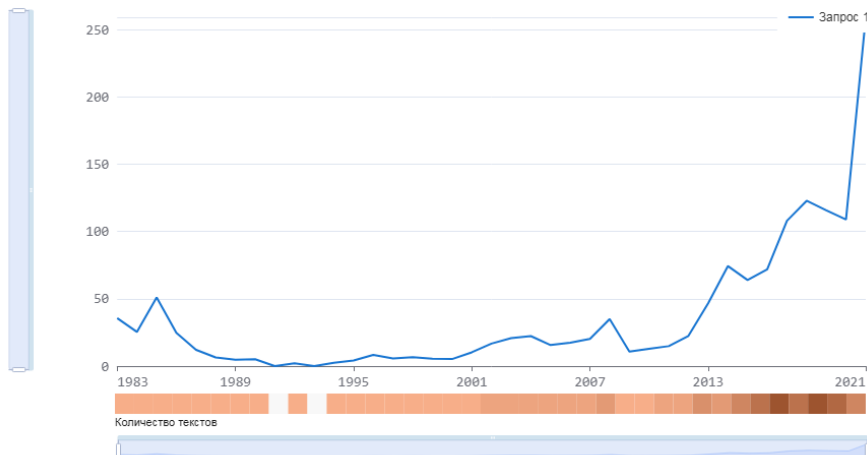

Диаграмма 5 – Сенатор. Распределение результатов поиска по датам (частота на миллион словоформ) с 1983 по 2021, Центральные СМИ

¹ Сенатор. (2024). <https://gufo.me/dict/bse/Сенатор>

При этом процессе актуализации иноязычного заимствования «сенатор» сопутствовали функционально-семантические изменения, именуемые переориентацией номинаций, при которой «слова, обозначающие явления зарубежной действительности, меняли содержание денотативного компонента значения и начинали употребляться для номинации явлений и российской действительности» (Загоровская, Есмаеел, 2008, с. 79).

Употребление заимствования «волонтер» отличается большой частотностью. Термин «волонтер» системно и массово начал внедряться в связи с Олимпиадой в Сочи (Оберемко, 2016, с. 100). В 2014 году в Центральных СМИ Национального корпуса русского языка зафиксировано одно из пиковых значений $ipm=2,64$. До событий 2022 года смысловые различия между словами-синонимами «волонтер» и «доброволец» были не очевидны. Примечательно, что в соответствующем федеральном законе 1995 года отсутствуют семантически значимые различия: «добровольцы (волонтеры) определяются как физические лица, осуществляющие добровольческую (волонтерскую) деятельность в целях, указанных в пункте 1 статьи 2 настоящего Федерального закона, или в иных общественно полезных целях»¹. В исследовании 2012 года на основе массива 160 интервью с практикующими добровольцами-волонтерами предлагалось различие двух понятий посредством дискурса эмоций – слово «доброволец» – «свое», более «душевное», «родное», «теплое», «эмоционально близкое»; и дискурса привычного действия (Оберемко, 2016, с. 96-97). С началом Специальной военной операции на Украине понятия «доброволец» и «волонтер» получили новое прочтение. Семантическое размежевание происходит на уровне обозначения разных референтов: добровольцы – это те, кто отправляется на фронт, подписывая контракт и получая выплаты; это люди, которые по собственной воле отправляются в зону боевых действий, не получив повестки со стороны государства; волонтеры – занимаются сбором гуманитарной помощи, работают в госпиталях и других общественных организациях, оказывая помощь на безвозмездной основе².

¹ ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» от 11.08.1995 года № 135-ФЗ. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7495/19969dc8be98ef4ef95c9ddb648b8ccb61948430/

² Кто такой доброволец и как им стать: ответы на ключевые вопросы. (2024). <https://veteransrussian.ru/novosti/novosti-ood/kto-takoy-dobrovolets-i-kak-im-stat-otvety-na-klyuchevye-voprosy/>

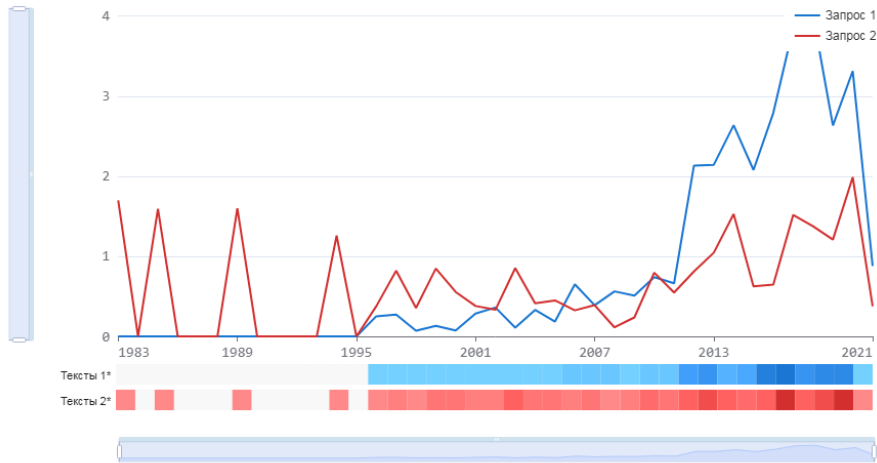

Диаграмма 6 – Волонтер (Запрос 1) / Доброволец (Запрос 2). Распределение результатов поиска по датам (частота на миллион словоформ) с 1983 по 2021, Центральные СМИ¹

Слово «нарратив» вышло за рамки терминологии гуманитарных и социальных наук. Если ранее оно использовалось применительно к текстам и обозначало серию высказываний, в которой исследователя интересует способ построения сюжета и изложения событий, то в новом значении заимствование обозначает совокупность высказываний, в которых отражены определенные мировоззренческие установки². Сегодня зафиксировано частотное употребление языковой единицы в политических текстах, социальных сетях, публицистике. Относится к словам, получившим распространение в эпоху постправды и разнообразных технологий манипулирования общественным мнением.

Пример. А коллапс СССР был подготовлен идеологической кампанией, когда советский исторический нарратив был оспорен «либеральными коммунистами» во главе с секретарем ЦК КПСС по идеологии Александром Яковлевым с его медийным аппаратом³.

Пример. Во-вторых, речь Путина также нацелена против националистической версии истории Второй мировой войны, которую активно продвигают сейчас страны Восточной Европы, используя исторический нарратив как оружие в текущей политической борьбе, добавляет Сушенцов⁴.

¹ Национальный корпус русского языка (ruscorpora.ru), по состоянию на 28.09.2024 г.

² Киселева, К. (2024). Что мы знаем о популярных словах года: одиннадцать эскизов к портретам. <https://gramota.ru/journal/stati/zhizn-yazyka/chto-my-znaem-o-populyarnykh-slovakh-goda-odinnadtsat-eskizov-k-portretam>

³ В США спорят, что такое Америка. (2020 мая 10). Ведомости.

⁴ Путин предложил созвать саммит стран – основателей ООН. (2020 января 23). Ведомости.

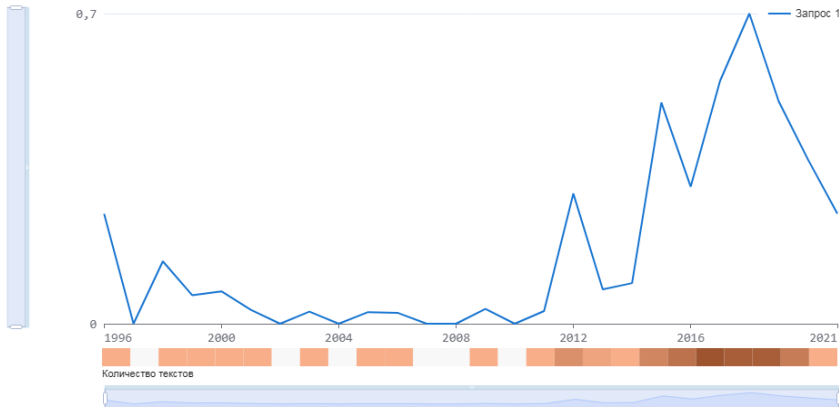

Диаграмма 7 – Нарратив. Распределение результатов поиска по датам (частота на миллион словоформ) с 1983 по 2021, Центральные СМИ ¹

Первые вхождения экономического термина «блокчейн» зафиксированы в газетном корпусе в 2014 году. Блокчейн (англ. blockchain – цепочка блоков) – децентрализованная база данных, которая хранится в виде цепочки связанных между собой блоков на множестве узлов. Информация в блокчейне неизменна, а ее достоверность может быть в любой момент проверена каждым участником Сети (Вишневецкая, 2018, с. 117). Пиковые значения словоупотребления приходятся на 2017 и 2018 годы. Слово вошло в финансовую и экономическую практику, стало предметом обсуждения на уровне парламента, органов исполнительной власти и финансовых учреждений.

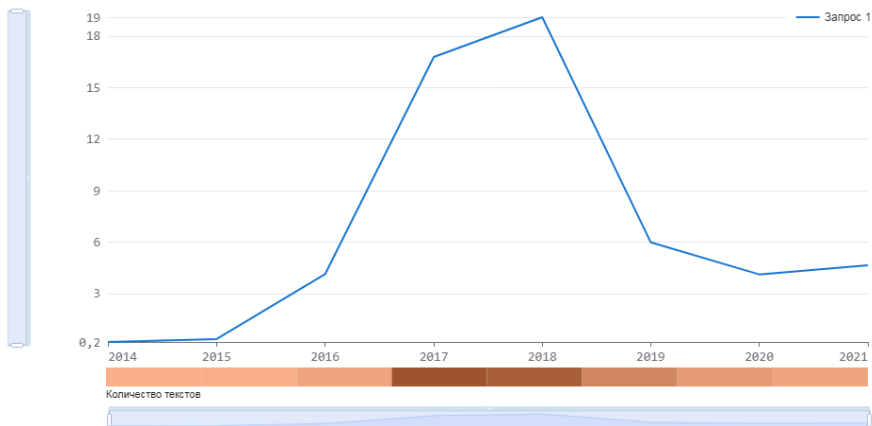

Диаграмма 8 - Блокчейн. Распределение результатов поиска по датам (частота на миллион словоформ) с 1983 по 2021, Центральные СМИ ²

¹ Национальный корпус русского языка (ruscorpora.ru), по состоянию на 10.01.2025 г.

² Национальный корпус русского языка (ruscorpora.ru), по состоянию на 10.01.2025 г.

Слово «дедлайн» (от англ. deadline – мертвая линия) впервые было использовано в годы гражданской войны в США и называло крайнюю линию, которую было запрещено пересекать военнопленным в концентрационных лагерях. Переступившие ее считались беглецами и подвергались расстрелу. Благодаря журналистике термин обрел новое значение в начале XX века, когда дедлайном стали называть крайние сроки сдачи газеты в печать. Из журналистики слово переключалось в другие сферы общественной жизни. Первые вхождения заимствования в русский язык фиксируются в нач. 2000-х гг.

Пример. Согласно обещаниям властей, дедлайн наступит как раз в конце этого года¹.

Пример. «Если все время думать о том, что скоро дедлайн, то продуктивной работы не получится», – считает она².

Пример. Определив неприемлемый вариант, МІТ сузил круг проблемы и создал более сфокусированный и быстрый процесс. Вторым полезным ограничением является дедлайн. Главное – установить временные рамки для создания инновации, соответствующие желаемому результату³.

Диаграмма 9 – Дедлайн. Распределение результатов поиска по датам (частота на миллион словоформ) с 1983 по 2021, Центральные СМИ ⁴

Маркетплейс стал словом-победителем 2024 года в номинации «Экономика и финансы» по версии портала Грамота.ру. Само явление оказалось широко востребованным, о чем свидетельствуют факты появления новых вакансий на рынке труда: менеджеры маркетплейсов, аналитики маркет-

¹ Если кто забыл. (2001 августа 10). Известия.

² В AOL запрещают смотреть на часы. (2001 марта 23). Lenta.ru.

³ Чему компании собираются учить своих руководителей в 2021 году (2021 апреля 21). Ведомости.

⁴ Национальный корпус русского языка (ruscorpora.ru), по состоянию на 10.01.2025 г.

плейсов, дизайнеры и контент-менеджеры карточек товаров. Экспертами отмечается важная роль маркетплейсов как «переднего края» цифровой экономики. Остроактуальными маркетплейсы являются не только для жителей крупных городов, руководствующихся соображениями удобства и экономии времени при выборе покупок онлайн, но и для глубинки, где маркетплейсы выступают окном в большой мир¹. Известный филолог, заведующий кафедрой русской словесности и межкультурной коммуникации Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина В. Аннушкин приводит любопытные примеры поиска семантических эквивалентов маркетплейсу в русском языке: «виртуальный магазин», «е-торжище», «торговое пространство», «электробазар», «эль-торг» (электронная торговля). Исследователь в своем интервью газете «Культура» отмечает: «Мои исторические исследования по изучению наших контактов с западной культурой говорят о том, что можно быть либо слепым копиистом, как это было в петровскую эпоху или в 1990-е гг., либо, беря от западной культуры все лучшее, стремиться все время дополнять ее смыслы нашими нововведениями, либо же вообще творить собственные мысли и собственные языковые понятия»².

Диаграмма 10 – Маркетплейс. Распределение результатов поиска по датам (частота на миллион словоформ) с 1983 по 2021, Центральные СМИ ³

¹ Вайб – слово 2024 года по версии Грамоты. (2024). <https://gramota.ru/journal/novosti-i-sobytiya/vayb-slovo-2024-goda-po-versii-gramoty>

² Сысоев, Т. (2021). Каков язык, таково и общество. Культура, 10.

³ Национальный корпус русского языка (ruscorpora.ru), по состоянию на 10.01.2025 г.

Специальные французские институты – Французская Академия и Генеральный Комитет по терминологии – рассматриваются в качестве примеров языкового протекционизма и политики языкового пуризма. Ежегодно эти структуры собирают несколько самых активных и частотных англицизмов, подбирают замену на французском языке. Медийные люди в составе Комитета – франкоговорящие иконы стиля, лидеры общественного мнения в своих выступлениях начинают активно говорить на тему языкового «импорто-замещения» и использования предложенных аналогов. Похожие, активно создающие новые слова, институты, чьи решения обязательны на официальном уровне, есть в Швеции – Служба защиты языка, в Норвегии – Совет по языку, в Иране – Академия персидского языка. Данный факт говорит о том, что подобные сложности испытывает большинство культур, и свидетельствует об активном отношении к языку, а не о пассивной констатации ситуации. Подобный институт в составе профессиональных лингвистов, филологов, писателей, литераторов в российском контексте мог бы подтолкнуть общественность к вовлеченности в тему заимствований, мог бы напоминать о существующей лексике, освоенных русским языком эквивалентах, и рассматривать/вырабатывать новую. М. Русецкая, член Совета при Президенте Российской Федерации по русскому языку, уверена, что искать замену англицизмам должны филологи и лингвисты, а не чиновники, и что в русском языке есть слова, которые могут выразить качество и инновационность¹. На страницах издания «Культура» высказываются идеи о возвращении традиции «собственного словообразования», «живого словотворчества: пароход, паровоз в XIX в., самолет, холодильник, пылесос в XX в. – «ничего из этой техники русские не изобрели, что не лишило их права на языковое переоткрытие»².

Вопрос и в применительной практике, в общественных предпочтениях, в появлении инструментов влияния на речевую культуру, в воспитании «хорошего языкового вкуса». Главное условие последнего – правильное и уместное использование языковых средств, как чужих, заимствованных, так и своих, исконных³. Л.М. Мухарямова отмечает: «История языковой политики показывает, что всякие замыслы в этой области, не подкрепленные массовыми ожиданиями, установками и ценностями, сложившимися на уровне языковой культуры общества, обречены на неудачу» (Мухарямова, 2003, с. 93). Знание новых слов зависит от возраста, социального круга, профессионального статуса, активности в социальных медиа. К примеру, среди молодых людей в возрасте 18-24 лет высок процент тех, кто считает, что в русском языке есть

¹ Затонский, Л. (2022). Кого накажут за иностранные заимствования: ответы филолога и депутат Русецкой. <https://www.osnmedia.ru/obshhestvo/kogo-nakazhut-za-inostrannye-zaimstvovaniya-otvety-filologa-i-deputata-rusetskoj/>

² Артемьев, М. (2021). Филологи – против языка? Культура, 16.

³ Крысин, Л. (2002). О русском языке наших дней. Изменяющийся языковой мир. http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-02.htm?roistat_visit=26728188.

необходимость использовать заимствования (41%); среди людей старшего возраста (60+) этот процент заметно ниже (16%) (См. Таблицу 1)¹.

Таблица 1. Как Вы считаете, надо ли в русский язык заимствовать иностранные слова, которые активно используются во всем мире, или же следует использовать слова русского языка, вводить свои термины? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

	Все опрошенные	Мужчины	Женщины	18-24 года	25-34 года	35-44 года	45-59 лет	60 лет и старше
Надо заимствовать иностранные слова	23	27	20	41	28	23	21	16
Надо использовать слова русского языка	67	63	69	49	64	64	69	74
Затрудняюсь ответить	10	10	11	10	8	13	10	10

Жители крупных городов чаще придерживаются мнения о необходимости заимствования иностранных слов, чем жители небольших населенных пунктов и сел.

Таблица 2. Как Вы считаете, надо ли в русский язык заимствовать иностранные слова, которые активно используются во всем мире, или же следует использовать слова русского языка, вводить свои термины? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

	Всего опрошенных	Москва и Санкт-Петербург	Города-миллионники	500-950 тыс. жителей	100-500 тыс.	Менее 100 тыс.	Села
Надо заимствовать иностранные слова	23	43	32	24	27	17	11
Надо использовать слова русского языка	67	43	56	60	63	75	82
Затрудняюсь ответить	10	14	12	16	10	8	7

Использование иностранных слов в общении, при деловой коммуникации скорее представляет угрозу для развития и сохранения русского языка, по мнению 54% россиян. Этой позиции чаще придерживаются жители сел

¹ Русский язык: развитие, обогащение, распространение. (2021). ВЦИОМ. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/russkii-jazyk-razvitiye-obogashchenie-rasprostranenie-1>

(61%). Напротив, видят в этом возможности для обогащения речи 30% россиян, преимущественно проживающие в Москве и Санкт-Петербурге (47%), а также в городах-миллионниках и в городах с 500-950 тыс. жителей (36-35%).

Таблица 3. В последнее время в деловых коммуникациях, при общении в интернете все чаще используют иностранные слова. Как Вы считаете, это обогащает русский язык, делает его более насыщенным и разнообразным или является угрозой для сохранения и развития русского языка? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

	Всего опрошенных	Москва и Санкт-Петербург	Города-миллионники	500-950 тыс. жителей	100-500 тыс.	Менее 100 тыс.	Села
Однозначно обогащает	7	17	9	6	6	6	4
Скорее обогащает	23	30	27	29	24	21	18
Скорее является угрозой	33	28	31	32	31	31	39
Однозначно является угрозой	21	16	20	17	23	24	22
Затрудняюсь ответить	16	9	13	16	16	18	17

Следует отметить, что различным социальным группам – профессиональным, сословным, возрастным и т.п., присущи языковые особенности в виде слов, словосочетаний, синтаксических конструкций, называемые социолектами (Крысин, 2021, с. 36). Одной из социальных групп, оказывающих существенное влияние на русский язык, являются работники разного типа офисов, менеджеры. Их численность составляет свыше 37 млн человек¹. Основной массив лексики офисного новояза – заимствования из английского языка. Множество новых слов и выражений, этикет устной и письменной речи дрейфуют из офисного сленга в общий жаргон, тем самым влияя на русскую речь: бренд, бонус, тренд, опция, оптимизировать, мотивировать, позиционировать, стартап, фриланс, дресс-код, ресепшн, тайм-менеджмент, нетворкинг, тимбилдинг и т.д. Широко распространенными заимствованиями стали языковые единицы, пришедшие из профессионального языка тех, кто работает на компьютерах, – айпад, айфон, гаджет, дисплей, ноутбук, онлайн, оффлайн, сайт, спам, смартфон, хакер и многие другие. Носители русского языка, включая городскую молодежь, осваивают сленговые слова и в силу того, что являются активными пользователями социальных сетей и современных средств коммуникации.

¹ Шмелева, Е. (2019). «Эффективные менеджеры» как властители дум. Нормы современной речи определяют отнюдь не ученые. Журнал «Коммерсантъ Наука», 47, 44.

В контексте социального и гуманитарного знания с определенной долей гипотетичности можно говорить о проектных перспективах. В русской речи есть те заимствования, которые широко используются, понятны почти всем, стали частью активного словарного запаса. Среди них – заимствования-термины, отличающиеся свойствами объективной строгости и недвусмысленности значений, а также используемые в областях практики, где такие признаки понятий особо востребованы и не предполагают произвольной замены на русскоязычные аналоги (что было бы контрпродуктивно, например, в технологиях, в информатике, в кредитно-финансовой деятельности и проч.). Заимствования-концепты предполагают индивидуально-авторское начало, ярко выраженные творческие интенции и, следовательно, поддаются той или иной компоновке и словообразовательной воле автора, широко варьируются интерпретациям со стороны аудитории (иначе говоря, в случае с концептами существенно заметнее становится культурная ответственность тех, кто оперирует такого рода заимствованиями, заметнее проявляемое здесь чувство уместности, меры или риторической оправданности). Заимствования-знаки в различном семиотическом ранге (иконическом, индексальном, например, «stop» или «фуд-корт»), заимствования-символы выражают идейные сущности.

С точки зрения синтаксиса можно говорить о перспективах того, что М. Кронгауз называет «одомашниванием» (Кронгауз, 2015, с. 418). Английское слово «пиар» породило спектр производных – пиарщик, пиарить, про-пиарить и т.п., что уже выглядит не совсем как заимствование в буквальном смысле, но как, скорее, неологизмы. Продолжать можно сколь угодно: апгрейд – апгрейдить; донат – донатить, доначу; релиз – зарелизить; апрув – апрувить; фейл – зафейлить...

Особую значимость имеет перспектива прагматического анализа заимствований или рассмотрения последних в рамках той области языкознания, в которой внимание фокусируется на функционировании знаков в речи и отношении говорящих к этим знакам, на целях субъекта высказывания – скрытых или явных, – на установках говорящего и его мотивациях, с одной стороны, и, с другой стороны, на реакциях адресата и его интерпретациях, на коммуникативных эффектах и проч. В этой области лингво-семиотического знания по-особому значимо раскрываются возможности конвергенции языкознания с другими социальными и гуманитарными дисциплинами, имеющими дело с предметами экстралингвистической природы. В этом кроются новые эвристические возможности, а проблематика заимствований перестает пониматься как какая-то прерогатива лингвистов. Напротив, использование иноязычной лексики предстает в виде феномена, включенного в сложную совокупность детерминирующих обстоятельств, факторов и областей социальной реальности.

Прагматический аспект предмета способен проявить многообразную природу феноменологии заимствований. Это включает и утилитарно-прикладные и рациональные составляющие – мотивации и установки, связанные, например, с коммерческими соображениями (в кредитно-денежных сферах, в рекламе, в брендировании, в использовании иноязычных фонем в названии субъектов торговли, жилых комплексов, услуг и всего что угодно). Сюда же относятся моменты, связанные с прагматикой профессиональной коммуникации и нормирование сообщаемой информации в среде специалистов, в том числе – по критериям удобства и привычности (вряд ли, например, имеет смысл бороться против слова «дедлайн», ожидая, что пользователи когда-нибудь от него откажутся).

Другая прагматика будет усматриваться тогда, когда заимствования связаны не с рационально-прикладными вещами, а с идентичностью субкультурного плана, с мотивами самовыражения в стилистике непринужденного общения, где иноязычные лексемы, интонации, междометия, модные словечки служат эмблемами поведенческо-речевых манер, отличающих одну группу от другой.

Идут объективные процессы, обусловленные постоянным развитием русского языка как динамической системы. Нарастающая информатизация социального пространства, появление новых технологий или каких-либо событий вызывает естественную реакцию лексики. Давая оценку неоправданным массовым заимствованиям в русском языке в терминах основных понятий безопасности, можно определить их как вызовы культурной безопасности, которая наслаивается на традиционные военно-стратегические проблемы, так называемые вопросы «жесткой» безопасности». Иными словами, избыточные заимствования – это проблема, настоятельно требующая своего решения. Мощное влияние со стороны западной культуры направлено на изменение цивилизационного кода России, размывание ее самобытности. В итоге язык теряет то, что позволяет именовать его русским. Реакция со стороны различных кругов общественности на «цунами» англицизмов, на размывание самих оснований русскоязычной культуры в самых разных ее проявлениях также варьируется от негодования и lamentаций, до иронии и вышучивания. Важно, чтобы объявленная борьба с заимствованиями сама не превратилась в нечто утрированное или инструментально предназначенное для символической капитализации публичных фигур и так называемых лидеров общественного мнения. Языковое регулирование здесь возможно применительно к немотивированному, неумеренному, неуместному использованию заимствований. Рекомендации относительно института языкового регулирования в российском контексте обусловлены структурно-организационной недостаточностью, разобщенностью и в целом вопросами конституирования языковой политики в виде институционально оснащенного направления публичной политики. На данный момент созданы структуры

совещательного и консультативного характера и отсутствует специализированное ведомство в области языковой политики. Это могла бы быть структура на основе принципов партнерства органов государственной власти с представителями бизнеса, гражданскими институтами и общественными организациями. Деятельность в области противодействия иноязычным заимствованиям могла бы включать в себя не только ограничения использования англицизмов на вывесках и надписях, в наименовании коммерческих проектов в области строительства, управления недвижимостью, в сфере торговли, но и подготовку регулярных рекомендаций, прежде всего, для средств массовой информации, с возможными вариантами семантических эквивалентов русского происхождения; просветительские акции в социальных медиа, направленные на привлечение внимания к нормативному использованию русского языка и формирование массовой гражданской позиции в отношении речевой культуры. Задача состоит в выстраивании стратегических и ценностных ориентиров в сфере политико-языковых отношений, включающих в себя создание институциональной среды наибольшего благоприятствования для русского языка и уравнивание иноязычных заимствований новым русским словообразованием (СМИ, Совет по русскому языку, Общество русской словесности, работа профессиональных филологов и лингвистов, писателей, журналистов, система образования, нацеленная на просветительскую работу, и т.п.), формирование языкового вкуса как условия уместного и мотивированного использования иноязычных слов.

Литература

- Баско, Н. В. (2017). *О языковых факторах, дестабилизирующих национальную безопасность России*. Решение национально-языковых вопросов как фактор укрепления национальной безопасности России, 112-135.
- Вишневецкая, М. (2018). *Словарь перемен 2015-2016*. Три квадрата.
- Габдрахманова, Г., Махмутов, З., Сагдиева, Э. (2016). *Этноязыковой ландшафт городов Республики Татарстан*. В Г.Ф. Габдрахманова (Ред.), Государственные языки Республики Татарстан: множественность измерений, 121-163.
- Егоров, В. Г. (2021). Русский язык в глобальном лингвокультурном пространстве. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*, 12(4), 1189-1215. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-1189-1215>
- Загоровская, О. В., Есмаеел, С. А. (2008). Об иноязычных заимствованиях в политической лексике русского языка. *Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*, (3), 74-82.
- Китанина, Э. А. (2019). *Использование заимствований для актуализации эффекта иронии в масс-медийном дискурсе*. В Л.М. Гончарова (Ред.), Гуманитарные технологии в современном мире, 74-76.

Кочетков, А. П., Максимов, И. В. (2013). Генезис явления культурных войн в международных отношениях и перспективы его развития. *Вестник Московского Университета. Серия 12. Политические науки*, (4), 96-108.

Кронгауз, М. А. (2015). *Слово за слово: о языке и не только*.

Кронгауз, М. А. (2018). *Русский язык на грани нервного срыва*.

Крысин, Л. П. (2021). *Очерки по социолингвистике*.

Мухарямов, Н. М. (2010). Мотивы безопасности человека в дискурсах о языковой политике. *Вестник Московского Университета. Серия 12. Политические науки*, (4), 36-40.

Мухарямова, Л. М. (2003). *Языковые отношения: политологический анализ*.

Оберемко, О. (2016). Волонтер или доброволец: элементарные объяснения для самоопределения. *Социологические исследования*, (6), 94-101.

Орешкина, М. В. (2023). Заимствование языковое. *Социолингвистика*, 3(15), 147-170. <https://doi.org/10.37892/2713-2951-3-15-147-170>

Паршин, П. Б. (2020). *От лингвистики рекламного сообщения к семиотике маркетинговой коммуникации: дистанция неясного размера*. В Е.Г. Борисова, Л.Г. Викулова (Ред.), *Маркетинговая лингвистика. Закономерности продвигающего текста*, 72-96.

Романова, А. П. (2023). *Культурная безопасность и культурный суверенитет*. В И.С. Семененко (Ред.), *Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля*, 146-153.

Савчук, С. О. (2011). *Корпус современной русской прессы: из опыта создания и использования*. В В.П. Захаров (Ред.), *Корпусная лингвистика*, 149-154.

Савчук, С. О., Архангельский, Т. А., Бонч-Осмоловская, А. А., Донина, О. В., Кузнецова, Ю. Н., Ляшевская, О. Н., Орехов, Б. В., Подрядчикова, М. В. (2024). Национальный корпус русского языка 2.0: новые возможности и перспективы развития. *Вопросы языкознания*, (2), 7–34.

Табаринцева-Романова, К. М. (2018). Культура в международных отношениях: дипломатия, безопасность, конфликт. *Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки*, 3(179), 60-66.

Цыганков, П. А. (2014). *Политическая динамика современного мира: теория и практика*.

References

- Basko, N. V. (2017). *On linguistic factors destabilizing Russia's national security*. In E.P. Chelyshev (Ed.), *The solution of national and language issues as a factor in strengthening Russia's national security*. (In Russ.)
- Egorov, V. G. (2021). Russian language in the global linguocultural space. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(4), 1189-1215. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-1189-1215>. (In Russ.)
- Gabdrakhmanova, G., Makhmutov, Z. & Sagdieva, E. (2016). *Ethnolinguistic landscape of the cities of the Republic of Tatarstan*. In G.F. Gabdrakhmanova (Ed.), *State languages of the Republic of Tatarstan: multiple dimensions*. (In Russ.)
- Kitanina, E. A. (2019). *Using borrowings to actualize the effect of irony in mass media discourse*. Humanitarian technologies in the modern world.
- Kochetkov, A. P. & Maksimov, I. V. (2013). Genesis of cultural war phenomenon in foreign affairs and aspects of its development. *Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science*, (4), 96-108.
- Krongauz, M. A. (2015). *Word for word: about language and more*.
- Krongauz, M. A. (2018). *Russian language on the verge of a nervous breakdown*.
- Krysin, L. P. (2021). *Essays on sociolinguistics*.
- Mukharyamov, N.M. (2010). Human Security Motives in Language Policy Discourses. *Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science*, (4), 36-40. (In Russ.)
- Mukharyamova, L. M. (2003). *Language relations: political science analysis*.
- Oberemko, O. (2016). Elementary explanations for the volunteering in Russian context and Russian language. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, (6), 94-101. (In Russ.)
- Oreshkina, M. V. (2023). Language borrowing. *Sociolinguistic Studies*, 3(15), 147-170. <https://doi.org/10.37892/2713-2951-3-15-147-170>. (In russ.)
- Parshin, P. B. (2020). *From the linguistics of advertising messages to the semiotics of marketing communications: a distance of unclear size*. Marketing linguistics. Regularities of promotional text.
- Romanova, A. P. (2023). *Cultural Security and Cultural Sovereignty*. Identity: Personality, Society, Politics. New Contours of the Research Field.
- Savchuk, S. O. (2011). *Corpus of the modern Russian press: from the experience of creation and use*. In V.P. Zakharov (Ed.), *Corpus linguistics – 2011*.
- Savchuk, S. O., Arkhangel'skii, T. A., Bonch-Osmolovskaya, A. A., Donina, O. V., Kuznetsova, Yu. N., Lyashevskaya, O. N., Orekhov, B. V. & Podryadchikova, M. V. (2024). Russian national corpus 2.0: new opportunities and development prospects. *Voprosy Jazykoznanija*, (2), 7-34. <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2024.2.7-34>. (In Russ.)
- Tabarintseva-Romanova, K. M. (2018). Culture in international relations: diplomacy, security, conflict. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 3. Social and Political Sciences*, V. 13. 3(179), 60-66. (In Russ.)
- Tsygankov, P. A. (2014). *Political Dynamics of the Modern World: Theory and Practice*. (In Russ.)
- Vishnevetskaya, M. (2018). *Dictionary of Changes 2015-2016*. Three Squares. (In Russ.)
- Zagorovskaya, O. V. & Esmael, S. A. (2008). Foreign borrowings in the lexicon of Russian politics. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, (3), 74-82. (In Russ.).

Для цитирования: Януш, О. Б. Иноязычные заимствования в предметном поле политического регулирования / О. Б. Януш // PolitBook. – 2025. – № 1. – С. 145-172. – DOI 10.24412/2227-1538-2025-1-145-172

Ю.В. Баталова

Yu. Batalova

ЦЕННОСТИ РОССИЙСКИХ НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

VALUES OF RUSSIAN NON-GOVERNMENTAL NON-PROFIT ORGANIZATIONS

Аннотация

В контексте проблематики конструктивизации социально-политического потенциала российского гражданского общества анализируются ценности представителей отечественного сектора негосударственных некоммерческих организаций (далее – ННКО).

Цель исследования – выявить различия «ценностных профилей» современных российских обывателей и представителей ННКО, особое внимание уделив характеристике особенностей ценностных ориентиров представителей третьего сектора и их мотивации сотрудничать с властью в вопросах инициирования и реализации социально-политических инициатив.

Методы исследования: сравнительный анализ, диагностика ценностей по методике Ш. Шварца, метод фокус – группы, глубинное интервью, теория поколений.

Ценностный профиль представителей ННКО имеет сходства и отличия от ценностного профиля российских обывателей. Сходства: ориентация на открытость к изменениям, активность. Различия: склонность к альтруизму, менее выраженное стремление к гедонизму и индивидуализму среди предпочитаемых ценностей. Исследование методом фокус-группы и глубинного интервью позволило выявить ряд особенностей «ценностного поля» представителей российского ННКО-сектора. Среди этих особенностей: недостаточная четкость представления волонтеров ННКО (особенно молодого поколения) о некоторых традиционных ценностях российской государственности; убеждение в том, что ННКО оказывают влияние на политическую сферу; суждения о недостаточности доверия вла-

Abstract

In the context of the issues of constructivization of the socio-political potential of Russian civil society, the values of representatives of the domestic sector of non-governmental non-profit organizations (hereinafter - NPOs) are analyzed. The purpose of the study is to identify differences between the "value profiles" of modern Russian citizens and representatives of NGOs, paying special attention to the characteristics of the value orientations of representatives of the third sector and their motivation to cooperate with the authorities in the initiation and implementation of socio-political initiatives.

Research methods: comparative analysis, diagnosis of values according to the method of Sh. Schwartz, focus group method, in-depth interview, generational theory. Results: the value profile of NGO representatives has similarities and differences from the value profile of Russian citizens. Similarities: orientation towards openness to change, activity. Differences: a tendency towards altruism, a less pronounced desire for hedonism and individualism among the preferred values. A focus group and in-depth interview study revealed a number of features of the "value field" of representatives of the Russian NGO sector. Among these features: lack of clarity among NGO volunteers (especially the younger generation) about some of the traditional values of Russian statehood; the belief that NGOs have an impact on the political sphere; judgments about the lack of trust of the authorities in NGOs in terms of allowing these organizations into the field of public policy; assessment of current government policy as insufficiently strategic in terms of incentives constructive socio-political initiatives of the NGO.

сти к ННКО в аспекте допуска этих организаций в сферу публичной политики; оценка текущей государственной политики как недостаточно стратегичной в аспекте стимулирования конструктивных социально-политических инициатив ННКО.

Выявленные особенности менталитета представителей ННКО дают основание для предположения о целесообразности воздействия государства на их ценности в аспектах: «подтягивания» менталитета лидеров, сотрудников и волонтеров общественных организаций к единым ценностям российской государственности и единообразному толкованию этих ценностей; развитие мотивации представителей ННКО-сектора добровольно и последовательно придерживаться этих ценностей; стимулирование государством политико-правовых практик конструктивной реализации ННКО социально-политического функционала.

Ключевые слова:

негосударственные некоммерческие организации, конструктивные гражданские инициативы, гражданское общество, взаимодействие власти и негосударственных некоммерческих организаций, управление по ценностям.

Conclusions: the identified features of the mentality of representatives of NGOs give grounds to assume that the state should influence their values in the following aspects: "tightening" the mentality of leaders, employees and volunteers of public organizations to the common values of Russian statehood and a uniform interpretation of these values; development of motivation of representatives of the NGO sector to voluntarily and consistently adhere to these values; state stimulation of political and legal practices for the constructive implementation of non-governmental organizations of socio-political functionality.

Key words:

non-governmental non-profit organizations, constructive civil initiatives, civil society, interaction between government and non-governmental non-profit organizations, values management.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2025-1-173-196>

Содействие развитию социально ориентированных некоммерческих организаций является одной из задач долгосрочного социально-экономического развития России. Для решения этой задачи, на сегодняшний день сделано многое. Весомую государственную поддержку получают НКО-поставщики социальных услуг. АНО «Фонд президентских грантов по развитию гражданского общества» (далее: ФПГ) начиная с 2017 года ежегодно распределяет миллиарды рублей на реализацию проектных инициатив организаций третьего сектора. На региональном и муниципальном уровнях действует и развивается инфраструктура государственной поддержки ННКО. Однако эта поддержка ориентирована, прежде всего, на развитие социально-экономической составляющей деятельности третьего сектора. Меры стимулирования политических аспектов статуса ННКО как института гражданского общества, способного влиять на общественное мнение, взаимодействовать с представителями публичной власти в рамках действующих норм, привлекать общественность к решению общественно

важных проблем, не получили пока системного, методологически и концептуально продуманного содержания.

Сегодня все больше представителей российского некоммерческого сектора определяют свою деятельность как «вид социального предпринимательства». Это не может не отразиться на мотивах их деятельности. Необходимость приоритетного решения задач совершенствования технологий оказания услуг, развития навыков грантрайтинга способна отодвинуть на второй план потребность реализации миссии ННКО как социально-политического института (подразумевая под политикой «искусство жить вместе»).

Вместе с тем в условиях возрастания необходимости обеспечения политической безопасности нашего государства качество реализации ННКО функции политического института во многом будет зависеть от того, насколько ценностные ориентиры его представителей и добровольцев будут соответствовать традиционным ценностям российской государственности, определенным в Указе Президента России от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

Запрос на определение и артикуляцию ценностных ориентиров весьма актуален для российского сектора ННКО. Применительно к периоду начала – середины 2010-х гг. исследователи отмечали противоречивость характера гражданской активности россиян и их объединений, считая это следствием антинимичной, «расколотов» политической культуры с противоположными ценностями, целями, установками (Ревная, 2024). Социально-политическая активность российской общественности характеризовалась как «парадоксальная», «активность без идеала или инструментальный активизм, направленный на достижение непосредственных целей» (Страдзе, 2013а). Отмечалось, что, с одной стороны, «точечный» характер деятельности граждан и ННКО часто порождает инициативы «одного требования», не ориентированные на получение долгосрочного значимого результата; с другой стороны, ННКО, сосредоточенные на решении актуальных проблем социальных групп, «бьются за себя и свои интересы в одиночку», не создавая горизонтальных ассоциативных сообществ (Федотова, 2024а). Выявлялась также проблема «формирования набора деструктивных практик в сегменте ННКО» (Страдзе, 2013b).

Учитывая долгосрочный характер динамики социально-политических процессов, связанных с развитием властно-общественного взаимодействия, логично предположить, что выявленная в 2010-х гг. проблема неосознанности смысла, культурно-ценностного содержания гражданской активности при несомненной предрасположенности россиян и их объединений к социально-политической деятельности не вполне преодолена и сегодня.

Изложенные и раскрытые в упомянутом выше Указе Президента РФ ценности российской государственности устойчиво воспроизводятся в наци-

ональной истории, политической культуре, системе властно-общественного взаимодействия, и потому должны стать критическим ресурсом конструктивизации гражданских инициатив ННКО, приобретая, таким образом, публичный, разделяемый всеми представителями гражданского общества характер.

Для этого в качестве исходного элемента и приоритетной задачи деятельности государства в области стимулирования и поддержки конструктивных гражданских инициатив ННКО целесообразно реализовать управление по ценностям третьего сектора.

Управление по ценностям – это эффективный инструмент современного менеджмента. В сфере корпоративного управления управление по ценностям служит перспективной альтернативой целевому менеджменту, давно и успешно применяется в целях укрепления и развития корпоративной культуры, достижения разделяемого видения развития организации (Witesman et al., 2023a).

В государственной сфере управление по ценностям также весьма востребовано в аспекте обеспечения срабатываемости и повышения эффективности управленческих команд, повышения уровня доверия общества к власти (van Gestel et al., 2023).

Идея масштабного внедрения управления по ценностям в систему публичного управления стала набирать популярность на Западе на фоне критики концепции «New Public Management», распространения идей об аксиологической сущности государственного управления (Jo, S. & Meier, K.J., 2024).

Применительно к современной России необходимость масштабного внедрения аксиологических методов публичного воздействия аргументируется, во-первых, признанием значимости ценностей как социального регулятора поведения российских граждан; во-вторых, пониманием открывающихся новых возможностей повышения качества государственного управления при использовании регулятивного потенциала ценностных ориентаций; в третьих, необходимостью создания механизма формирования публичных ценностных предпочтений у большинства россиян (Пушкарева, 2018). К этим доводам необходимо добавить отсутствие у России резерва времени в связи с постоянным ускорением политических процессов при их усложнении на современном этапе постиндустриального развития, а также все возрастающей необходимостью обеспечения национальной, в том числе политической, безопасности.

В отношении сектора ННКО внедрение управления по ценностям представляется не просто актуальным инструментом, но и первостепенным шагом профильной государственной политики по следующим причинам.

Во-первых, российские ННКО являются активными агентами распространения социально-политических идей и ценностей, действенными институтами приобщения граждан к социально-политической активности (Клюс, Гужеля, 2023). Вместе с тем лидерам и сотрудникам ННКО, а также волонте-

рам как представителям авангарда гражданского общества в той и или иной степени свойственны либеральные ценности. Важно, чтобы эти ценности в политическом сознании представителей третьего сектора не переходили в деструктивные (т.е. направленные на изменение основ российской государственности), а сочетались с идеями сильного государства, способного гарантировать и защитить права и суверенитет своих граждан в современных условиях.

Во-вторых, управление по ценностям относится к «мягким» инструментам воздействия, поскольку предполагает соучастие объекта в созидании ценностей. В условиях преобладания характерного для современного постмодернистского общества ценностного субъективизма, деятельностной и региональной разнородности ННКО (и, соответственно, высокой степени разнородности менталитета представителей третьего сектора), динамизма и высокой степени неопределенности их идеалов, идей и целей, управление по ценностям предстает как эффективный инструмент воздействия с сильной обратной связью, позволяющий власти «своевременно улавливать тенденции развития общественных процессов и производить коррекцию управленческих решений, а населению влиять на формирование «повестки дня» и процесс принятия управленческих решений, участвовать в решении социально значимых проблем и контролировать качество их решения» (Сморгунов, 2022). Именно в результате масштабного рабочего властно-общественного диалога формулируются и упорядочиваются личные ценности, а также артикулируются так называемые публичные ценности. К последним относят ценности, которые «обеспечивают нормативный консенсус относительно прав, льгот и прерогатив, которыми должны обладать граждане; обязательств граждан перед обществом, государством и другим человеком; принципов, на которых должна основываться деятельность политиков и правительства» (Федотова, 2024b).

Изложенное предопределяет приоритетность выбора тех инструментов диагностики ценностей ННКО, которые: предполагают объективное исследование по выявлению ценностей ННКО с применением количественных и качественных методик; не ставят своей задачей осознанное разделение и противопоставление личных и коллективных ценностей; позволяют испытуемым понять разницу между желаемыми и текущими ценностями; основаны на сравнении ценностей российской государственности с ценностями иных цивилизаций, в частности, западно-европейской и американской; не предусматривают агрессивных, «жестких» социальных технологий менеджмента по ценностям.

Современная наука располагает солидным инструментарием диагностики ценностей (Piatak & Jensen, 2024). Однако вопрос выбора методов диагностики является дискуссионным. Несмотря на убеждение некоторых исследователей в том, что идентификация и измерение коллективных ценно-

стей в корпорации невозможна в принципе (Meynhardt, 2021), попытки выявить ценностные установки отдельной организации (либо организаций, имеющих схожие характеристики) часто предпринимаются в профильных эмпирических исследованиях. К количественному инструментарию выявления ценностей относятся: структурный контент-анализ, закрытые интервью с последующей количественной их обработкой (чаще всего при помощи шкалирования). Не менее востребованы качественные методы диагностики корпоративных ценностей: написание эссе типа «автобиография будущего», в котором испытуемые самостоятельно формулируют «свой» список организационных заповедей; качественный контент-анализ большого массива текстов испытуемых (деловой переписки, интервью, выступлений, авторских работ, высказываний и публикаций в средствах массовой информации и интернете и т.д.) Основанные на комбинированном использовании количественных и качественных методов авторские инструменты диагностики ценностей, как правило, являются «интеллектуальной собственностью» и реализуются в ходе тренингов с применением рефлексии, создания желаемого образа, проведением серии совместных деловых игр, направленных на снижение конфликтности, распределение ролей и определение места лидера группы. Все эти социально-психологические методики имеют цель «подтянуть» менталитет участников к единым желаемым ценностям, подчинить особенное общему, а не наоборот. Таким образом, первоочередная задача управления по ценностям – мотивировать каждого добровольно и последовательно придерживаться общих ценностей для данной социальной группы.

Дискуссионным аспектом диагностики ценностей является также вопрос их соответствия определенному типу культуры.

Применительно к корпорациям и организациям государственного сектора экономики используется ряд методик диагностики общих ценностей, апробированных в конце XX – начале XXI вв. (Bozeman & Sarewitz, 2011). Авторы этих методик допускают, что определенному типу корпоративной культуры соответствует определенный набор ценностей (Yazici & Öztirak, 2023). Респондентам предлагается сформированный случайным образом перечень установок, присущих различным типам организационных культур. Испытуемые должны выбрать те ценности, которые, по их мнению, в наибольшей степени присущи их корпорации, а также перечень «желаемых» корпоративных ценностей. В результате формируется список ценностных предпочтений сотрудников. На этом основании делается вывод о принадлежности организации к определенному типу культуры, о наличии и степени ценностного конфликта между организацией и ее работниками.

Культурологический подход широко применяется при диагностике ценностных установок представителей различных групп стран, культур, цивилизаций (Lönnqvist & Ilmarinen, 2024). Так, культурно-ценностный подход был использован при обосновании взаимосвязи социально-политических

ценностей и демократизации в начале 2000-х гг. Р. Инглхарт и У. Бэйкером, которые анализировали данные об экономическом и политическом развитии 65 стран мира (Baker & Inglehart, 2020).

Наиболее известна методика диагностики ценностей Ш. Шварца, в рамках которой ценностями являются «желаемые, выходящие за рамки конкретных ситуаций цели, которые отличаются друг от друга с точки зрения значимости и являются определяющими принципами в жизни человека» (Schwartz, 1992). Эта методика с 2001 года составляет основу многолетнего сравнительного сопоставления установок, взглядов, ценностей и поведения населения стран Европы. С 2006 года данный проект реализуется и в России лабораторией сравнительных исследований массового сознания НИУ ВШЭ¹. Помимо этого, отечественными учеными культурно-ценностный подход диагностики ценностей россиян на основе методики Ш. Шварца применяется в социально-групповом либо региональном аспектах (Борисова, Воронова, 2015).

Так, В. Магун и М. Руднев приходят к выводу о ментальной близости современных россиян с жителями постсоциалистических европейских стран: идеи сильного государства (консерватизм, осторожность, приверженность авторитету, подчинение) преобладают над идеалами свободы и демократии (открытость изменениям, смелость, инициативность, готовность к переменам). Вместе с тем, с 2006 по 2016 гг. отмечена тенденция роста приспособляемости, адаптируемости россиян к изменениям в сочетании с усилением индивидуалистических ценностей (забота о себе, своей семье). Таким образом, ориентация современного россиянина на ценности «умеренно-консервативного эгоиста» несколько расходится с текущим запросом государства на преобладание альтруистических ценностей над индивидуалистическими (Магун, 2023).

Результаты исследования ценностей представителей отдельных социальных групп или регионов России в целом коррелируют с выводами вышеприведенного исследования. Однако опрос сотрудников ННКО по методике Ш. Шварца поможет выявить некоторые «особенные» качества их социально-политического менталитета, обусловленные спецификой работы в секторе (низкий по сравнению с другими отраслями экономики уровень заработной платы, активная жизненная позиция, высокий уровень социальной активности и т.д.)

В статье приводятся результаты панельного интернет-анкетирования 500 сотрудников ННКО / волонтеров, а также граждан России, участвовавших в секторе ННКО на условиях штатной работы, совместительства либо почасовой оплаты труда из 12 субъектов Российской Федерации. Из числа опрошенных: 127 человек с 17 до 21 года; 123 человека – с 22 до 35 лет;

¹ Лаборатория сравнительных исследований массового сознания НИУ ВШЭ. <https://www.hse.ru/org/hse/expert/massconsc/ess>

122 человека – с 36 до 59 лет; 128 человек – старше 60 лет. Исследование проводилось с 01 сентября 2024 по 01 октября 2024 гг.

Анкетный опрос необходимо дополнить качественными методами (глубинные интервью, фокус-группы). Это позволит повысить валидность исследования в аспектах: уточнения политических ценностей респондентов, специфики восприятия ими умеренно-консервативных ценностей российской государственности, отношения к проводимой современной российской властью политикой укрепления этих ценностей.

В проведенном автором исследовании 15 октября 2024 года методом фокус-группы на тему «Развитие социально-политического конструктивного потенциала общественности в современной России: взгляд ННКО» участвовало 10 респондентов, которым предлагалось ответить на тематические вопросы, а затем внести свой вклад в дискуссию, посвященную проблеме конструктивизации социально-политических инициатив ННКО в нашей стране.

Следуя методике Ш. Шварца, для каждой группы испытуемых на уровне нормативных идеалов и на уровне индивидуальных приоритетов был подсчитан средний балл для каждого из 10 типов ценностей. Результаты представлены в таблицах 1 и 2. Средние показатели позволяют судить о соотношении значимости ценностей в разных группах испытуемых.

Таблица 1. Ценностные ориентиры опрошенных представителей ННКО России

Типы ценностей	Средние показатели значимости типов ценностей с учетом возрастного диапазона опрошенных				
	17 - 21 год	22 - 35 лет	36 - 59 лет	60 лет и старше	По всей выборке в целом
Власть	3,22	3,99	4,2	3,5	3,73
Достижение	4,76	4,76	5,04	4,48	4,76
Самостоятельность	3,99	6,02	4,69	3,78	4,62
Гедонизм	3,99	4,32	3,43	3,64	3,85
Стимуляция	5,32	4,34	4,06	3,64	4,34
Универсализм	5,74	6,23	4,76	4,13	5,22
Доброта	5,81	3,83	5,39	4,2	4,81
Безопасность	3,6	6,02	5,81	5,81	5,31
Традиция	3,39	3,01	3,13	3,28	3,2
Конформность	3,5	3,27	3,32	3,29	3,45

Таблица 2. Ценностные мотивы в поведении опрошенных представителей ННКО России

Типы ценностей	Средние показатели значимости типов ценностей с учетом возрастного диапазона опрошенных				
	17 - 21 год	22 - 35 лет	36 - 59 лет	60 лет и старше	По всей выборке в целом
Власть	1	0	3	-1	0,75
Достижение	2	3	2	1	5,75
Самостоятельность	2	4	2	-1	1,75
Гедонизм	2	2	2	2	2
Стимуляция	3	2	2	1	2
Универсализм	2	4	3	2	2,75
Доброта	3	2	3	1	2,25
Безопасность	2	2	2	3	2,25
Традиция	0	-1	1	0	0
Конформность	1	-1	2	2	1,5

Как можно увидеть из данных таблицы 1, ценностные приоритеты в сознании сотрудников ННКО и волонтеров существенно разнятся в зависимости от их возраста. Для молодых представителей ННКО (до 21 года) приоритетными являются ценности: «достижение», «стимуляция», «универсализм», «доброта». Это характеризует представителей ННКО младшей возрастной группы как добрых, заботящихся об окружающих людях и окружающей среде, любознательных и впечатлительных людей с высокой эмпатией. Самые молодые представители ННКО –сектора стремятся к достижению успеха и признанию общественностью, остро реагируют на общественное мнение, достаточно послушны, вежливы, уважительны по отношению к старшим, самодисциплинированы (о чем свидетельствует высокое значение ценности «конформность» у опрошенных). В то же время молодежи третьего сектора не свойственны желание доминировать над остальными и быть самостоятельными, не слишком важны традиционные устои и нормы. Перечисленные ценности достаточно четко выражены в поведении представителей ННКО до 21 года (табл. 2).

Представители ННКО в возрасте 22-35 лет, как и их более младшие коллеги, стремятся достичь успеха и уважения со стороны окружающих, эмоциональны и сопричастны. Для них безусловную ценность имеет защита интересов и улучшение положения отдельных членов общества (исходя из специфики работы в ННКО, речь идет об улучшении уровня и качества жизни целевых социальных групп). Данную ценность сотрудники ННКО 22-34 лет последовательно реализуют в своем поведении (табл. 2). Вместе с тем в отличие от более молодых коллег, представители сектора ННКО 22-34 лет более самосто-

ятельны и не желают зависеть от общественных стереотипов, правил и норм, хотя далеко не всегда следуют этой установке в своем поведении (см. табл. 1, 2). Уважение к традициям у опрошенных данной возрастной группы заняло последнюю позицию в рейтинге ценностей. Отличительными ценностными приоритетами опрошенных представителей ННКО 22-34 лет является стремление к безопасности (общественной и личной) и довольно сильное желание получать от жизни удовольствие (гедонизм). Обе эти ценности достаточно последовательно проявляются на уровне поведенческих установок.

Для сотрудников и волонтеров ННКО в возрасте 36-59 лет многие ценностные ориентиры из опросника Ш. Шварца оказались значимыми. Однако сочетание в качестве приоритетов ценностей достижения, доброты и безопасности (см. табл. 1) позволяет охарактеризовать представителей этой возрастной группы как уверенных в своих силах личностей умеренно консервативного толка. Как и представители более младших возрастных групп – сотрудников ННКО, эти люди глубоко сочувствуют другим, проявляют доброту, ответственность за состояние окружающей их среды. Самую высокую оценку из всех возрастных групп опрошенных получили у 36-59-летних представителей ННКО ценности «власть» и «достижение», что позволяет судить о сотрудниках этого возраста как об амбициозных, целеустремленных личностях, которые не только желают сохранить свой социальный статус, но и готовы постоянно совершенствовать себя и окружающий мир.

Опрос представителей третьего сектора в возрасте 60 лет и старше показал, что их основными ценностными приоритетами являются: достижение, универсализм, доброта и безопасность (табл. 1). Стремление к безопасности при этом явно выражается в поведенческой ориентации (табл. 2). Это позволяет охарактеризовать опрошенных представителей старшей возрастной группы третьего сектора как целеустремленных, уравновешенных, ориентированных на стабильное развитие государства и общество людей, обладающих высокой эмпатией. В отличие от более молодых представителей третьего сектора, они не питают выраженных лидерских амбиций.

Усредненный ценностный профиль представителей российских ННКО можно увидеть, анализируя данные шестого столбца табл. 1.

Доминирование ценностей достижения, самостоятельности, универсализма и доброты характеризуют опрошенных как социально активных, отзывчивых, альтруистичных, ориентированных на целедостижение людей.

Сочетание низких показателей по ценностям конформности и безопасности с низкой оценкой степени значимости ценности «традиции» может свидетельствовать о неуверенности опрошенных представителей третьего сектора в завтрашнем дне.

Для сопоставления ценностного профиля представителей ННКО с гражданами России, не участвующими в деятельности третьего сектора, в рамках данного исследования путем интернет-анкетирования было опрошено 500

россиян, не имевших опыта работы в ННКО и не участвовавших в волонтерской деятельности, в том числе: 126 человек с 17 до 21 года; 124 человека – с 22 до 35 лет; 127 человек – с 36 до 59 лет; 123 человека – старше 60 лет.

Для каждой группы испытуемых на уровне нормативных идеалов и на уровне индивидуальных приоритетов был подсчитан средний балл по каждой из 10 типов ценностей. Результаты представлены в таблицах 3 и 4. Средние показатели позволяют судить о соотношении значимости ценностей в разных группах испытуемых.

Таблица 3. Ценностные ориентиры опрошенных российских граждан, не являющихся представителями ННКО

Типы ценностей	Средние показатели значимости типов ценностей с учетом возрастного диапазона опрошенных				
	17 - 21 год	22 - 35 лет	36 - 59 лет	60 лет и старше	По всей выборке
Власть	2,45	3,92	5,74	3,31	3,86
Достижение	3,26	3,6	3,21	3,21	3,32
Самостоятельность	3,21	4,01	5,6	3,32	4,04
Гедонизм	5,99	4,92	4,69	3,91	4,88
Стимуляция	4,69	4,59	4,06	3,27	4,18
Универсализм	3,23	3,02	2,06	2,41	2,68
Доброта	4,67	3,95	3,57	4,27	4,12
Безопасность	2,9	3,1	3,39	3,96	3,34
Традиция	2,39	2,92	3,47	4,01	3,2
Конформность	3,69	3,27	3,36	3,22	3,39

Таблица 4. Ценностные мотивы в поведении опрошенных российских граждан, не являющихся представителями ННКО

Типы ценностей	Средние показатели значимости типов ценностей с учетом возрастного диапазона опрошенных				
	17 - 21 год	22 - 35 лет	36 - 59 лет	60 лет и старше	По всей выборке
Власть	0	3	2	0	1,25
Достижение	2	2	1	1	1,5
Самостоятельность	1	3	2	0	1,5
Гедонизм	4	4	3	2	3,25
Стимуляция	3	3	3	2	2,75
Универсализм	2	2	3	1	2
Доброта	3	2	2	2	2,25
Безопасность	2	3	3	3	2,75
Традиция	0	0	2	2	1
Конформность	3	0	1	2	1,5

Из данных таблиц 3 и 4 можно заключить, что возраст играет существенную роль в дифференциации ценностей россиян, так же, как и представителей ННКО.

Российская молодежь в возрасте до 21 года ориентирована в своем сознании и поведении на ценности гедонизма, доброты, стимуляции, что позволяет охарактеризовать их как достаточно амбициозных индивидуалистов, одновременно с большой долей эмпатии относящихся к окружающему миру. Высокие рейтинговые показатели по ценностным ориентациям «стимуляция» и «комфортность» позволяют сделать вывод о некоторой социальной пассивности на уровне сознания у опрошенной российской молодежи.

Молодежь старшей возрастной группы (22-35 лет) в большей степени нацелена на достижение и завоевание уважения окружающих, повышение своего социального статуса (об этом свидетельствуют достаточно высокие показатели по критериям «достижение», «самостоятельность»). Безусловную ценность для них имеет получение удовольствия от жизни, а также стремление получать новые, свежие впечатления, приобретать новый жизненный опыт (за эти аспекты ценностного профиля отвечают ценности «гедонизм», «стимуляция»). Соотношение результатов опроса по ценностям «комфортность», «безопасность» и «традиция» дает основание охарактеризовать российскую молодежь старшего возраста как людей, не слишком рассчитывающих на государство в аспекте обеспечения безопасности и не ставящих традиции, обычаи на первый план. Соотношение оценок по критериям «доброта» и «универсализм» среди россиян 22-35 лет позволяет сделать вывод о доминировании мотивов заботы о ближних (родственников, друзьях) над мотивами заботы о дальних (незнакомых) представителях общества.

У опрошенных россиян среднего возраста (36-59 лет) наиболее выражены ценности индивидуализма («власть», «самостоятельность», «гедонизм», «стимуляция»). Это доброжелательные люди, ориентированные на обеспечение безопасности для своих ближних и прислушивающиеся к мнению окружающих.

Наиболее значимыми ценностями для старшего поколения опрошенных россиян стали «гедонизм», «традиция», «безопасность» и «доброта». Это позволяет отнести их к смешанному ценностному типу людей, для которых характерен баланс между активным и пассивным индивидуализмом, а также довольно высокий уровень ожиданий от государства в аспектах обеспечения безопасности, сохранения социальной стабильности. Вместе с тем в поведенческих мотивах ценности традиций и конформности не явились приоритетными, что может свидетельствовать о том, что эти ценности воспроизводятся, в первую очередь, на уровне сознания, но не поведения россиян.

Усредненный профиль ценностей представителя современного российского общества можно составить по результатам анализа средней арифметической (шестые столбцы табл. 3 и 4).

Полученные результаты в целом совпадают с выводами, сделанными В.С. Магуном в результате изучения ценностей россиян в динамике с 2006 по 2021 гг. (Магун, 2023). По состоянию на 2021 г. исследователь отмечает высокую значимость у россиян ценностей активного индивидуализма (риск новизны, гедонизма и самостоятельности) и ценности благожелательности (заботы о близких) одновременно с низкой значимостью ценности универсализма, маркирующей важность заботы о дальних (незнакомых) людях. Замеченная В. Магуном тенденция снижения значимости ценностей безопасности и конформности также подтверждается результатами настоящего исследования. Присутствуя в сознании россиян, эти ценности в гораздо меньшей степени мотивируют их поведение.

На рисунке 1 приводятся результаты сопоставления усредненного ценностного профиля представителей ННКО и россиян, не задействованных в третьем секторе.

Рисунок 1 – Сопоставление ценностей представителей ННКО и россиян, не задействованных в третьем секторе (на основе опроса по методике ценностей Ш. Шварца)

Сравнивая ценностные «портреты» опрошенных представителей обеих групп по методике ценностной системы Ш. Шварца (круг ценностных типов Ш. Шварца), можно отметить следующее.

И рядовым гражданам, и представителям ННКО практически в одинаковой мере свойственны ценности открытости изменениям (самостоятельность и стимуляция).

Представители третьего сектора, в отличие от обычных граждан, более альтруистичны, настроены заботиться и поддерживать не только близких, но и не знакомых им лично людей из определенных социальных групп (об этом свидетельствуют более высокие значения для сотрудников ННКО ценностей универсализма и доброты и существенно заниженная ценность гедонизма). Впрочем, данное отличие объяснимо, поскольку высокий уровень сопричастности, сопереживания является ключевым мотиватором деятельности социально активных представителей ННКО.

Повышенный в сравнении с обычными гражданами интерес к ценностям безопасности со стороны сотрудников ННКО может объясняться следующим обстоятельством. Большинство работников и волонтеров третьего сектора сегодня проявляют инициативу в поддержку специальной военной операции на территории Украины. Работая с пострадавшими людьми или содействуя сбору гуманитарной помощи, сотрудники ННКО непосредственно наблюдают за социальными группами, вовлеченными в конфликт. Этим объясняется повышение ценности общественной и государственной безопасности в их глазах.

Практически полное совпадение ценностного профиля сотрудников ННКО с обычными россиянами по критериям «традиция» и «комфортность» может быть объяснено следующими факторами.

Первый фактор является общим для представителей ННКО-сектора и рядовых граждан и состоит в недостаточной эффективности, проводимой в России с 2014 г. политики неоконсервативного поворота, которая предполагает активное внедрение идеала «государственного человека» (Григорьева *et al.*, 2014). По результатам исследований, на нач. 2020-х гг. «более сильными оказались социальные, культурные и экономические влияния, действовавшие в противоположном направлении и заданные демократическими и рыночными преобразованиями конца 1980-х – нач. 1990-х гг. и обеспечившие движение ценностей россиян в сторону роста личной активности (риска-новизны и гедонизма) и снижения ценностей безопасности и конформности, выражающих зависимость от внешней защиты и регуляции» (Магун, 2023).

Второй фактор специфичен для российского третьего сектора, поскольку заключается в изменении приоритетов государственной политики в сфере поддержки и развития НКО. Завершение с 2016 года финансирования федеральной целевой программы поддержки третьего сектора, ориентация государства на приоритетную поддержку НКО-поставщиков социальных услуг, «издержки» политики ФПГ в вопросах организации конкурсов соци-

альных проектов, кризис мер поддержки социально ориентированных ННКО во время пандемии, а также возросшая дискреция власти при толковании сущности и характера «политического» влияния в деятельности ННКО – все это означало для большинства ННКО снижение вероятности получения реальной господдержки, сокращение возможностей взаимодействия с государством по поводу инициирования социально-политических инициатив, ориентацию на технологизацию подготовки проектных заявок. Все это не могло не способствовать смещению ценностных ориентаций представителей ННКО в сторону рационального индивидуализма.

Для более глубинного исследования специфики ценностных ориентиров сотрудников негосударственного некоммерческого сектора и их мотивации сотрудничать с властью в вопросах инициирования и реализации проектных гражданских инициатив в октябре 2024 года в формате фокус-группы было проведено исследование 12 сотрудников и волонтеров ННКО. Среди опрошенных: по три представителя из четырех возрастных групп: от 17 до 21 года, от 22 до 34 лет, от 35 до 59 лет, от 60 лет и старше.

Размышляя о сущности конструктивной гражданской инициативы, большинство из них выделило в качестве ее признаков: взаимодействие с органами публичной власти и управления (12 человек); соответствие инициативы основам конституционного строя (10 человек); не запрещенные законом формы и технологии (10 человек). Соответствие ценностям национальной государственности в качестве значимого признака конструктивной гражданской инициативы отметили все опрошенные, а непротиворечивость этическим нормам – 11 из 12 респондентов. Представители ННКО в возрасте от 17 до 34 лет просили уточнить, в чем именно состоит специфика ценностей национальной российской государственности, поскольку, с одной стороны, либерально-политические ценности все еще популярны, а с другой – ценности патриотизма, заботы о ближнем, социальной справедливости характерны как для России, так и для других государств.

Цитата: *«В старших классах, на уроках обществознания, нас учили, что права и свободы человека должны быть превыше интересов государства. Сегодня мы наблюдаем, как либерализм терпит фиаско в государственно-политической практике. ...Индивидуализм по-прежнему транслируется сегодня с телеэкранов как основной принцип жизнедеятельности «успешных» людей, которые достигли всего сами и никому ничем не обязаны... Социальная справедливость есть и в числе либеральных, и в числе консервативных ценностей, а патриотизм – это универсальный для всех людей, любящих свою Родину, принцип».*

Все опрошенные признали, что ННКО косвенно влияют на политическую сферу. В качестве основных направлений такого воздействия все респонденты отметили взаимодействие с государственными и/или муниципальными органами и структурами по конкретным вопросам деятельности

ННКО. Пятеро участников дискуссии отметили, что лидеры и сотрудники ННКО не могут не влиять на общественное мнение, поскольку они вовлекают в свои проекты волонтеров, разъясняют людям те или иные вопросы, касающиеся реализации государственной политики в определенной сфере, тем самым повышая гражданскую компетентность обывателей. Двое сотрудников третьего сектора средней возрастной группы отметили, что в своей деятельности им приходилось выступать в защиту права обратившихся к ним людей на экологически чистую окружающую среду. Один молодой человек – студент юридического вуза – рассказал о своем опыте работы в общественной приемной в рамках ННКО по вопросам оказания юридической помощи гражданам до решения дела по существу вопроса.

Цитата: «Вовлекая людей в свою деятельность, встречаясь с ними, мы меняем их мировоззрение. Они становятся более совестливыми, добрыми, чаще и глубже интересуются тем, как устроено государство, какие есть возможности для взаимодействия с ним... Есть бизнесмены, которые помогают нам реализовывать наши проекты, жертвуют средства, и мы видим, как они «раскрываются», превращаются в активных, болеющих за свою страну (а не только за свой бизнес) граждан... Мы меняем даже менталитет чиновников в лучшую сторону – они становятся более открытыми, восприимчивыми к проблемам обычных людей, более креативными в решении конкретных задач».

На вопрос о необходимости государству помогать ННКО реализовывать конструктивные гражданские инициативы все респонденты ответили утвердительно.

Среди инициатив, которые приходилось реализовывать опрошенным, были названы проекты о зоозащите, сборе средств для помощи пострадавшим в зоне СВО, организации общественных юридических приемных, оказания психологической помощи отдельным категориям граждан.

Отвечая на вопрос о том, помогало ли в реализации этих проектов государство, 10 из 12 респондентов отметили наличие некоторого противоречия между декларируемыми возможностями и реальной помощью в плане поддержки властью инициатив ННКО. При этом, как отметили 9 участников дискуссии, попадание в реестр социально ориентированных вовсе не гарантирует для ННКО приоритетной государственной поддержки. В качестве причин респондентами были названы: отсутствие надлежащих средств в областном и местном бюджетах (2 респондента), недостаточная прозрачность проведения конкурсов на получение субсидий (5 опрошенных), обилие документации, которую нужно собирать для обоснования необходимости поддержки инициативы (4 опрошенных); снижение вероятности выиграть конкурс проектов, тем более для тех организаций, которые уже выигрывали грант несколькими годами ранее (11 опрошенных).

Цитата 1: «Сейчас очень мало кто работает на постоянной профессиональной основе в ННКО. Даже если организация выигрывает грант, практи-

чески все его средства распределяются на расходы на мероприятия, либо почасовую оплату».

Цитата 2: *«Если рядовой ННКО посчастливилось выиграть конкурс проектов, то получить поддержку того же грантодателя в лице государства в ближайшие несколько лет маловероятно».*

Обсуждая вопрос востребованности для современного российского общества Указа Президента России от 9 ноября 2022 года № 809, все представители ННКО высказались в пользу данного акта в качестве основы для разработки государственных мер по укреплению духовно-нравственных ценностей россиян. Вместе с тем участники дискуссии подняли вопрос о необходимости единообразной интерпретации применительно к российской государственности ряда перечисленных в указе ценностей, таких как: права и свободы человека, справедливость. Они указали на необходимость организации широкой разъяснительной, просветительской работы по интерпретации этих ценностей для россиян с учетом контекста общественно-исторической эволюции отечественной государственности.

Цитата 3: *«Социальная справедливость как ценность есть в любой культуре и в любом обществе. Но, например, в странах Запада она понимается иначе. Справедливо, если ты достиг всего сам и поэтому можешь не делиться достигнутым ни с кем. В нашем же обществе эта ценность всегда имела несколько иной смысл: справедливо, если ты поделился с ближним. То же самое можно сказать и о милосердии и гуманизме: у нас эти ценности «от сердца», а на Западе – «от ума».*

Все опрошенные согласились с тем, что у людей нет единого понимания, восприятия перечисленных в указе № 809 ценностей. В качестве причин этого были обозначены: недостаточность знаний о роли этих ценностей в истории российской государственности, недостаточная эффективность действующих каналов приобщения граждан к политике (указали 12 респондентов); апатия, нежелание быть активным гражданином (8 респондентов); отсутствие уверенности в завтрашнем дне, возросший страх людей в результате усиления политических угроз (6 респондентов).

Президентский указ № 809 представляется участникам фокус-группы значимым для российских ННКО, а также волонтеров. Представитель старшего поколения отметил, что обозначенные в указе ценности должны заполнить то профессионально-ценностное пространство, угроза опустошения которого возникла у сотрудников третьего сектора в связи с их исключением из политической сферы и ориентацией государства на первичность поддержки НКО-поставщиков социальных услуг.

Данное высказывание было поддержано всеми участниками дискуссии. Они указали, что сегодня государство фактически не рассматривает ННКО как политические институты гражданского общества, несмотря на то, что его развитие законодательно определено в качестве одного из направ-

лений поддержки деятельности третьего сектора. Такая ситуация делает ННКО разновидностью социального бизнеса, что, в свою очередь, влечет угрозу утраты третьим сектором политической этики, дезориентирует его представителей в пространстве политических ценностей. По мнению участников дискуссии – представителей ННКО среднего поколения, особенно подвержена ценностной дезориентации вкпе с деятельностной технологизацией молодежь, вовлекаемая в проекты третьего сектора.

Цитата 1: *«Мы видим, что для власти мы – вид социальных предпринимателей. Все более популярен термин «социальная эффективность». Проектирование предполагает необходимость участия, прежде всего, искусного грантрайтера и профессионального бухгалтера ННКО. Все более технологичным становится процесс составления проектной заявки. Написание хорошей, красивой и логичной с точки зрения формата и лингвистических конструкций заявки в первую очередь увеличивает шансы на ее поддержку. Мы вынуждены технологизироваться. Особенно это захватывает молодежь».*

Цитата 2: *«Иногда я не вижу глубокого смысла в многочисленных общественных акциях, к которым привлекаюсь, и даже сами организаторы этих акций иногда не могут четко объяснить их смысл».*

На вопрос о том, как представители власти относятся к попыткам ННКО взаимодействовать с ними в политической сфере, все участники фокус-группы дали отрицательный ответ. В качестве основной причины они указали боязнь представителей власти нарушить принцип лояльности посредством вовлечения ННКО в «локальную политику».

Цитата 3: *«Когда мы собираем деньги на благотворительность, поддерживаем людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, помогаем бездомным животным – мы занимаемся «своим делом». Но если мы обращаемся к власти, например, с намерением участвовать в публичных слушаниях по оценке проекта муниципального бюджета либо указываем на недостатки ее работы, нам отвечают: «Политика – это не ваше дело».*

Представители третьего сектора очень боятся попасть сегодня в перечень иностранных агентов. Признавая важность обеспечения политической безопасности в современной России, участники дискуссии отметили, что иногда под угрозу оказаться в списках иноагентов попадают и добросовестные организации. Вот почему сегодня сотрудники ННКО стараются исключить из своей деятельности и проектных инициатив все то, что могло бы каким –то образом быть истолковано как политическая деятельность.

Цитата 4: *«Мы проводим среди своих сотрудников профилактические беседы, отслеживаем их социальную активность, потому что любое их высказывание, пост, комментарий или даже реакция в социальных сетях могут быть истолкованы как политическая деятельность. По сути, сегодня любое критическое или протестное мнение может быть расценено как политическое влияние и может повлечь соответствующие санкции».*

По мнению участников дискуссии, повысить эффективность политики борьбы с иностранными агентами в России помогли бы мероприятия профилактического характера, такие как: масштабная информационно-разъяснительная работа для представителей третьего сектора относительно содержания традиционных российских ценностей, обозначенных в указе № 809. Помимо этого, нужно усовершенствовать в действующем российском законодательстве механизм реабилитации ННКО, попавших в перечень иноагентов, а также расширить досудебную практику решения вопроса о признании ННКО иностранными агентами. Разумеется, все это должно быть реализовано на фоне усиления мер профилактики в обществе политического деструктивизма.

Цитата 5: «Я лично знаю ННКО, которая занималась реабилитацией инвалидов-колясочников и получила под эту деятельность оборудование из Германии в лизинг. Минюст России автоматически признал эту организацию иноагентом, и она вынуждена была закрыться, хотя и была полезной для людей с ОВЗ. При этом сами чиновники признавались, что действующее законодательство несовершенно, но не могли не следовать букве закона».

На завершающем этапе дискуссии ее участникам было предложено оценить текущие меры государства по поддержке конструктивных гражданских инициатив НКО. Результаты этой оценки представлены на рис. 2.

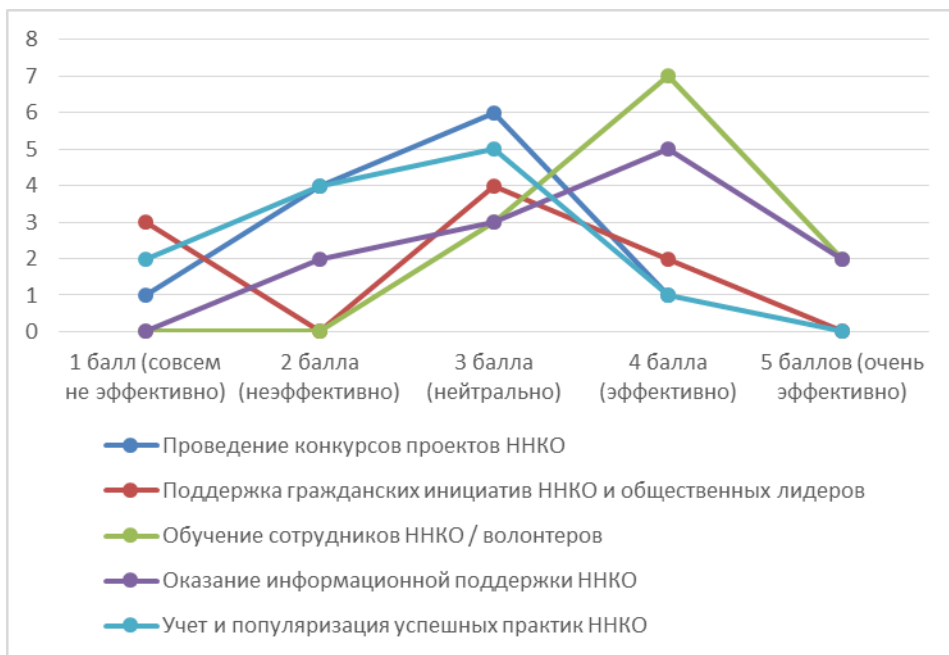

Рисунок 2 – Распределение ответов респондентов по шкале оценки эффективности мер государственной поддержки и стимулирования конструктивных гражданских инициатив ННКО, ед.

Комментарии респондентов к их оценкам (см. рис. 2) приводятся ниже.

1. Проведение конкурсов проектов ННКО. Все респонденты, полагая это направление приоритетной мерой стимулирования и поддержки инициатив ННКО, указали, что его реализация в России не слишком эффективна. В качестве причин они отметили: недостаточную прозрачность механизма проведения оценки конкурсных заявок (12 опрошенных), недостаточно эффективную обратную связь с координаторами конкурса (8 опрошенных), большое количество документов, которые необходимо собрать для участия в конкурсе (9 опрошенных), все еще сохраняющуюся (в случае с ФПГ) неравномерность распределения грантовых средств по регионам (6 опрошенных), несправедливость ситуации, когда и прогосударственные, и автономные от государства ННКО имеют равные права на конкурсную поддержку проектов, а организации, которые уже реализуют проекты за счет иных грантов, имеют право снова подавать на конкурс похожие проекты (10 опрошенных).

2. Поддержка гражданских инициатив ННКО и общественных лидеров. Данное направление стимулирования конструктивных инициатив ННКО опрошенные также полагают очень важным; однако указывают, что его реализация в России существенно затруднена. В качестве причин респонденты отметили: низкую прозрачность механизма оценки и отбора таких инициатив, имея в виду всероссийскую электронную платформу «Российская общественная инициатива» (отметили 9 респондентов); усмотрительную практику экспертов в аспекте признания той или иной инициативы инновационной, полезной для общественности или конкретных социальных групп (10 опрошенных).

3. Обучение сотрудников ННКО/волонтеров. Данный вид государственной поддержки большинство опрошенных признало как востребованным, так и достаточно эффективно реализуемым. Все респонденты отметили наличие большого числа различных курсов, программ повышения квалификации, иных образовательных продуктов, направленных на повышение профессиональных компетенций представителей третьего сектора. В то же время, четверо опрошенных указали на однообразность, «одинаковость» предлагаемых образовательных продуктов, а также низкий учет обратной связи от слушателей.

4. Оказание информационной поддержки ННКО. Важность данного вида стимулирования гражданских инициатив ННКО отметили все волонтеры, но их мнения относительно результативности такой поддержки разделились. Трое из опрошенных указали, что действующие ресурсные центры не всегда дают точные, исчерпывающие консультации по вопросам имеющихся в регионе возможностей участия в конкурсах. Также респондентами была подчеркнута необходимость более оперативного и полного обновления норма-

тивных и информационно-справочных материалов на едином интернет-портале информационной поддержки ННКО.

Цитата: «Обычно их консультации ограничиваются ссылкой на действующие информационные материалы о поддержке ННКО, изданные Минэкономики, а также указанием на интернет-сайты грантодателей. Более конкретную поддержку, особенно в части финансирования и бухгалтерского учета, получить гораздо сложнее».

5. Учет и популяризация успешных практик ННКО. Относительно оценки данного направления государственного стимулирования развития третьего сектора мнения респондентов разделились. Девять опрошенных назвали эту меру неэффективной или нейтральной, поскольку, по их словам, не видят в ней никакой реальной пользы для развития ННКО. Один оценил данное направление как эффективное, поскольку, по его мнению, знакомство с успешными кейсами разработки и реализации проектов в любом случае полезно. Респондент, оценивший данную меру как очень эффективную, признался, что его кейс попал в число лучших практик в рамках конкурса ФПГ – 2022. Ни один из опрошенных не смог четко ответить, каковы границы применимости «успешных» практик третьего сектора.

Проведенное исследование по методике Ш. Шварца позволило выявить специфику ценностного профиля представителей российского негосударственного некоммерческого сектора в сравнении с ценностным профилем россиян, не участвующих в общественной деятельности. Представители ННКО оказались более ориентированы на альтруизм и помощь окружающим, чем россияне, не участвующие в деятельности ННКО. В отношении же политических ценностей представителей ННКО, на основании результатов проведенной фокус-группы было установлено, что не все ценности российской государственности однозначно трактуются представителями молодого поколения третьего сектора. Большинство респондентов, считая ННКО обязательными участниками социально-политических отношений и институтами политического влияния, опасаются взаимодействовать с властью в социально-политической сфере, чтобы не попасть в перечень иностранных агентов. В свою очередь, и представители власти, по мнению опрошенных, стремятся исключить ННКО из участия в любой сфере, связанной с политикой. Высказывая мнение о том, что текущая деятельность государства по усилению поддержки поставщиков социальных услуг превращает ННКО в вид социального предпринимательства, респонденты выразили сожаление о том, что такая политика ориентирует их, прежде всего, на развитие навыков грантрайтинга, совершенствование техник социального проектирования без стимулирования ценностно-политического содержания их активности.

В контексте проблематики данной статьи управление по ценностям ННКО предстает как значимая на современном этапе задача государственной политики Российской Федерации по стимулированию конструктивных

гражданских инициатив третьего сектора, предполагающая «подтягивание» менталитета лидеров, сотрудников и волонтеров общественных организаций к единым ценностям российской государственности, а также развитие мотивации представителей ННКО-сектора добровольно и последовательно придерживаться этих ценностей в своей социально-политической деятельности.

Литература

Baker, W. & Inglehart, R. (2020). Modernization, Cultural Change and the Persistence of Traditional Values. *American Sociological Review*, 65 (1), 19-51. <https://doi.org/10.2307/2657288>.

Bozeman, B. & Sarewitz, D. (2011). Public Value Mapping and Science Policy Evaluation. *Minerva*, 49, 1-23. <https://doi.org/10.1007/s11024-011-9161-7>.

van Gestel, N., Ferlie, E. & Grotenbreg, S. (2023). A Public Value Strategy for Sustainable Development Goals: Transforming an Existing Organization? *British Journal of Management*, 35 (2), 1-17. <https://doi.org/10.1111/1467-8551.12742>.

Jo, S. & Meier, K. J. (2024). Public Perceptions of the Administrative Values Tradeoff: Bureaucratic and Democratic Ethos. *Public Administration*, 1(21), 1-21. <https://doi.org/10.1111/padm.13041>.

Lönnqvist, Ja. E. & Ilmarinen, V. (2024). Basic Personal Values and Vote Choice in 20 European Countries. *European Journal of Personality*, Vol. 0(0), 1-16. <https://doi.org/10.1177/08902070241296979>.

Meynhardt, T. (2021). Public Value is Knowable, Public Value Creation is Not. *Administration & Society*, 53(10), 1631-1642. <https://doi.org/10.1177/00953997211053500>.

Pevnaya, M. V. (2024). Social Participation as a Theoretical Concept and Social Phenomenon. *Changing Societies & Personalities*, 8(1), 5-13. <https://doi.org/10.15826/csp.2024.8.1.260>.

Piatak, J. & Jensen, C. (2024). Public Values and Sector Service Delivery Preferences: Public Preferences on Contracting from Simple to Complex Human Services. *Public Administration Review*, 84(5), 948-965. <https://doi.org/10.1111/puar.13794>.

Schwartz, S. H. (1992). Universals in content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries. *Advances in Experimental Social Psychology*, Vol. 25, 1-65. [https://doi.org/10.1016/s0065-2601\(08\)60281-6](https://doi.org/10.1016/s0065-2601(08)60281-6)

Witesman, E. M., Walters, L. & Christensen, R. K. (2023). Creating a Public Service Topology: Mapping Public Service Motivation, Public Service Ethos, and Public Service Values. *Public Administration*, 102(2), 540-579. <https://doi.org/10.2307/2657288>.

Yazici, A. M. & Öztirak, M. (2023). The Mediator Role of the Organizational Culture in the Relationship between Charismatic Leadership and Corporate Reputation. *Organizacija*, 56(3), 247-264. <https://doi.org/10.2478/orga-2023-0017>.

Борисова, Н. В., Воронова, К. А. (2015). Ценностные ориентации граждан современной России в контексте проблемы качества политических институтов демократии (на примере Пермского края). *Вестник Пермского университета. Политология*, 4, 110-126.

Григорьева, Н. С., Малинова, О. Ю., Мельвиль, А. Ю. и др. (2018). *Государственная состоятельность и траектории режимных трансформаций*. Государственная политика и управление. Аспект-Пресс.

Клюс, А. Г., Гужеля, Д. Ю. (2023). Сообщества возможностей: к вопросу о формировании моделей активизации различных объединений. *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки*, 16 (6), 1024-1032.

Магун, В. С. (2023). Эволюция базовых ценностей российского населения, 2006–2021 годы. *Социологические исследования*, 12, 44-58.

Пушкарева, Г. В. (2018). Менеджмент публичных ценностей: можно ли говорить об аксиологическом повороте в государственном управлении. *Государственное управление. Электронный вестник*, 68, 312-329. <https://doi.org/10.24411/2070-1381-2018-00044>.

Сморгунов, Л. В. (2022). Современные тенденции в государственном управлении: от нового государственного менеджмента к управлению публичной политикой. *Политическая наука*, 3, 100-121. <https://doi.org/10.31249/poln/2022.03.05>

Страдзе, А. Э. (2013). Парадоксальность социальной активности в российском обществе. *Гуманитарий Юга России*, 1, 44-56.

Федотова, В. А. (2024a). Гражданская и этническая идентичность россиян: роль ценностей в их формировании. *Вестник Московского университета. Серия 14: Психология*, 47 (1), 131-149.

Федотова, В. А. (2024b). Социокультурные детерминанты становления гражданской идентичности россиян. *Россия и современный мир*. 3 (124), 194-209.

References

Borisova, N. V., & Voronova, K. A. (2015). Value orientations of citizens of modern Russia in the context of the problem of the quality of political institutions of democracy (on the example of the Perm Region). *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya*, 4, 110-126 (in Russ).

Grigorieva, N. S., Malinova, O. Yu., Melville, A. Yu. and others (2018). *State viability and trajectories of regime transformations*. Public policy and management. (in Russ).

Klyus, A. G., & Guzhelya, D. Yu. (2023). Communities of Opportunity: on the issue of forming models for the activation of various associations. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 16 (6), 1024-1032 (in Russ).

Magun, V. S. (2023). The evolution of the basic values of the Russian population, 2006-2021. *Sociologicheskie issledovaniya*, 12, 44-58 (in Russ).

Pushkareva, G. V. (2018). Management of public values: is it possible to talk about an axiological turn in public administration? *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyy vestnik*, 68, 312-329. <https://doi.org/10.24411/2070-1381-2018-00044> (in Russ).

Smorgunov, L. V. (2022). Current trends in public administration: from new public administration to public policy management. *Politicheskaya nauka*, 3, 100-121. <https://doi.org/10.31249/poln/2022.03.05> (in Russ).

Stradze, A. E. (2013). The paradox of social activity in Russian society. *Gumanitarij Yuga Rossii*, 1, 44-56 (in Russ).

Fedotova, V. A. (2024). Civil and ethnic identity of Russians: the role of values in their formation. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psihologiya*, 47 (1), 131-149 (in Russ).

Fedotova, V. A. (2024). Socio-cultural determinants of the formation of the civic identity of Russians. *Rossiya i sovremennyy mir*, 3 (124), 194-209 (in Russ).

- Baker, W. & Inglehart, R. (2020). Modernization, Cultural Change and the Persistence of Traditional Values. *American Sociological Review*, 65 (1), 19-51. <https://doi.org/10.2307/2657288>.
- Bozeman, B. & Sarewitz, D. (2011). Public Value Mapping and Science Policy Evaluation. *Minerva*, 49, 1-23. <https://doi.org/10.1007/s11024-011-9161-7>.
- van Gestel, N., Ferlie, E. & Grotenbreg, S. (2023). A Public Value Strategy for Sustainable Development Goals: Transforming an Existing Organization? *British Journal of Management*, 35 (2), 1-17. <https://doi.org/10.1111/1467-8551.12742>.
- Jo, S. & Meier, K.J. (2024). Public Perceptions of the Administrative Values Tradeoff: Bureaucratic and Democratic Ethos. *Public Administration*, 1(21), 1-21. <https://doi.org/10.1111/padm.13041>.
- Lönnqvist, Ja. E. & Ilmarinen, V. (2024). Basic Personal Values and Vote Choice in 20 European Countries. *European Journal of Personality*, Vol. 0(0), 1-16. <https://doi.org/10.1177/08902070241296979>.
- Meynhardt, T. (2021). Public Value is Knowable, Public Value Creation is Not. *Administration & Society*, 53 (10), 1631-1642. <https://doi.org/10.1177/00953997211053500>.
- Pevnaya, M. V. (2024). Social Participation as a Theoretical Concept and Social Phenomenon. *Changing Societies & Personalities*, 8(1), 5-13. <https://doi.org/10.15826/csp.2024.8.1.260>.
- Piatak, J. & Jensen, C. (2024). Public Values and Sector Service Delivery Preferences: Public Preferences on Contracting from Simple to Complex Human Services. *Public Administration Review*, 84(5), 948-965. <https://doi.org/10.1111/puar.13794>.
- Schwartz, S. H. (1992). Universals in content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries. *Advances in Experimental Social Psychology*, Vol. 25, 1-65. [https://doi.org/10.1016/s0065-2601\(08\)60281-6](https://doi.org/10.1016/s0065-2601(08)60281-6).
- Witesman, E. M., Walters, L. & Christensen, R. K. (2023). Creating a Public Service Topology: Mapping Public Service Motivation, Public Service Ethos, and Public Service Values. *Public Administration*, 102(2), 540-579. <https://doi.org/10.2307/2657288>.
- Yazici, A. M. & Öztirak, M. (2023). The Mediator Role of the Organizational Culture in the Relationship between Charismatic Leadership and Corporate Reputation. *Organizacija*, 56(3), 247-264. <https://doi.org/10.2478/orga-2023-0017>.

Для цитирования: Баталова, Ю. В. Ценности российских негосударственных некоммерческих организаций / Ю. В. Баталова // PolitBook. – 2025. – № 1. – С. 173-196. – DOI 10.24412/2227-1538-2025-1-173-196

НАШИ АВТОРЫ

БАТАЛОВА Юлия Владимировна – кандидат политических наук, начальник отдела организации защит диссертаций Управления аспирантуры и докторантуры, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва, Россия).

BATALOVA Yulia – PhD of political sciences, Head of the Department for the Organization of Dissertations of the Postgraduate and Doctoral Studies Department, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia).

E-mail: batalova-yv@ranepa.ru **SPIN**-код: 2664-1210 **ORCID:** 0000-0001-5581-5758

ГАЛИМУЛЛИН Эдуард Зульфатович – кандидат политических наук, научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия).

GALIMULLIN Eduard – PhD of political sciences, Research Fellow, Faculty of World Economy and International Affairs / Centre for Comprehensive European and International Studies (CCEIS), HSE University (Moscow, Russia).

E-mail: egalimullin@hse.ru **SPIN**-код: 8285-9495 **ORCID:** 0000-0003-3247-7826

ГУСЕЛЕТОВ Борис Павлович – доктор политических наук, доцент, главный научный сотрудник, Институт Европы, Российская Академия Наук (Москва, Россия).

GUSELETOV Boris – doctor of political sciences, Associate Professor, Chief Researchers, Institute of Europe Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: bguseletov@mail.ru **SPIN**-код: 1360-6779 **ORCID:** 0000-0001-6256-5013

КОРОТЫШЕВ Александр Павлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры социальной безопасности и гуманитарных технологий, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия).

KOROTYSHEV Aleksandr – PhD in History, Associate Professor, Department of Social Security and Humane Technologies, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia).

E-mail: aleks_korotyshev@mail.ru **SPIN**-код: 3892-9425 **ORCID:** 0000-0002-8824-0169

МАЙОРОВ Максим Глебович – аспирант факультета мировой экономики и мировой политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия).

MAIOROV Maksim – PhD students, Faculty of World Economy and International Affairs, HSE University (Moscow, Russia).

E-mail: mgmayorov@edu.hse.ru **SPIN**-код: 8975-0338 **ORCID:** 0009-0005-1858-7350

МАТВЕЕНКО Юрий Иванович – доктор политических наук, профессор кафедры политологии и политического управления, Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва, Россия).

MATVEENKO Yury – Doctor of Political Science, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia).

E-mail: matveenko-yi@ranepa.ru **SPIN**-код: 3423-6302 **ORCID:** 0000-0002-0316-062X

МАНСУРОВ Тимур Зуфарович – кандидат политических наук, доцент кафедры конфликтологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, (Казань, Россия).

MANSUROV Timur – PhD of political sciences, Associate Professor of the Department of Conflict Resolution Studies, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russia).

E-mail: timur-man333@mail.ru **SPIN**-код: 9208-9049 **ORCID:** 0000-0001-7342-5526

ПОПОВА Ольга Валентиновна – доктор политических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований, Институт научной информации по общественным наукам, Российская академия наук (Москва); Профессор кафедры политических институтов и прикладных политических исследований факультета политологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург Россия).

POPOVA Olga – Doctor of Political Science, Professor, Leading Researcher, Center for Interdisciplinary Research, Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences; Professor, Department of Political Institutions and Applied Political Research, Faculty of Political Science, St. Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia).

E-mail: pov_64@mail.ru

SPIN-код: 6910-3375

ORCID: 0000-0002-0701-7767

РЯБОВА Татьяна Борисовна – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена; профессор, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Санкт-Петербург, Россия).

RIABOVA Tatiana – Doctor of Sociology, leading researcher, Herzen State Pedagogical University of Russia; professor, Saint Petersburg State University of Economics (Saint Petersburg, Russia).

E-mail: riabova2001@inbox.ru

SPIN-код: 4870-4514

ORCID: 0000-0001-5270-7911

ТУРКИН Илья Андреевич – исследователь, кафедра сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы (Москва, Россия); Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия).

TURKIN Ilya – researcher, Department of Comparative Politics, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russia); Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russia)

E-mail: ilya.turkin2001@gmail.com

SPIN-код: 8245-0570

ORCID: 0009-0006-9485-1659

ШЕВЧЕНКО Екатерина Сергеевна – кандидат политических наук, эксперт, Центр развития образовательных и исследовательских проектов «Академический Альянс» (Москва, Россия)

SHEVCHENKO Ekaterina – PhD in Political Sciences, Expert, Center for development of Educational And Research Projects «Academic Alliance» (Moscow, Russia).

E-mail: katerina.shevva@yandex.ru

SPIN-код: 1890-3374

ORCID: 0000-0002-9877-3161

ШИНКАРЕНКО Александр Александрович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра политических исследований, Институт Латинской Америки РАН; старший преподаватель, Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы (Москва, Россия).

SHINKARENKO Alexander – PhD of Political Sciences, Senior Fellow Researcher at the Center for Political Studies, Institute of Latin America of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: hombreyo@gmail.com

SPIN-код: 6022-9037

ORCID: 0000-0003-4834-3910

ЯНУШ Ольга Борисовна – кандидат политических наук, доцент кафедры социологии, политологии и права, Казанский государственный энергетический университет (Казань, Россия).

YANUSH Olga – PhD in Political Sciences, Associate Professor Department of Sociology, Political Science and Law, Kazan State Power Engineering University (Kazan, Russia).

E-mail: yanush_ob@yahoo.com

SPIN-код: 5737-4096

ORCID: 0000-0002-5606-5984

THE CONTENTS

GLOBAL INSTABILITY AND INTERNATIONAL RELATIONS

T. Riabova, I. Turkin, A. Korotyshev

CHINESE-AMERICAN RELATIONS THROUGH THE PRISM OF COLD WAR SYMBOLS:
EXPERIENCE OF STUDYING US MEDIA USING BIG DATA ANALYSIS
5

E. Shevchenko

THE US FOREIGN POLICY IN RELATION TO THE EUROPEAN UNION COUNTRIES
AT THE PRESENT STAGE: POLITICAL DIALOGUE OR SYSTEM CRISIS?
22

E. Galimullin, Y. Matveenko, M. Maiorov

NATO IN THE ARCTIC: EVOLUTION OF THE ALLIANCE'S POLICY
IN THE REGION AND NEW SECURITY CHALLENGES
41

B. Guseletov

AUSTRIA EUROPEAN AND PARLIAMENTARY ELECTIONS RESULTS:
GROWTH OF POLITICAL INSTABILITY AND STRENGTHENING
OF THE RIGHT-WING RADICALS POSITION
60

A. Shinkarenko

IN THE ARMS OF DEPENDENCY?
LATIN AMERICAN REHASHES OF THE "BEIJING CONSENSUS"
78

T. Mansurov

POLITICAL SETTLEMENT OF THE ARMENIAN-AZERBAIJANI CONFLICT:
POSSIBILITIES AND PROSPECTS
98

ARTICLES

O. Popova

POLITICAL CLASS IN THE MODERN STATE: EXPERT ASSESSMENTS
129

O. Yanush

FOREIGN LANGUAGE BORROWINGS IN THE SUBJECT FIELD
OF POLITICAL REGULATION
145

Yu. Batalova

VALUES OF RUSSIAN NON-GOVERNMENTAL NON-PROFIT ORGANIZATIONS
173

OUR AUTHORS

197

ISSN 2227-1538 (Print)
ISSN 2307-4590 (Online)

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-48608 выдано
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций

Адрес редакции и издателя: 428023,
Россия, Чувашская Республика,
г. Чебоксары, ул. Гражданская, 66, 7.

Тел. +7937 9539205.
E-mail: editor@politbook.online
<http://politbook.online>

ООО «НИИ общественных
и политических наук»

Подписано в печать 20.01.2025
Дата выхода в свет 12.02.2025

Формат 70x100/16.
Усл. печ. л. 12,0.
Тираж 500 экз.

Отпечатано с готового оригинал макета
ООО «НИИ общественных
и политических наук», 428023,
Россия, Чувашская Республика,
г. Чебоксары, ул. Гражданская, 66.
www.iorn.ru

Свободная цена

© НИИ общественных и политических
наук, 2025.

Published by:
Institute of Social and Political Sciences

Address: 66 – 7, Graghdanskay st.,
Cheboksary, Russia, 428023

E-mail: editor@politbook.online
<http://politbook.online>

© Institute of Social and Political
Sciences, 2025.

